

Вениамин Кисин
Борис Кисин

Я СНОВА БУДУ ЖИТЬ

Рязань
2019

ББК 83.3 (2 Рос. - 4 Ряз.) 6

К44

Кисин Вениамин. Кисин Борис. Я снова буду жить: литературоведческое научное исследование / Вениамин Кисин, Борис Кисин; авт.-сост. Г.П.Иванова. – Рязань: ИП Жуков В.Ю., 2019. - с. 308: фот.

ISBN 978-5-904308-21-6

Книга «Вениамин Кисин. Борис Кисин. «Я снова буду жить», дополненная, к 120-летию Бориса Кисина и первая книга «Вениамин Кисин. Борис Кисин. «Вербьы весенняя вестъ», выпущенная в 2017 году к 120-летию Вениамина Кисина, составлены на основе уточнённых опубликованных и неопубликованных сведений о поэтах, с избранными их стихами в сборниках 20-х годов XX века и рукописными из фондов литературных архивов и научных библиотек Москвы и Рязани и знакомят читателей с жизнью и поэтическим творчеством Вениамина и Бориса Кисиных с указанием всех подлинных источников.

В книгах впервые опубликованы сведения и копии документов, рукописей, фотографий, хранящихся в РГАЛИ, в НИОР РГБ, в ОР ГМИРЛ им. В.И.Даля, в фондах и в НБ РИ-АМЗ, в фондах и в НБ РОХМ им. И.П.Пожалостина, в РО-УНБ им. М.Горького.

ББК 83. 3 (2 Рос. - 4 Ряз.) 6

ISBN 978-5-904308-21-6

© Г.П. Иванова, 2019

© В.Ю. Жуков, 2019

Вениамин Кисин

Борис Кисин

«Я снова буду жить»

Рязань

2019

«Воскреснуть, вернуться в Россию стихами...»

Георгий Иванов в Зарубежье писал, обращаясь к Ирине Одоевцевой: «...что стало с нами. И отчего я эмигрант», – и делился откровением: «Обещано мне воскреснуть, вернуться в Россию стихами». И в своё 100-летие со дня рождения он прошёл в Москве, в Петербурге литературными вечерами, сборниками своих стихов, – триумфально вернулся в Россию стихами.

О своей жизни и о своём творчестве в России не один поэт, как Есенин, мог сказать: «В своей стране я словно иностранец», – и стать для родины тем воздухом, той силой и тем счастьем, которым жива великая Россия.

Маяковский пообещал: «Я к вам приду», – и пришёл наилиричнее «весомо, грубо, зримо».

Евгений Евтушенко: «Россия! Я тебя люблю!»

«И демагогам не в угоду
Я каждый день бросаюсь в бой
И умираю за свободу,
Свободу быть самим собой».

«Если будет Россия, –
Значит, буду и я».

«А снег повалится, повалится,
И цепи я перегрызу,
И жизнь, как снежный ком, покатится
К сапожкам чьим-то там, внизу».

Первого апреля – в это поверить нельзя и не надо – ушёл он «в небо с земли». А с неба – вместе с солнцем и вместе с дождём с самого начала месяца и в июле в России в Москве на Красной площади, где в это время отмечали его рождение и память и звучали его стихи, срывались снежинки.

Николай Рубцов писал: «Россия, Русь, храни меня, храни!».

Евгений Маркин знал: «Как бы на корню ни подрезали, в летописи песенной Рязани всё равно меня не зачеркнуть».

«Как ветер, прям наш непокорный путь...

Узнай же, мать, поднявшегося сына,

Ему дано восстать и победить», – писал Павел Васильев.

«И нельзя мне выше, и нельзя мне ниже,

И нельзя мне солнца, и нельзя луны»;

«Мне есть что спеть, представ перед Всевышним,

Мне есть чем оправдаться перед Ним», – написал Высоцкий 11 июня 1980 года, за полтора месяца до 25 июля этого же года.

Мощно, через запрет несла Россия всем миром песни Высоцкого и спектакли Таганки.

И так же лавиной пришёл он в свой любимый Театр Юрия Любимова стихами, книгами своих стихов уже из жизни вечной и «на века».

Во все времена судьбы поэтов решают те, кто берёт на себя право о гениальном творении гениального поэта сказать: «Жалкое дарование».

«Но есть и Божий суд», и не дает он в забвение кануть тем, кем во все времена дышит Россия и возвращает их из жизни вечной к жизни земной, как необходимое дыхание своё.

«”Быть или не быть?” – “Не быть”, – отвечает время поэту». Но во все времена время выбирает поэтов.

Из жизни вечной в жизнь земную пришли те, без кого «пусто и гулко на свете», как писали о гибели Александра Блока Вениамин и Борис Кисины.

И если, к сожалению, часто «лицом к лицу лица не увидеть», то, «по счастью», «большое видится на расстоянии». В год 120-летия со дня рождения и 95-летия памяти Вениамина Кисина (2017), в год 120-летия Бориса Кисина (2019) вернулись «в Россию стихами» Вениамин Кисин и Борис Кисин.

Галина Иванова.

Вениамин Кисин

«Алмазная корона в небесах...»

«Алмазная корона в небесах»¹

Читаю стихи рязанских поэтов в сборниках, изданных в Рязани в 20-х годах прошлого века, «а в небе голубом горит одна звезда»² – Вениамин Кисин.³

*Вениамин Кисин. 1910-е.
РГАЛИ, 2255, 2, 22, л.2.*

В воспоминаниях Михаила Мурашова о Сергее Есенине есть эпизод со словами Есенина о стихотворении Блока, которые мне вспомнились и которые мне не приходилось так переживать прежде: «оно как бы светит мне».

И хотя я не знаю даже значения отдельных слов в строчках стихов Кисина, его стихотворения «как бы светят мне».

Эти стихи предполагают проникновение в их автора литературы не только современной ему, и не только литературы.

По его строчкам видно, что, не зная Маяковского, Есенина, Клюева, Мариенгофа, Северянина, Пастернака, <...> лично и личностно и творчески глубинно, так не напишешь:

«Васильки разбросала в смарагдовом поле,
Ты омыла глаза синевою,
И плывёшь надо мной в осиянном просторе,
И плывёт голубь твой.
Эти сонные руки мне снились, мне снились
И ресниц опушённая тень,
И не раз вечера умирать уводили
В пурпур роз и в немую сирень.
Там, где синяя тишь, золотое молчанье,
И червлёные маки огней,
Засветилась звезда – голубое качанье,
Жемчуг на шее твоей.
И в лиловой фате, и в прозрачных покровах,
Безмятежность очей осень,
Уплываешь, и гаснешь, и манишь сурово –
Не со мной, не моя, – не меня...
Васильки зацвели в аметистовом поле
На кострах уносимых святынь,
Но в объятиях синь и молчанье неволи,
На губах опалённых – полынь».⁴

«В сельском уборе

Ты из цветка шепнула мне: «Я здесь».
Был полдень жгуч, и небо пламенело,
И нестерпимо радостно горела
Небесная чуть слышимая весь.
Ты из ветвей шепнула мне: «С тобой».
Берёзкой шелохнулась белогибкой

И промелькнула зайчиком-улыбкой
От речки захмелевшей и живой.
Ты с крыл пчелы гудением взметнулась,
Жуком мою тропу переползла
И бабочкой, что краткий день жила,
К душе отверстой жутко прикоснулась.
Неизгладима радость быстрых встреч,
Ржаных колосьев – кос златистое дыханье,
Медвяный запах загорелых плеч
И милых ситцевых одежд благоуханье.
Я на песке следов твоих искал,
Плыл с облаком над чернью раскалённой,
И смуглость рук, сияньем опалённых,
Несчётно и забвенно целовал». ⁵

«Акростих
Верочке Марецкой

Вейся, вейся, зелёная веточка.
(Ещё черны облака надо мной).
Радостногубая Верочка
Опахнула улыбку весной.
Чу, шалунья, крылатую песенку,
Как на небо алмазную лесенку,
Алую лесенку ласковых слов...». ⁶

«Византийская императрица

В шлеме ночи, звенящем погибелью,
В горностае кровавой порфиры,
Рыжекудрая, мраморно-белая,
Из какого приходишь ты мира.
Рук молочных алебастр голубеющий
В огневые браслеты закован.
Белоснежный полёт голубей –
С низкой шеи в пушистые кровы.

Сурьмой на-брови хрип истязания,
Кровь застенка в живые агаты,
По плечам иссечённым стезя –
И другою притти не могла ты.
Диадемы рубины кровавые –
Душ проклявших последние вскрики:
Вкруг бедра, в притираний отраве,
Вопли оргий змеёй повилики.
Оттого, что персты византийские
Жёлтой жёлчью сожжённые вайи,
Я целую, клеймённый скиф,
След порочных сандалий твоих». ⁷

«Золотой лилии

О, не плачьте так горько, маркиза,
 над монархом казнённым;
Вы испортите краску на Вашем прекрасном лице...
...Sire! Вы стали ещё величавей,
 чем были в короне,
В багрянице пурпурной и в златокровавом венце.
Дайте мне Вашу руку. Как
 сладостны синие жилки.
Ваша мушка сказала, что вечер – ко мне - благосклонен...
...Там на площади жуткой, в толпе, полногрудая милка
В тесноте прижималась, глумясь
 над поверженным троном.
Как сладки Ваши ласки. Как жутки и пряны мгновенья.
О, маркиза, нас ночь с золотистыми лильями ждёт.
...И с улыбкой изящной, как в нежную ночь наслажденья,
Каблучками стуча, на высокий взойдём эшафот...». ⁸

«Марсельеза

К оружию, граждане! Отвсяду лютый враг
Стремит свои полки на пажити свободы,

Он нас поработит опять на долги годы
И осквернит трёхцветный славный стяг.
К оружию, граждане! Смыкайте батальоны,
Уж слышатся в полях крестьян несчастных стоны,
И если нам врагов не одолеть,
То честь свободного – свободным умереть».⁹

«Неизглаголаный! Волнами синими
Вытекает солнца золотое око.
Неизглаголаный! Зачем пустынями
Влачишь меня и ломаешь жестоко.
Цветами багровыми крови измученной
Скользкий свод кроплю на пути.
Неизглаголаный! Остры излучины,
Хребет перебитый кричит: «Пусти!».
На синем куполе пятна кровавые
Звездами утренними заблестят ли,
Руки сведённые – авва! авва! –
Вербам весенним ли ясные ясли?».¹⁰

И по отдельным посвящениям и стихам его собратьев по перу видно, что и для них он особенный. Иван Борисов «Беломорье»: «Моей улыбке – В.Кисину»; Владимир Круглов «Глубины»: «Боли моей – Вениамину Кисину»; Николай Рещиков «Писанка»: «Другу и брату Вениамину Кисину»; Дмитрий Майзельс «Памяти Вени»:

«<...> Слово твоё взмеренное –
В узорные зори, в цветные ветра.
Стебель зелёный – в солнечные взоры,
Закатав бронзовые веера.
Секретарь мудро улыбающийся
отделения Союза,
Увековечивший тягучую Рязань.
Вечностью мерцающая твоя
застреленная муза.
Я ничего не сказал»¹¹.

И оттого, что всё непонятно: и откуда такие стихи, и откуда сам поэт, такой неожиданный в Рязани, – читаю всё, что есть о нём в Рязани в Рязанской областной универсальной научной библиотеке им. М.Горького, в Научной библиотеке Рязанского историко-архитектурного музея-заповедника, в фондах РИАМЗ, в Государственном архиве Рязанской области и в Москве в Российской государственной библиотеке, в Российском государственном архиве литературы и искусства, в Государственном музее истории русской литературы им. В.И. Даля, и, конечно, выясняю значение непонятных мне слов, которые впервые прочитала в его стихах. И узнаю из Интернета, что фамилия «Кисин» происходит от слова «киса» и что словом «киса» называли ещё и «кошель», что слово «Кисин» в японском языке образовано сочетанием иероглифов «Они» и «Бог»

Мимо Вениамина Кисина не прошли такие же особенные преподаватели Рязанского педагогического института им. С.А.Есенина (теперь – университета) Василий Павлович Гришин и Игорь Николаевич Гаврилов, которые во мне во время учёбы в институте поддержали и развивали мой интерес к подлинному, настоящему. В их работах¹² – основные сведения о поэте: родился в Рязани, окончил Рязанскую 1-ю мужскую гимназию, учился в Московском университете на медицинском факультете, был одним из организаторов и первым секретарём Рязанского отделения Всероссийского Союза поэтов, одним из инициаторов и создателей Рязанского «Дома искусств», издателем сборников стихов в Рязани, автором Декларации нового литературного течения «Люминизм», погиб в Москве неожиданно и рано. Алла Александровна Севастьянова опубликовала работу о коллективных сборниках 20-х годов XX века не только в Рязани и об участии стихами в сборнике «Киноварь» Бориса Пастернака. Марк Николаевич Мухаревский впервые написал о первых откликах в Рязани младшего брата Вениамина Кисина Бориса Кисина на смерть Сергея Есенина. К 100-летию со дня рождения Вениамина Кисина на основе хранящихся в московских архивах мате-

риалов литературовед Александр Галушкин написал о жизни и литературном творчестве поэта в статье «Люминизм Вениамина Кисина»¹³.

В архивах Рязани и Москвы хранятся все сборники со стихами Вениамина Кисина («Коралловый корабль», «Сегодня», «Плетень», «Голгофа строф», «Киноварь», «Из недр земли», «Багряница», «Собрание стихотворений», «Мирское сердце»); воспоминания и комментарии о всех стихах Бориса Кисина; рукописные сборники со стихами Вениамина Кисина и Бориса Кисина (Бориса Кевера) со стихами и с иллюстрациями Бориса Кисина, которые издавали Кисины («Мандрагора», «Калейдоскоп», «Полишинель»); рукописи стихотворений В. Кисина – автографы Вениамина в основном и Бориса Кисиных в предполагавшихся к изданию Вениамином Кисиным сборниках «Звёздные ресницы», «Белена», «Белое пламя» – «Плаха пульса», «Асфальтовая месса», «Смерть в виссоне», «Мирское сердце», «Рязань на Яру»; воспоминания А.В. Белякова, фотографии Вениамина Кисина, Бориса Кисина, Александра Белякова – это всё сохранил, собрал и передал в архивы Борис Моисеевич Кисин.

Благодаря Борису Кисину узнаём сведения биографии и все опубликованные стихи и рукописи неопубликованного литературного наследия Вениамина Кисина.

«Вениамин Мойсеевич (так в рукописи) Кисин 8-го марта (ст.ст.) 1897 года родился в г. Рязани»¹⁴. В письме Тарасу Мачтету в ответ на его вопросы Вениамин Кисин пишет: «Кто я такой, откуда <...>. Родина моя – с. Задубровье Спас. уез., Ряз. обл.»¹⁵.

1913 / VIII / 18.

Турбокоучамаемий
Марас Транспечив!

Ирение. Вери похвалити Виражунс
Ваму неломла. Наму неломла. Наму неломла.
Точити ја поддепмау Ваму. Наму неломла.
Ваму еманиса и еманиса на инаграм
и инаграм ја. Наму неломла. Наму неломла.
Редакциониса. Наму неломла. Наму неломла.
мамау члору днардиртени. и ја. Наму неломла.

Ирение. Наму неломла. Наму неломла.
отточасецадо ирение. Наму неломла.
будити неломла. Наму неломла. Наму неломла.
Вирода в. сева. Наму неломла. Наму неломла.

Менеу а. Наму неломла. Наму неломла.
Ваму неломла. Наму неломла. Наму неломла.
Ирение. Наму неломла. Наму неломла. Наму неломла.
и неломла. Наму неломла. Наму неломла.

Редиса. Наму неломла. Наму неломла. Наму неломла.
А. Наму неломла. Наму неломла. Наму неломла.
Ваму неломла. Наму неломла. Наму неломла.

В документах Рязанской городской Управы, как указано на обороте копии свидетельства о рождении Бориса Кисина, представленной им во ВХУТЕМАС в 1922 году, в ГАРО сейчас нет этой «Книги о родившихся евреях...», как нет и других Книг, где могла быть запись о рождении Вениамина Кисина. Но его рождение в Рязани подтверждено, кроме воспоминаний Б.М. Кисина, в Аттестате зрелости В. Кисина.

Кисины могли временно находиться в живописном селе Задубровье, как более благоприятном для здоровья Хаи Соломоновны, перед рождением и во время рождения Вениамина Моисеевича Кисина.

А так как в селе Задубровье была Никольская церковь, но православная, его рождение было документально оформлено в Рязанской синагоге и место рождения записано: Рязань. К тому же, и постоянное местожительство Кисиных – Рязань, где они были квартиронанимателями в целом ряде домов: Говорова, Соколова, Рябова, Асташёвой, Кедрова, Харина, Шевченко.

В это время Кисины были квартиронанимателями дома Василия Ивановича Говорова в Рязани по улице Маломещанской.

4 января 1897 года (до рождения Вениамина в год его рождения) домовладелец города Рязани канцелярский служащий Василий Иванович Говоров подаёт заявление в Рязанское городское по квартирному налогу Присутствие с указанием проживающего в его доме, находящемся на улице Маломещанской, где он проживает и сам, «квартиранта» «цехового» Моисея Соломоновича Кисина.¹⁶ До рождения Бориса в год его рождения, Моисей Соломонович был «цеховым», «квартирантом» домовладельца Говорова Василия Ивановича в доме на улице Маломещанской и в январе 1899 года.¹⁷

Позднее Моисей Соломонович Кисин был квартиронанимателем дома купца Ефима Петровича Соколова на Маломещанской (заявление домовладельца от 4 января 1901 года)¹⁸.

И «первый образ дома», в котором прошло детство Вениамина и Бориса (в этом доме Кисины жили до 1905 года), в стихотворениях Вениамина Кисина:

«Над кроватькой клонилаь мама.
Маломещанская. Дом Соколова.
Против трёхоконного дома
Страшный разбойный пустырь,
Над пустырём – оловянная ширь».
«Я всё такой же большой ребёнок.
Сад Соколова мой сон качал.
В зелёных заката затонах
Над Маломещанской моего
детства свеча.
Ведь я всё так же в желаньях
неистов,
Всё так же глыбкой грустью повит.
Под суровой скорлупой сутулого люминиста
Детское сердце хрипит о любви».
«И о тебе ли забуду –
(над тазом с вишнёвым вареньем склонясь),
К чьим губам я тянулся, как к чуду,
О мама – голубых ободочков вязь».¹⁹
«А какие у мамы сказки
(Даже няня не знает таких)
<...>
Как не вспомнить мне маму мою.
И белых цветов не надо
И не надо живой воды, –
Когда под бровями рядом
Васильки, живые цветы».²⁰

Борис Кисин писал: «О раннем его детстве почти ничего не помню. Помню только осенние сумерки Судного дня, алые угли в печке. Взрослые в синагоге, а мы, собравшись в кружок, слушаем сказки «Елены, сказочницы погостинской». И это причудливое сочетание – Судный день и дремучие ле-

са, и овраги, где таятся разбойники, и папоротники – не здесь ли корни его творчества, с одной стороны, проникновенно постигающего «Россию, Расею, Расеюшку», а с другой – такого глубоко еврейского».²¹

В 1905 году вся его семья пережила погром дикий и беспощадный только за то, что они евреи. (Фамилия «Кисин» – № 39 в одном из списков «Дела об ассигновании средств на выдачу пособий евреям, пострадавшим от погрома 23-24 октября 1905 г.»).²² Моисей Соломонович Кисин отказался от пособия в пользу беднейших.²³ Ущерб был огромный, но был далеко не полностью возмещён, а погромщики не были наказаны. По счастью, жертв среди евреев не было, так как погром начался не с квартир, а с магазинов, им принадлежавшим. К чести города, нашлись в Рязани люди, приютившие их в своих домах во время и после погрома. Вениамину Кисину было восемь лет, Борису – шесть годиков.

Почти с 6 лет Вениамин Кисин «сел за книги, сначала обучался древнееврейскому языку, изучал еврейское богословие, позднее стал готовиться в гимназию»²⁴.

«У Вени взгляд не по-детски строгий

И душа ненасытимая»²⁵, – писал он о себе позднее.

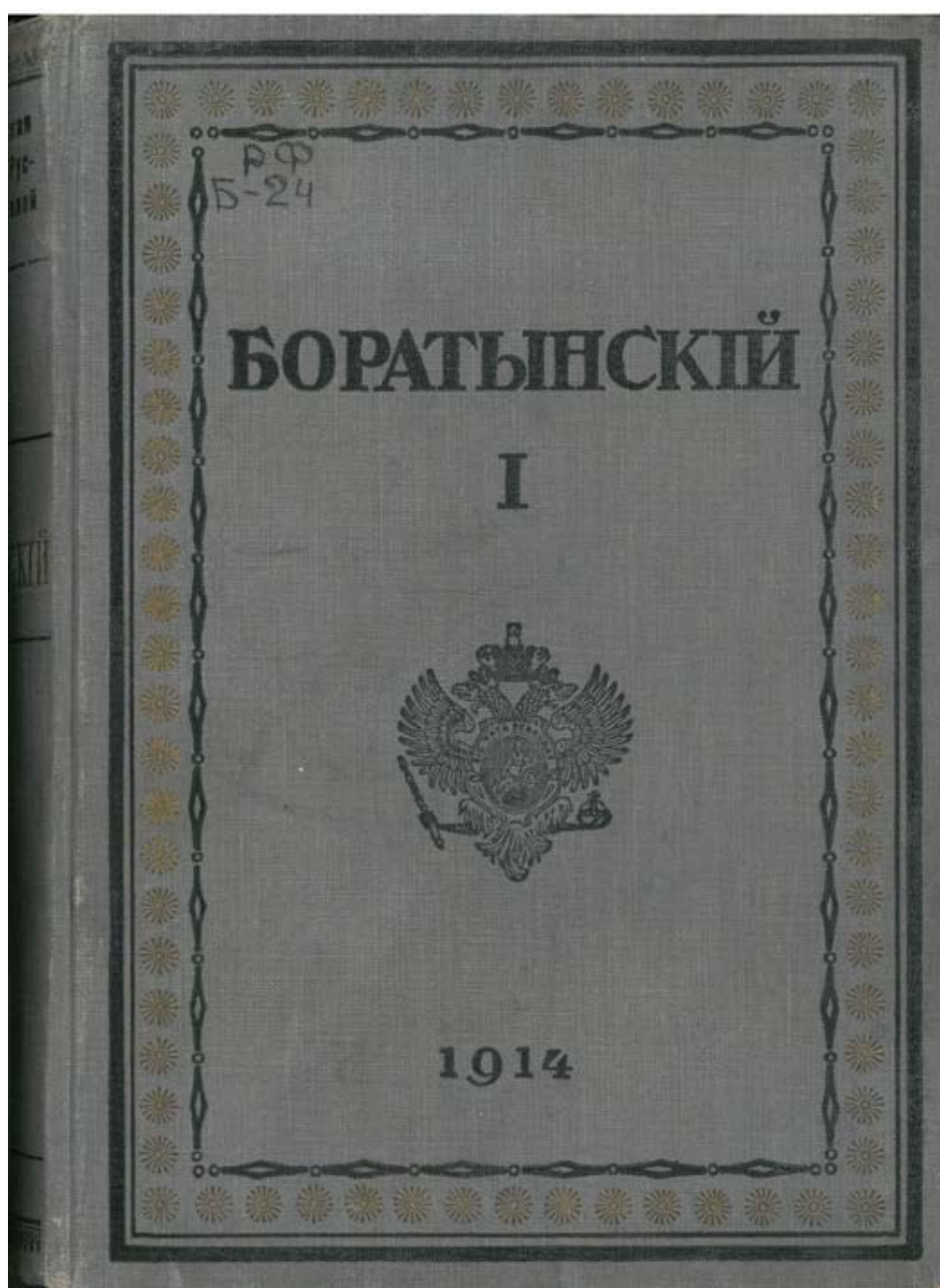
«Часто он до утра просиживал за книгами». «...Он всегда с книгой, всегда что-нибудь читает или пишет. Проснёшься ночью, часа в два горит лампочка, и черноволосая голова над какими-нибудь страницами»²⁶.

«За время пребывания в гимназии 1906-15 он серьёзно изучает философию и литературу русскую, еврейскую, иностранную. Первую философскую книгу («Этику» Спинозы) он читает в возрасте 12-13 лет»²⁷.

По просьбе Бориса Кисина в 1965 году Александр Васильевич Беляков – профессор, доктор наук, генерал-лейтенант авиации, Герой Советского Союза, участник в качестве штурмана (командир В.П. Чкалов) беспересадочных перелетов через Северный Ледовитый океан и Северный полюс, участник Гражданской войны в дивизии под командованием В.И. Чапаева и Великой отечественной войны – написал

воспоминания «Далёкое прошлое», и Борис Кисин передал их в РГАЛИ и рязанскому краеведу Дмитрию Коновалову для Рязанского музея в Кремле.

В фондах Рязанского историко-архитектурного музея хранится и Похвальный лист Вениамина Кисина, ученика 1У класса, удостоенного награды 1-й степени «за отличные успехи и отличное поведение при переходе из Ш в 1У класс Рязанской 1-й гимназии», и «Сведения о его успехах и поведении в 1914-15 годах»²⁸.

А книгу Евгения Боратынского, пожалованную «по определению Педагогического Совета Рязанской 1-й гимназии от 1-го июня 1914 года ученику УШ кл. Кисину Вениамину за благонравие и отличные успехи в науках, оказанные им в 1913-1914 году», хранит Рязанская областная универсальная научная библиотека им. М. Горького (в 2018 году это раритетное издание с надписью о награждении было показано на выставке, посвящённой юбилею библиотеки).

Вспоминая своего «дорогого незабвенного друга детства и юношества», Александр Беляков пишет:

«<...>. Когда меня осенью этого года отец привёл в гимназию, то в классе уже на всех местах сидели мальчики моего возраста. Оставалось свободным только одно место на самой задней парте во втором ряду от окна. На это место я и

был посажен. И, конечно, я не думал тогда, что таким образом на задней парте я просижу все восемь лет учёбы.

Слева от меня на этой задней парте сидел тихий и застенчивый мальчик – это был Веня Кисин. Мы сразу же с ним сдружились. <...>.

Веня был не очень крепким мальчиком. Постоянная бледность тонко очерченного лица и весьма хрупкое телосложение заставили меня относиться к нему с нежностью и заботой. Он отвечал мне тем же. В старших классах он заметно поздоровел и стал более общительным и словоохотливым.

Веня обладал изумительной памятью и прекрасными способностями. Он всегда всё знал, и я не помню случая, чтобы он затруднился ответить на любой вопрос преподавателя. Так он и был все 8 лет отличным учеником и круглым пятёрочником. Это был «первый ученик».

Я бывал у него дома. Познакомился с очень скромными родителями, его сестрой и братьями. В этой семье не было ссор, ни грубых слов, ни пустого времяпрепровождения. Обстановка была трудовая, среди книг, в мечтах о счастливом и интересном будущем.

По пути из гимназии Веня успевал зайти почти каждый день в библиотеку «Благородного собрания».

И всегда на уроках среди учебников я видел его книги для чтения. Мне думается, он перечитал всю библиотеку.

В 1915 году Веня окончил гимназию с золотой медалью – единственный медалист в нашем классе». ²⁹

Копия Аттестата зрелости Вениамина Кисина с его подлинной собственноручной подписью хранится в Государственном архиве Рязанской области:

«Аттестат зрелости»

Дан сей сыну Витебского мещанина Вениамину Мовшеву Кисину, иудейского вероисповедания, родившемуся в городе Рязани 1897 года марта 8 дня в том, что он, вступив в Рязанскую 1-ю гимназию 16 августа 1906 года, при отличном поведении, обучался по 29 апреля 1915 года и окончил полный восьмиклассный курс, при чём обнаружил нижеследующие познания:

В Законе Божиим	—
« Русском языке и словесности	5
« Латинском языке	5
« Философской пропедевтике	5
Математике	
Физике	
Математической географии	
Истории	
Географии	все 5
Немецком языке	
Французском языке	
Законоведении	

Во внимание к постоянно отличному поведению и прилежанию и к отличным успехам в науках в особенности по физике, Педагогический Совет гимназии постановил наградить его Золотой медалью и выдать ему, Кисину, аттестат зрелости, предоставляющий все права, обозначенные в параграфах 12 – 132 ВЫСОЧАЙШЕ утверждённого 30 июля 1771 года Устава гимназий и прогимназий.

Директор
Инспектор
Законоучитель
Члены Педагогического Совета

Апреля 30 дня 1915 г.
№ 584

Секретарь Совета

Аттестат и документы
получил Вениамин Кисин
желаю поступить в». ³⁰

АТТЕСТАТЪ ЗРѢЛОСТИ.

Данъ сей *Великому Императорскому*
Великому Медическому Киселю,
Иванову именованнаго, рожденнаго *въ г. 1897*
 въ томъ, что оный, вступивъ въ РЯЗАНСКУЮ 1-ю ГИМНАЗИЮ *въ августѣ*
 1897 года, при *вступительномъ* обученіи, обучался по *Уставу* 1915 года
 и окончилъ полный восьмиклассный курсъ, при чемъ обнаружилъ слѣдующія познанія:

- На Законъ Божіеи _____
 - Русскому яз. и словесности _____ 5
 - Латинскому языку _____ 5
 - Философской пропедевтикѣ _____ 5
 - Математикѣ _____
 - Физикѣ _____
 - Математической географіи _____
 - Исторіи _____
 - Географіи _____
 - Немецкому языку _____
 - Французскому языку _____
 - Законоуложеніи _____
- } *Итого*
5

По вниманію къ постоянно отличному поведенію и прилежанію и къ отличнымъ успѣхамъ въ наукахъ, въ особенности по *Физикѣ*, Педагогическій Советъ гимназіи постановилъ наградить его *Золотой* медалью и выдать ему, *Киселю*, аттестатъ зрѣлости, предоставляющій все права, означенныя въ §§ 129—132 ВЫСОЧАЙШЕ утвержденного 30-го июля 1871 года Устава гимназій иprogимназій.

Директоръ

Испекторъ

Законоучитель

У кого |
 печать | *Членъ Педагогическаго* |
 подписка | *Совѣта* |

Апрѣль 30-го 1915 г.
 № 584

Секретарь Совѣта
 АТТЕСТАТЪ И ДОКУМЕНТЪ
 получилъ *Великій Кисель*.

Желаю поступить въ

ГАРО. Ф. 609. Оп.108. Арх. № 10. Св. 177. С.23

В РГАЛИ хранятся две фотографии Вениамина Кисина³¹ и одна – Александра Белякова с дарственной надписью в день окончания гимназии:

«Вене отъ А.Белякова.

30/1У-1915

г. Богородскъ. Моск. губ.

Фабрика Морозова

д. Починки».

(Художественная фотография Ф.В.Сорокина,

Рязань, Почтовая улица).

*А. Беляков. Фото 1915 г. с инскриптом В. Кисину.
РГАЛИ. Ф. 2255. Оп. 2. Ед.хр.23. Л.1,1об.*

В своих воспоминаниях о брате Борис Кисин пишет:
«<...> рассказывая дома, над остывающей тарелкой супа, о

тяготах и печалях гимназической жизни, вдруг оживлялся, вспоминая о тебе, Саша».³²

Михаил Владимирович Самыгин (Марк Криницкий), преподававший в гимназии словесность первые шесть лет обучения Вениамина, при встрече в 1922 году в Рязани с Борисом Кисиным, после гибели Вениамина Кисина, сказал: «Это был самый талантливый мой ученик».³³

Вениамин Кисин продолжает обучение в Императорском Московском технологическом училище³⁴ (с 1918 года – Московское высшее технологическое училище, с 1989 – МВТУ им Н.Э. Баумана), на Высших литературных курсах Главпрофобра при Наркомпросе (Поварская, 52)³⁵, слушал курсы в Московском университете.

«Философия и филология влекут его, но судьба еврейского юноши дореволюционного времени заставляет его поступить на медицинский факультет».³⁶

«Немало горьких минут доставило ему изучение медицины, которая так резко дисгармонировала с его стремлениями». Но и занятия медициной «не отвлекают его от работы в любимой области. Приблизительно в 1916-17 годах ... увлекается толстовством, но это увлечение быстро проходит. Во время революции сильно интересуется социализмом и, в особенности, анархизмом, читает произведения средневековых мистиков и творения отцов церкви. Он изучает старообрядчество, сектантство и православие. И познания его в этой области становятся весьма значительными». «Он хорошо понимает, что «есть в Ленине керженский дух, игуменский окрик в декретах» – эти слова он часто повторял.

Писать он начал давно. Первые его произведения помечены 1914 годом, но стихи попадают уже в его детских записных книжках. Он начал писать, когда ему было 11-12 лет, а может быть и раньше.

В печати впервые появляется в 1916 году с критическими статьями в рязанском журнале «Голос молодежи», где он писал под псевдонимом В. Бавли». Во втором номере журнала статья Вениамина Кисина «К свету» с эпиграфом «Свет во

тьме светит / и тьма его не объяла» о первом номере журнала Суриковского кружка «Друг народа», завершающаяся словами «Все обязаны помочь этому журналу». В оглавлении и в самой статье – автор «Л. Бавли». В статье «Порыв» в самом начале на месте эпиграфа Вениамин Кисин пишет: «Поздравляю товарищей с новой жизнью». Он пишет о юности в связи с выходом первых номеров журналов «Голос реалиста», «Юная мысль», «Журнал юношества». Эта статья в оглавлении – «Л. Бавли», а подписана «В. Бавли». ³⁷ («В. Бавли» – это первая буква его имени «Вениамин», а значение слова «бавли» – евреи, переселённые в Вавилонию, создавшие завершённое творение, канон – Талмуд Бавли).

Так в начале пути обозначена программа его творческой деятельности, солнечного прорастания к свету – не только литературного приёма, но и подвига всей его жизни, как он писал позднее в своём «Провозвестии люминизма». Его «вечностью мерцающая застреленная муза» всей силой его таланта уже изначально пыталась «душу рассказать».

«Как поэт впервые стал выступать в 1919 году. Период 1918-19-1921 годов был... периодом творческого роста». ³⁸

Известна его ранняя проза: рассказ, повесть, роман «Призраки». ³⁹ В повести «Из дневника Константина Леонардова» ⁴⁰ он пишет: «Какая могильная, холодная, бессильная тоска! Как хочется покоя. Лечь бы, вытянулся – и уснул, заснул без грязи и сновидений и надо или испугаться и кончить жизнь или все-таки принять её. О сердце бедное! Крепись, не падай. «Стойко будь, не трепещи», как говорится где-то у древних».

Вениамин Кисин не мог не писать и свято нёс крест и свет своего призвания, избранничества. Об этом говорят стихи, известные и по его ранним рукописям:

«Огонь, огонь меня сжигает.
Пылает сердце день и ночь
И облегчения не знает.
Господь один мне мог помочь,

Но он забыл меня в юдоли,
К моей не приклонился доле,
Лишь мог бы мне Господь помочь!
Я день горел. Приходит ночь –
И вновь возжён костёр горящий,
Вновь пламя огненное скачет, -
Не шлёт успокоенья ночь.
Мне шепчет день: Гори! Пророчь!
Кричи о таинствах незримых,
О небесах, огнём палимых...
И шепчет ночь: Гори! Пророчь!».

«Отвергаю сей мир, как
лежащий во зле,
Отвергаю.
Часть большую себя, часть вселенского
зла,
Отвергаю.
И в пустой тишине воздвигаю я крест,
Воздвигаю.
И себя на кресте, на мучений кресте,
Распинаю.
Ноги-руки себе острым тонким
гвоздём
Прибиваю.
Сердце острым копьём, смертоносным
копьём
Прободаю.
Истекаю страданьем, как кровью
горячей,
Истекаю.
И всегда в этом зло растлевающем
мире
Я душой умираю». ⁴¹

21 июля 1919 года он пишет стихотворение – описание происходящего в стране как только Богом избранный поэт мог это увидеть и понять, как читаем в стихах Анатолия Мариенгофа, дающих ключ к изображению образа Христа у Александра Блока («...пальнём-ка пулей в Святую Русь... И идут без имени святого... Вдаль идут державным шагом... Впереди с кровавым флагом, /и за вьюгой невидим, / и от пули невредим ... впереди Иисус Христос...»), но «В белом венчике из роз»).

«На носилках Христа на морозе оставили.
Он бессилён подняться. И стынет покорно.
И Отец, что испить эту чашу заставил,
Ему выключает сердце, как ворон.
С Богоматери сорвано платье скромное –
Обнажили девичий хранимый цветок.
Победитель, рыча, под заборы укромные,
Кровью снег обагрив, её поволок.
Я сегодня видал, как в могилу бескрестную
Целый воз мертвецов без гробов привезли.
Я сегодня видал: вот молитву воскресную
Палачи в полотно облекли.
Так роди же ты, ночь, огневое чудовище –
Пусть пожрёт этот мир и меня вместе с ним,
И отравится язвами, кровью и гноищем, –
И само околет под небом пустым»⁴².

Все страдания мира вмещало его сердце и не могло отдельно биться от его любимой России:

«О Россия!
Мне ли, поэту,
Не венчать твой израненный лик!
От 1917-го лета
В огни твои дни пролетели.
Сердцу отдельно ли биться
От миллионов сердец.
Трепетной птице

Радужной птице
Браги багровой напиться.
<...>
На огнерукий костёр
Всходим без лестниц».

«С какой-то особенной проникновенностью, любовью относился он к ней. Он знал, он понимал её, он проникал в её сущность. Она была родна и близка ему – с одной стороны «разбойная, буйная, шалая, бесшабашно-удалая Русь», а с другой стороны Русь отшельников и иноков, для которых «желанней келеек Афона для души на свете нет». Эта сторона Руси ему была особенно понятна и близка. И себя он не раз называл «кротким иноком», «кроткоглазым Вениамином». Но «кроткий иннок» не закрывал глаз на действительную жизнь. Он принимал её всю со всеми её светлыми и тёмными сторонами».⁴³

«Россия

Кушаком свою долю удалую,
На бекрень забубенный картуз, –
Эх, разбойная, буйная, шалая,
Безоглядно-широкая Русь.
То похабною дробью гармоники
Дегтяную, смолистую ночь.
Вдруг – за облака сказки да сонники:
«Вниз сойди, краснокудрая дочь!
Не ломайся, царевна важнецкая,
Возращённая в звёздном саду –
С льдов поморских, с кремля веденецкого
Я умыком тебя уведу».
До окошка резного, косящата
В пене огненной всхлестанной конь.
Кто ушкуйнику: «С Лица светящего
Той звезды заповедной не тронь!».

Уберу переливчатым бархатом,
В ленты, в бусы, в шелка, в кружева,
Через край сердца хмельная чарка-то,
Эх, бывай, молодая, жива.
А под пьяную руку венчальную,
Под хмельной молодецкий урок,
И тебя, недотрогу сусальную,
Головой о дубовый порог.
«Тега, тега вы, гуси-лебеди,
Снежный пух на лазурном лугу», –
У заросшей осоком Лыбеди
То Алёнушка на берегу.
Не клонись подорожной былинкою
На вечерний песок голубой.
Обряжён золотою кувшиною,
Будет братец сегодня с тобой».⁴⁴

Вениамин Кисин любил свою «Русь, Расею, Расеюш-
ку»:

«...земля моя матушка,
Кто же будет любить
тебя так, как я?».

«Россия моя!<...>
Мне, чуж-чуженину,
так родна, жестока и близка
материнская, сестрина, женина
бледнолицая твоя тоска.
И хмель твой прогоркло-бражный,
и мамонтов кременный клык,
и перекасти-поле в меже подовражной,
и сермяжный шёпот ветлы.
Там, далеко, горячее солнце
и море в святых берегах,
куда Соломон, премудрый послан царь
И царица Савская, и где Иордан река.

К Ливанским нардам – снега изумрудные
 И цветы: рубин, аметист, топаз, –
 И Иерусалим золочёные купола сгрудил,
 И к Галилее тропа.
 Нет. Колдунья, ворожея вьюгами,
 Сердце метелями рассекла пополам,
 Холоднотелой подругою
 К изголовью во льдах проплыла.
 Уплывайте, корабли золочёные
 К солнечнорадостным берегам,
 мы – пленённые, полонённые,
 и наша не ступит пилигримом нога.
 Нам другое кладбище
 В северных бедных краях,
 и славянская рука напишет
 на камне число и знак <...>.
 Сыпь самоцветами море –
 нам лежать в холодной суженой земле
 В пёстром убрусе, цветном уборе –
 колокольные звоны кольцом обручальным
 пролей.
 <...>.
 Но в последней беспомощной дрожи,
 Не Он ли к тебе идет?..».⁴⁵

Подготавливая к печати сборник стихов «Мирское сердце», Вениамин Кисин говорил: «У поэта должно быть мирское сердце: радости и страдания со всеми». У него было сердце всего мира, сердце любви и пронзительной печали ко всему живому в этом мире: к людям, к природе и особенно ко всему самому беззащитному, как у Есенина к собаке («Песнь о собаке»), как у Маяковского к лошади («Хорошее отношение к лошадям»). Только сердце поэта так отзовется и будет в голодное время кормить собаку мороженым, как Маяковский, и птиц – белым хлебом, как Есенин. Только поэт станет так молиться, как Кисин:

«<...> Должен быть там, на небе пустынном,
Кто-нибудь, кто б услышал мольбу
Жеребёнка со звёздочкой чинной
На упрямом, с отметинкой лбу».

Уже в 1918 году Вениамин Кисин задумывает издание журнала, пишет Тарасу Мачтету письмо с предложением сотрудничать с верой «в силы местные», говорит о «пока ещё потенциальных силах» и о своём желании «их расшевелить, растолкать, пробудить».⁴⁶

И в ответ на сомнения Мачтета пишет: «У меня лично и у моих товарищей есть вера в силы местные. <...>. Мы рискнули на такой шаг и, если он не удастся, то будем довольны и тем, что хоть одна мысль о журнале захватит каждого, заставит его в этом направлении поработать, подумать... И сделает его в будущем способным уже на воплощение ея. Вы говорите, что неудача может убить энергию, я думаю наоборот – неудача в достижении известной цели ставит вопрос о её достижении ребром...».⁴⁷

Вениамин Кисин «много и напряженно работает в области поэзии и в области организации и объединения литературных сил Рязани».

Он был инициатором, организатором Дома искусств, объединившего «деятелей всех видов искусства, где и являлся одним из главных работников».⁴⁸

Первое организационное собрание инициативной группы Дома искусств состоялось 31 августа 1919 года.⁴⁹

Вениамин Кисин создатель и секретарь первого литературного объединения в 1920 году в Рязани – Рязанского отделения Всероссийского союза поэтов (было разрешено в мае 1920 года, председатель – Дмитрий Майзельс). Сергей Есенин, 24 августа 1919 года избранный в президиум Всероссийского союза поэтов, участвовал в обсуждении места проведения собраний Рязанского отделения ВСП.

«Четверги и понедельники» Рязанского Дома искусств, Рязанского отделения Всероссийского Союза поэтов прохо-

дили в «зале Отдела просвещения», «в Отделе зала Дома просвещения» – в здании Рязанского Губернского Исполнительного Комитета (на углу Радищева и Свободы), где размещался целый ряд служб, в том числе Рязанский Губернский отдел народного образования и Рязанский Губернский отдел народного просвещения, заведующим которых был Михаил Иванович Воронков.⁵⁰

А когда «за оплошность» Николая Иконникова Дом искусств «был изгнан» Воронковым, его участники отправили Андрея Манаева «во Дворец искусств для получения необходимых бумаг».

Тарас Мачтет пишет в своём Дневнике № 42 29 июня 1920 года:

«За последние дни в моей до сих пор бурной жизни наступило затишье, закончившееся вчера ... возвращением из Москвы Манаева и собранием у него.

<...> Он вернулся только третьего дня и привёз наши все бумаги с утверждением и сообщением о признании полной сметы нашей и о встрече своей по поводу неё с А.В. Луначарским. По определению Дворца искусств он объявляет нас своим отделением и передаёт бразды правления в руки Симонса, Манаева, Кисина, мои и Майзельса».⁵¹

Борис Кисин писал в своих воспоминаниях: «Центром культурной жизни Рязани стал «Дом искусств». Заведовал им Яков Францевич Симонс, преподаватель математики, любитель литературы, искусства». Вениамин Кисин был руководителем поэтической секции. Балетной студией «руководила Татьяна Александровна Иванова, ставшая впоследствии исследователем творчества М.Ю. Лермонтова». Выступали будущие известные литераторы Анатолий Шишко и Степан Злобин, художник Г. Тиходеев, Вадим Рындин, ставший главным художником Большого театра, Народным художником СССР, поэт Сергей Оленин – псевдоним Сергея Александровича Ценина. «В Доме искусств слушали не только местных литераторов, но и Б. Пастернака и Б. Пильняка».⁵²

В письме к рязанскому краеведу Дмитрию Коновалову Борис Кисин прислал свои воспоминания о встречах рязанских поэтов не только в Доме искусств, но и в доме А.В. Селиванова у его племянника Сергея Ценина (ул. Садовая, дом 13): «...Среди деятельных работников Дома искусств были будущий народный художник СССР, главный художник Большого театра В.Ф.Рындин, в его работе принимал участие художник-передвижник Я.Я. Калинин, выступали актёры, музыканты, прозаики, поэты. Бывал здесь и будущий известный писатель Степан Злобин и гости – столичные литераторы. Молодые рязанские поэты встречались не только в Доме искусств. Нередко мы собирались у Сергея Ценина. Тускло горела керосиновая лампа, тлели угли в печке. Мы угощались испечённой на них картошкой и читали свои стихи. Читал их и Сергей. Впоследствии он стал солистом музыкального театра, носящего имени народных артистов СССР К.С. Станиславского и В.И. Немировича-Данченко. Кроме того, Ценина знают как талантливого литератора – его перу принадлежат либретто опер «Семья Тараса» и «Никита Вершинин» Д. Кабалевского и «Фрол Скобеев» Тихона Хренникова и др.».⁵³

Так же, как и Борис Кисин, Сергей Ценин учился в Рязанской мужской гимназии Н.Н. Зелятрова; в Рязанском институте народного образования,⁵⁴ «сдружился с семьёй Ф.А. Малявина, жившего в то время в Рязани; в Художественной студии, которой он руководил, <...> постигал основы изобразительного искусства». С.А. Ценин «мечтал стать художником-декоратором, а стал певцом».⁵⁵ Он окончил Музыкальный техникум им. Гнесиных в Москве. Оперный певец, либреттист, лауреат Сталинской премии, Заслуженный артист РСФСР.

Летом 1920 года в уже существующий «законно» как отделение Московского Дворца искусств Рязанский Дом искусств не однажды приезжал Борис Пастернак.

В это время он жил в Касимове у своего дяди Иосифа (Осипа – как по-свойски любовно звали его местные жители) Исидоровича Кауфмана.

22 июля 1920 года Тарас Мачтет записывает в своём Дневнике № 43:

«– А я очень интересное письмо получил, – сообщил между прочим собранию Симонс.

– От кого?

Вместо ответа нам – длинное письмо к нему Пастернака из Касимова, в котором он нас всех приветствует, благодарит за приём и собирается нас посетить снова, если мы ему дадим возможность заработать 10 000 в Рязани на выступлении у нас.

Все заговорили о Пастернаке...

– Как же мы устроим ему 10 000?

– Устроим вечер его стихов, – сказал Кисин. – И весь сбор ему. (Слово «Кисин» зачеркнуто, написано карандашом: «сказал Майзельс». – Г.И.).

Пастернак всех заинтересовал и хотелось его к нам за-
получить».⁵⁶

10 000 – это 10 газет «Известия» или «Правда», по цене 1000 рублей за один номер. И, конечно, эти деньги необходимы были Борису Пастернаку не на газеты, а, скорее всего, на дорогу из Касимова в Рязань и обратно, где он вместе со своей сестрой Лидой (приехавшей в Касимов по командировке А.В. Луначарского для собирания фольклора, так как без этого документа невозможно было сесть в поезд) заготавливал овощи с огорода дяди в тот голодный 1920-й год.

Поэтический вечер стихов Пастернака, который устроили ему в Доме искусств в зале Рязанского отдела народного просвещения в ответ на его «длинное письмо», прошёл с большим успехом. Тарас Мачтет говорит об этом в своём Дневнике № 43 и отмечает вдохновенное состояние Бориса Пастернака, который после более чем успешного вечера стихов Пастернака повёз его в Баграмово, где он надеялся, будут проходить заседания Рязанского отделения Всероссийского

союза поэтов, и удивлялся, что Есенин был против, а о Доме искусств в Баграмове Кисин «и слушать не хотел». И Пастернак, восхищаясь звёздной ночью в Баграмове, по-видимому, со свойственной ему деликатностью ушёл от этого прямого разговора, который был само собой разумеющимся, высказывая своё пожелание в Баграмове построить или купить дачу, и больше не возвращался к этому разговору, опять-таки к удивлению Тараса Мачтета.

А в Москву под впечатлением свободы, которая в Рязани «взметнулась неистово» вечерами и выступлениями Рязанского отделения Всероссийского Союза Поэтов, Рязанского Дома искусств, коллективными сборниками стихов рязанских и московских поэтов, которые издавал Вениамин Кисин, Борис Пастернак написал: «Россия оживает и в Салтыкова-Щедрина просится уже не провинция, а в сравнении с её разумной жизнерадостной человечностью, – скорее уже сама Москва»⁵⁷.

Это же впечатление радостно отмечали Тарас Мачтет и Вениамин Кисин. Тарас Мачтет пишет в своём Дневнике №43 27 июля 1920 года:

«Работа Дома искусств, несмотря на проволочки и отсутствие сметы, всё шире и шире раздвигает свои рамки и привлекает к себе симпатии.

...За год существования ... у нас уже есть своя публика, свой класс почитателей, друзей и знакомых, которые на вечерах и понедельниках всё плотнее и плотнее окружают стол в Отделе зала Дома просвещения, за которым надзирает инициативная группа.

«Расшевелили–таки мы Рязань», – сказал мне на днях Кисин, зайдя ко мне в сад на «яблоки» как-то под вечер.

Кисин за год так выдвинулся.

А изданием «Голгофы строф», вечерами музыки и поэзии, студиями мы ударили не в бровь, а в глаз Москве <...>

Не верится, что всё это происходит в Рязани».

31 августа 1920 года Тарас Мачтет писал: «Сегодня исполняется ровно год со дня открытия у нас в Рязани Дома ис-

кусств и всех каких-нибудь три-четыре дня со дня официального его утверждения отделением Дворца искусств. Как много – год в глухой тёмной косной провинции. Помню, нас всего четверо-пятеро собрались на балконе Танином, выходящем в сад.

...Нас всего несколько человек: я, Андрей, ДЛ нрзб., В. Кисин и А.Л. Малкес с А.- братом А.Л. Мы вдыхали приторный аромат наступающей осени, судили и рядили о предстоящей работе.

Задачи мы наметили самые скромные <...>, не говоря уже о поддержке Москвы. Малознакомые друг с другом, без всяких средств, без помещения, мы и не смели мечтать о многом, что же касается меня, то я только думал об отделении Дворца, да о тесном контакте с Баграмовом.

И вот прошёл год и словно по щучьему велению мы разрослись, выросли, окрепли, объединились и гремим не только в Рязани, но даже и в Москве, основали даже и Союз поэтов, устроив свои вечера и понедельники, на которые стекается весь город. <...> Несмотря на строгий контроль, в зале Отдела просвещения, к нам рвались <...> и мы едва помещали всех желающих».⁵⁸

Возрождение России – это «вербы весенняя весть», как писал Вениамин Кисин в стихотворении, которое предполагалось к публикации в сборнике «Белена» – «Плаха пульса», а позднее стало завершающим как часть его неоконченного романа «Рязань на Яру»:

«Всем Рязаням, Елатьмам, Касимовам,
спрятанным в зелень,
в бездорожьях, у плёсов –
по холмам и пригоркам, по полям и улогам –
всем –
одетым в колокольные звоны и в шёпот полей,
в крик журавлей и молчанье закатов,
в изумруде весны и
багрянце осеннем, –
всем –

косопузым, забытым, заброшенным,
подслеповато усупленным в синь,
в платочках цветных и монашеских схимах,
всем – всем –
всем Рязаням, Елатьмам, Касимовам,
у просёлков, у шляхов проезжих, в бездорожной
осенней грязи
и под снежным убором, и в галочьем крике –
вербы весенняя весть».⁵⁹

Борис Пастернак живёт одним впечатлением от Касимова и от Рязани, когда пишет домой, что «Россия оживает», что Касимов – это Марбург, где дома лепятся, и в одном из его стихотворений в «Киновари» – тоже слово «лепился» сознательного значения скульптурного, архитектурного. И описание города Юрятина в романе напоминает Касимов: «Он ярусами лепился на возвышенности, ... дом на доме и улица над улицей, с большим собором посередине на макушке...». А описание дома, в котором жила главная героиня романа Лара, – это дом в Рязани.

«Пастернак пробыл в Марбурге всего четыре месяца – с апреля по август 1912 г. Там в университете он изучал философию в семинаре главы Марбургской школы Германа Когена.

Эпизод, который буквально перевернул судьбу поэта, описан в стихотворении 1916 г., хотя событие, положенное в его основу, произошло значительно раньше – 16 июня 1912 г. Это было объяснение с Изой Высоцкой, в которую он в то время был влюблён, предложение выйти за него замуж и её «отказ больше чем прощание».

<...> Этот же эпизод описан в 1930 г. в «Охранной грамоте». <...> В эти жаркие марбургские дни во многом решалась его судьба. Вся его предыдущая жизнь, все его отказы и уходы, или, по его собственному выражению, «разрывы», были подготовкой к главному делу его жизни – поэзии.

Сначала естественный и относительно лёгкий разрыв с живописью, его детским увлечением; затем трагический и не

изжитый до конца дней – с музыкой, которой на протяжении шести лет он занимался профессионально, и, наконец, совершенно зрелый и осознанный – с философией (...во всех этих сферах он был талантлив и успешен). Тогда же он делает ещё один осознанный и окончательный (т.е. до конца дней) выбор: он возвращается в Россию.

<...> В историю литературы Марбург ... вошел благодаря поэтическому шедевру Пастернака. <...> в Марбурге есть улица, названная его именем, а на фасаде дома, в котором он снимал комнату, выбиты его слова из «Охранной грамоты»: «Прощай, философия!». ⁶⁰

Марбург повернул Бориса Пастернака к его основному предназначению – поэзии, заставив его, до этого ушедшего от живописи и музыки, на этот раз отказаться от философии.

Но Марбург, оказавшись причастным к повороту Бориса Пастернака к поэзии, прошёл через всё его творчество и всю его жизнь – как наивысшая точка его поэтического самоопределения, где осталось место и для живописи, и для музыки, и для философии в его стихах, в его Слове.

И потому так радостно было поэту почувствовать животворящие истоки Марбурга в России, куда он вернулся бесповоротно, – в Касимове, прежде всего в образе его дяди И.И. Кауфмана, ставшего одним из прообразов (наряду с ним самим, Есениным и Маяковским) главного героя его великой книги «Доктор Живаго», и в Рязани, куда он не раз приезжал, и где прошёл с громадным успехом его поэтический вечер, где он в глубокой поэтической переключке с поэтом Кисиним представил свои стихи в сборнике «Киноварь», определив их как «наброски», которые затем развивались в его жизни, которая всегда была, «как и прежде, в разливе».

Первый коллективный сборник Вениамина Кисина выходит в Рязани в 1920 году.

В сборнике «Киноварь» ⁶¹, вышедшем 1 августа 1921 года, – стихи Бориса Пастернака:

«Наброски
Весеннее.
«Пара форточных петелек...»
Осеннее.
«Это вечер из пыли лепился и пышучи...»
Зимнее.
«Как не в своём рассудке...»
«Я не знаю, что тошней...»
«Ну и надо ж было, тужась...»
«Между прочим все вы, чтицы...».

Эти стихи Пастернака вошли позднее в сборники его стихов «Темы и вариации» (Весеннее и Зимнее) и «Сестра моя жизнь» (Осеннее «Это вечер из пыли лепился и пышучи...» – как часть стихотворения «Послесловье»).⁶²

Слово «наброски» набрано малозаметным шрифтом, как будто только что напечатано на пишущей машинке, и это доносит до нас первозданность этих стихов, как только что написанных, которые даже в самом замысле мастера – совершенны как продиктованные Свыше.

Эти «наброски» – драгоценная «капля смарагда» Бориса Пастернака («О свежесть, о капля смарагда // В упившихся ливнем кистях») в «смарагдовом поле» стихотворений Вениамина Кисина в этом сборнике, одно из которых – своё стихотворение «Дамаянты» Кисин посвящает Пастернаку.

В сборнике «Киноварь» стихи авторов размещены в таком порядке: Вениамин Кисин («Люцифер», «Богоматерь», «Черничка», «Дюймовочка», «Це-и», «Дамаянты» – Борису Пастернаку, «Сакья-Муни» – Дмитрию Майзельсу), Борис Пастернак (Весеннее, Осеннее, Зимнее), Дмитрий Майзельс, Рюрик Ивнев, Тарас Мачтет, Наталья Кугушева, Яков Апушкин.

Вениамин Кисин не просто пишет строчки посвящённого поэту стихотворения, он слагает гимн красоте, таланту, любви; здесь каждое слово исполнено высокой поэзии, начиная с имени Дамаянты – названия стихотворения, где Наль и Дамаянты – воплощение верности и самопожертвования:

«Дамаянти
Борису Пастернаку

Снега припадают, как белая лань,
К голубям – голубым родникам.
Аукал ли, кликал коричневый Наль:
«Царственных лотосов родинка», –
В бамбуковых чащах, в сплетенье лиан,
В тропях, под змеиную былль,
Тревогу на пряные травы лия
Сквозь чёрные мышцы судьбы.
Серебряных прялок звенящая нить
Сквозь сердце – безлунный укол.
Гранатовым телом дышать и пьянить,
И виться и литься легко.
Тигровую шкурой по синим коврам
Расплавить свеченье волос.
Сестрой темногубой вчера и вчера
Клониться, одета в ожерелия слёз.
Снега припадают, как белая лань,
И сердце, за ланью вослед
Ночей Дамаянти! Легка и светла –
Пальцы об искристый лед»⁶³.

Они написаны для тех, кто каждую строчку, каждое слово будет впитывать, как вечную истину Бога Живаго, для тех, кто представил Бориса Леонидовича Пастернака к высшему литературному признанию и за его стихотворения (что не один год возможно было откладывать) и за его роман всей его жизни и поэтического творчества с лучшими его стихотворениями, что нельзя было не отметить сразу по прочтении.

Чувствуется родство Вениамина Кисина с Борисом Пастернаком личностное и поэтическое, которое и в строчках и в личном общении впитано талантливым поэтом, который лепил свое особенное, осиянное только его восприятием и воплощением как свет, как он назвал его, – lumen.

Кисин Пастернаку был важен и интересен. Не случайно он появляется в Москве в тех собраниях, где не бывал раньше, где теперь Вениамин Кисин выступал со своими стихами, с провозвестием люминизма, света творчества, который, как живая вода, окропляет «мёртвую косность вещей и пробивает брешь в безысходном тупике обречённой, тленной и проклятой историчности человечества с его ужасающим самообманом – построить железный мост к воздушному будущему».

Им было что чувствовать и о чём говорить во всём мировом пространстве земли и неба. Они знали все языки и события, которые роднили их и по происхождению, и по рождению и судьбе.

Они знали друг друга, знали Бога Живаго так же, как те, кто не просто читал, но прочитал великую книгу Бориса Пастернака «Доктор Живаго». И, конечно, знали рязанцев Живаго и их деятельность в Рязани, как и те, кто и не читал «Доктора Живаго», и теперь кичащихся этим знанием и только с этим именем связывающих имя главного героя романа Бориса Пастернака «Доктор Живаго» – имя Юрия Живаго, который так же высок и недостижим для них, «как звезда небесная к подошве» их «сапога»⁶⁴.

В Рязани в Государственном издательстве выходит целый ряд сборников – изданий Рязанского отделения Всероссийского Союза поэтов, подготовленных Вениамином Кисиним:

«Голгофа строф». 1920;

«Коралловый корабль». 1921. Обложка работы Бориса Кисина;

«Киноварь». 1921;

«Сегодня». 1921. Обложка Г.Тиходеева;

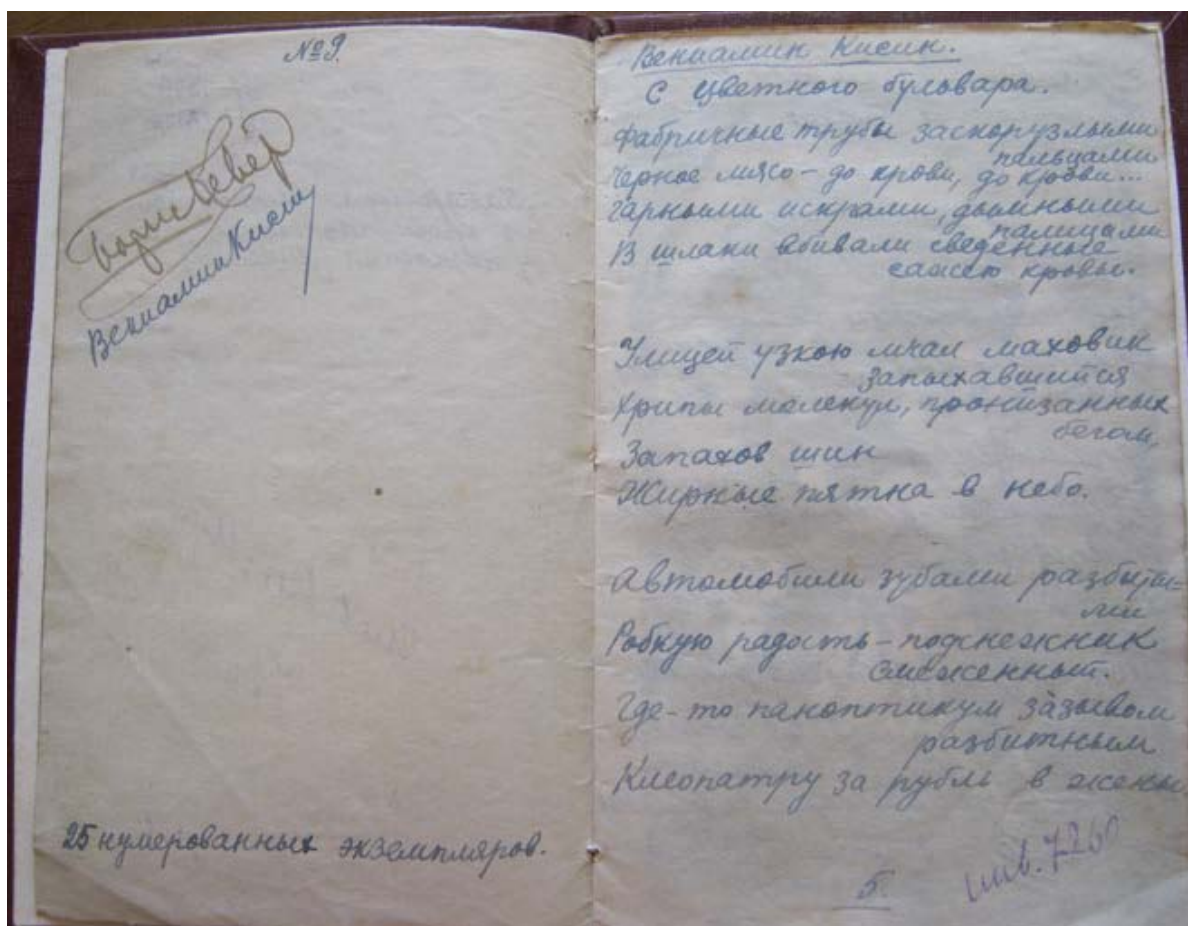
«Из недр земли». 1922;

Вениамин Кисин. «Багряница». Стихи. 1922.

В Петровске Саратовской губернии в 1921 году вышел коллективный сборник рязанских и московских поэтов «Плеть».

В 1922 году был подготовлен и проанонсирован коллективный сборник «Огненный лебедь».

Вместе с братом Вениамин Кисин выпускает рукописные сборники, в которых их стихи написаны от руки Вениамином, как в сборнике «Мандрагора», а Борис иллюстрировал и оформлял эти редчайшие драгоценности, проросшие талантами их авторов. В воспоминаниях Бориса Кисина и в работе литературоведа Александра Галушкина указан и рукописный сборник «Карусель», которого нет в рязанских и московских архивах, но есть в Отделе рукописей Государственного музея истории русской литературы им. В.И.Даля сборник «Калейдоскоп», в котором Борис Кисин даже буквы оформил как карусель. (Возможно, об этом сборнике писал Борис Кисин, а повторил Александр Галушкин. А возможно, был и сборник «Карусель»).

Вениамин Кисин. Борис Кевер. Мандрагора
 Стихи. Рязань: 1921.
 НБ РИАМЗ. Р2Р К-44.

Кисин В., Кевер Б. Мандрагора. Стихи. Рукописный сборник. Рязань: 1921. – Рис. Б. Кисина и Г. Туганова⁶⁵.

«Калейдоскоп». «Словопись – Вениамина Кисина, цветопись Бориса Кисина». Рукопись № 1. Рязань: 1921.⁶⁶

В августе 1921 года выходит первый номер рукописного журнала «Полишинель»⁶⁷ («журнал неперидический», «издание декоративной мастерской»), в котором было заявлено участие поэтов: В. Кисина, Д. Майзельса, Т. Мачтета, Рабиндраната Тагора, Рабиндраната Иконникова и др.; художников: Маэстро [Нестерова], Агасфера [Б. Кисина], До-ре-ми [Туганова], Ре-ми [Ремизова] и др.

Эпиграф из Гоголя: «Смех значительней и глубже, чем думают... Возмущает только то, что мрачно, а смех светел... Кто льёт часто душевные, глубокие слёзы, тот, кажется, больше всех смеётся на свете!».

В журнале – стихотворения Вениамина Кисина («Полишинель»), Дмитрия Майзельса («Рязань» Григорию Тиходееву), Бориса Кисина («Завет лаборантам-трошинцам студента Агасфера»).

На 1 странице – Александр Блок, рис. До-ре-ми.

На обороте этой страницы:

«Памяти Александра Блока

Нет Александра Блока.

Пусто и гулко на свете.

Прекрасная Дама, смуглолицая Цыганка, разухабистая плясовица Солдатка – поникшие тени на берегу огранённой Невы.

Россия зегзицею кычет на берегу туманной Непрядвы, словно перед Куликовым полем.

Тонким пальцам не низать жемчуга стихов на тонкие нити сердец – синий ладан гибкотелою змейкой вокруг золота печальных свечей.

Кому возместить потерю –

Нет Александра Блока!

Для кого сойдёт Христос на изумрудную траву
заростающих улиц Петрограда?

Чёрная хмара широкими крыльями плёсов Поволжья –
чёрный набат с берегов полночной Невы. Чёрным
сургучём, чёрным:

умер Александр Блок.

Умер».

«Эта чёрная музыка» теперь уже не «Блока» (как писал о поэте в своём стихотворении Георгий Иванов), а всех участников журнала, разве что за исключением Тараса Мачтета (запись в его дневнике я не смогла бы переписать даже если бы это кому-нибудь было необходимо). Сам текст так написать мог Вениамин Кисин: это соответствие «словесной походке» его стиха, и даже в знаках препинания – он. Отдельные образы перекликаются и с творчеством Бориса Кисина. Но каждому так «пусто и гулко» от этой «потери».

Этим текстом прежде всего оправдано заявление: «Редакция надеется, что наш журнал займёт не последнее место в истории русской литературы».

В 1922 году в сборнике «Из недр земли» Кисин публикует свою поэму «Предбанник (Искус)» с посвящением «М.Г. (так в рукописи, в публикациях – «М.Е.») Когану – пестуну, учителю и другу»⁶⁸ под рубрикой «люминисты» и в статье «Октябрь в отражении современной литературы», приводя стихи Есенина, глубоко и значимо всего одной строчкой характеризует всё творчество Сергея Есенина, передаёт суть творчества поэта не только этого времени.

Чтобы показать, насколько значима, глубока эта составляющая дара Вениамина Кисина, привожу (к сожалению, сокращённый мною) текст:

«Многим и многим гроза и буря Октября – только вой и плеск разнузданной стихии, вскипающий вихрь сорвавшегося с цепи хаоса; праведный гнев, рождённый под литой пятой угнетения, на пропитанных насквозь человеческой кровью

полях трёхлетней бойни, только слепой бунт и бессмысленное восстание.

«Плевки матросские размазаны у нас по лбам» (З. Гиппиус «Последние стихи»), оскорбительные и несмысливаемые.

И. Эренбург.

<...> Так иным была Октябрьская революция.

Другие за внешним хаосом и жестокостью прозрели грядущего Мессию – <...>А. Блок.

Так являлся октябрь певцу Прекрасной Дамы, теперь уже смежившему свои голубые лепестки голубому цветку – Ал. Блоку.

А. Белый <...>. Имажинисту Мариенгофу тоже – пречистое тело на дыбе. «Христа на дыбе вздыбливаемом в Чрезвычайке», пречистое тело среди площадей, закапанных кровью, словно платок туберкулёзного, у Метрополя с выкушанным артиллерией Врубелем. Кровь заливает глаза России – но на дыбе он – Христос. <...>.

И новую песнь в свои заумные уши – Велемир Хлебников <...>

Вл. Маяковский, Н. Клюев «Есть в Ленине керженский дух, игуменский окрик в декретах...». <...>.

Сергей Есенин <...>. И у «деревенского хулигана», размашистого и забубенного, вдруг является пророческий и строгий тон...

<...> Орешин, Ширяевец.

Михаил Артамонов... Дм. Семеновский...

Чем была дореволюционная деревня? Ив. Бунин и В. Муйжель. ... Разве не довольно? Но Иван Вольный <...>, Подъячев, В. Шишков, М. Сивачёв, Вс. Иванов, Низовой-Прибой, Г. Гребенщиков... Семён Ляшко, М. Гастев.... Александровский..., Герасимов...

<...> Вл. Кириллов..., Филипченко.... Садофьев...

Это – Железный Мессия. <...>.

И по русской литературе шагает он той же железной поступью, ещё новичок, ещё в железных пеленах, но уже под-

нявший, каменотёс, над миром свой молот, уже поднявший, знаменосец, над миром алое знамя, уже взявший серп пожинать грядущую жатву, колосающуюся в бороздах великих битв. <...>».⁶⁹

В сборниках, подготовленных к изданию Вениамином Кисиним, участвуют 62 автора, в том числе – самые близкие Есенину всей его жизни Иван Белоусов, Сергей Городецкий, Иван Касаткин, Пимен Карпов, Рюрик Ивнев, Иван Грузинов, Александр Кусиков.

В рукописи своей статьи «Слово о современной поэзии» Вениамин Кисин анализирует современные литературные течения, не относя Есенина к имажинистам: «Крестьянские поэты Клюев, Есенин». Так же, как Сергей Есенин, М. Горький, он понимает эпатирующие моменты деклараций и отдельных высказываний поэтов: «Каждая школа хочет взять себе патент на существование и считает своим долгом отрицать все другие школы», – и приводит слова Гёте: «Всё преходящее – только символ», – что следует учитывать нам и каждый раз при желании разъединить родственные души, вспоминать слова Есенина: «Поэты все единой крови». Любимый учитель талантливых учеников Н.С. Трошин, говоря о попытках «создать новый реализм» в искусстве, писал в своих воспоминаниях: «Было много демагогии со стороны представителей левого искусства. Пролетариат также много внёс путаницы в этот вопрос». И, учитывая уровень образования и самообразования и, конечно, таланта и гениальности авторов многочисленных деклараций, пишет: «А... ведь дошли же люди до всего этого». В своей работе «Причастие бунтом» Вениамин Кисин пишет об Александровском; анализируя творчество Николая Клюева, приводит слова Л. Шестова: «Надо искать того, кто выше правды и неправды, – надо искать Бога».⁷⁰

В письме от 11 июня 1966 года зав. фондами Рязанского краеведческого музея Е.И. Егоровой Борис Кисин перечисляет книги Сергея Есенина с автографами Вениамина Кисина из его библиотеки: «Голубень», СПб., 1918; «Радуница», 2-й

год 1 век; «Сельский часослов», 2-й год 1 века; «Ключи Марии», М., 20, – и другие издания, имеющие отношение к Есенину и которые, может быть, нужны музею: сб. «Конница бурь», М., 20; «Золотой кипяток», М., 21; «Автографы»; А. Мариенгоф «Разочарование Мариенгофа», М., 22; А. Кручёных «Есенин и Москва кабацкая», 1926, «Гибель Есенина», М., 26; Леонов «И пусть это будет Рязань», «Сов. писатель», М., 37; фото Есенин и Леонов; 2 экз. стихотворения С. Есенина «Шаганэ» на фр. языке с пояснением Б. Кисина: «Перевод сделан в 20-х годах рязанской поэтессой Елизаветой Михайловной Хрущёвой. Она перевела несколько его стихотворений, но у меня случайно сохранился только этот перевод».⁷¹

В сборнике «Голгофа строф», возможно, предполагалось участие Сергея Есенина, если верить безоговорочно воспоминаниям. Но если и предполагалось, то, конечно, без ведома Сергея Есенина и не состояться могло не только в связи с отсутствием бумаги.

Насколько важен и значим для Вениамина Кисина был Сергей Есенин, можно понять даже всего из нескольких строк его письма Тарасу Мачтету (после того, как Дмитрий Майзельс и Тарас Мачтет в Москве получили согласие на приезд Сергея Есенина): «<...>. Посылаю Вам с Хориковым, который едет в Петроград, «Киноварь» (5 экз. Вам, пять Кугушевой, два Апушкину, два Пастернаку, пять отдайте в президиум обязательно). <...> Недели через две открывается кафе (на углу Астраханской и Почтовой), приезжайте и захватите с собой кого-нибудь из поэтов, хотя бы Мареева.

Почему Есенин не приехал? Тарас, очень меня обяжете, если зайдёте на квартиру Кугушевой и отдадите для него письмо и сборники «Киноварь». А лучше – постарайтесь для Таточки и соберитесь к ней в больницу и обрадуйте бедную изнывающую душу письмом, а главное – сборниками. <...> Дорогой Тарас Григорьевич, постарайтесь побыть лично у Кугушевой и сообщите мне».⁷² (Следующей страницы – продолжения письма нет).

Если бы это письмо Вениамина Кисина хранилось не в фонде Мачтета, можно было бы предположить, что оно не было отправлено ему. Но письмо Кисина Мачтету поступило в РГАЛИ вместе с другими материалами из архива Тараса Мачтета до 3 января 1953 года, когда научное собрание было составлено сотрудником архива Н. Яценко, в том числе с письмами Хорикова (в одном из которых 22 сентября 1921 года Хориков пишет Мачтету, что «послал все... рязанские сборники и «Плетень» в Британский музей в Лондон»⁷³), Майзельса и с письмом Кисина от 1918/УП 18 г., в котором он говорит о журнале, который собирается издавать с верой в потенциальные силы рязанских поэтов, с желанием «расшевелить, растолкать, пробудить» «силы местные».

Рязань, 28 авг. 1918. 3

Дорогой Тарас Григорьевич,
 Простите, что не писал все время,
 но я надеялся, что вы к нам в Рязань,
 а между тем вам не удалось
 это-то все-таки. Последний раз
 с Хориковым, который едет в
 Петербург; Кишова (Бюж. Вам,
 мать Кругиной, два - Анушкин
 для Кашеряку, идет отряд
 в президиум областного
 Мы подготовили здесь новую
 «Сборник «Огнева Ледя» в
 только рязанцев. Ваши два редкие
 издания пойдут, так же замечу
 во время на смену работы
 Терещева и некие Вощинской.
 Неделю через две открываюсь
 Казань (какая у меня Астраханская
 и Котловы) приезжайте и

Затяните с собой кого нибудь
из поэтов, хотя бы Мареева.
Почему Землин не приезжает?
Тарас, очень меня обяжете
если зайдете на квартиру
Курдюковой и отгадайте где
его письмо и сборники
Минюварь. А лучше - поезди-
те к ней в больницу и
сообщите ей в больницу и
обрадуйте бедную изнурившую
душу письмом, а главное
сборниками. Напишите ми-
нею новое. Курдюковой я
посылаю свое новое стихот-
ворение «По Оке» - она ведь
покажет его, надеюсь. Воровой
Тарас Григорьевич, поспраши-
тесь посылить лично у Кур-
дюковой и сообщите мне,

РГАЛИ, 324, 1, 57, л. 2об., л.3.
Письмо Кисина Мачтету. 28 авг. 1921 г.

Так как в это время Вениамин Кисин был очень болен («Летом 1921 заболел. Полтора месяца находился между жизнью и смертью. И сам он и все окружающие готовились к этому», – вспоминал его брат Борис Кисин.⁷⁴ К тому же, Тарас Мачтет в это время находился в Москве, – он жил на три дома: Москва, Рязань, Баграмово), – Вениамин Кисин отправляет Мачтету для Есенина «письмо и сборники «Киноварь»».

Сергей Есенин приехал бы в Рязань со своими стихами и его стихи и ещё многих талантливых поэтов были бы опубликованы в сборниках Рязанского отделения ВСП благодаря Вениамину Кисину, потому что только от выдающихся личностей зависит и литература, и искусство, и история. Это не я придумала, и не один Лев Толстой об этом гениально писал.

Ещё до гибели Вениамина Кисина, стоило только на время ему уехать из Рязани в Москву, а Майзельсу – в Питер, и Николай Хориков 19 января 1922 года пишет Тарасу Мачтету: «Сегодня утром я вернулся из Рязани. К великому сожалению, приходится сообщить тебе, что Союза Поэтов в Рязани нет. Есть один поэт Ценин (он же Оленин) и никого более. Видел Тиходеева, Шишко, Иконникова...»⁷⁵. А Кисин в это время в Государственном издательстве выпускает сборник Рязанского отделения ВСП «Из недр земли» со стихами рязанских и московских поэтов, со своими стихами, которые публикует под рубрикой «Люминисты» – нового литературного течения, им провозглашённого, анонсирует сборник стихов рязанских поэтов «Огненный лебедь», а в Доме искусств в зале Рязанского отдела народного просвещения и «у Серёжи дома» (дом на Садовой 13 А.В. Селиванова, квартира Сергея Ценина), где по приглашению Вениамина Кисина или по согласованию с ним «слушали не только местных литераторов, но и Б. Пастернака и Б. Пильняка»⁷⁶, ждали и Сергея Есенина, и Вадима Шершеневича, и Александра Кусикова.

Как в произведениях истинного поэта, каждое слово в стихах Вениамина Кисина глубоко значимо и многозначимо, и так понять, как это знал и понимал сам Кисин, недоступно

и для самых близких. Но те знаки, которые сам поэт явно посылает своим творчеством, могут быть доступны не всем, но многим.

В сборнике «Плетень» (Петровск, 1921)⁷⁷ опубликовано стихотворение «Цыганка» («В платье маковом ломкая Таня...») с посвящением Татьяне Александровне Ивановой (балерина, руководила балетной студией Рязанского Дома искусств, вела занятия по балетному искусству, позднее стала искусствоведом, литературоведом – исследователем творчества М.Ю. Лермонтова):

«Цыганка
Т.А. Ивановой

В платье маковом ломкая Таня,
Звон запястий, колец и серёг.
Побледнели рубины в тумане,
Искривился зазубренный рог.
Всё больнее, хмельнее и резче
Жёлтым пламенем бьётся печаль,
И крылом через смуглые плечи
Размахнулась зелёная шаль,
Что не мне эти медные руки
Осыпают горячую пыль,
Не по мне, у степной у излуки
Задымится слеза на ковыль.
Не с тобой мне медвяные росы,
Не с тобой окроплённая рожь,
Смоляные тяжёлые косы
Ты не мне, ты не мне расплетёшь.
И в монетах, огнях и монистах
Синей дымкой костра за курган,
Где коней, смуглотел и неистов,
У кибиток стреножил цыган.
[Что последней сердечною вспышкой
Оторвался пурпуровый блик,]

Что на ласточек крыльях, всё выше,
За моря, в переливной пыли,
Где шурша в наплывающей тиши
Всколосился туман от земли.
Замирай в помутневшем румянце,
Горькой страсти цыганская нить.
Пусть, клонясь опадающим танцем,
Нежеланная жизнь дозвенит».

И название сборника «Плетень», и слова стихотворения в нём «В платье маковом ломкая Таня...» перекликаются с есенинскими «плетнёвый палисад», «королевой у плетня» и глубоко значимо – с фамилией любимой героини главного героя рассказа В. Кисина «Смерть» Изумрудова Марией Александровной Плетнёвой: «Ах, если бы никогда не проходила эта ночь, и можно было бы вот так плыть по реке, слушать молодой женский голос, смотреть на звёзды и чувствовать сердцем, что ты не умрёшь!..

Ах, если можно бы было...

Смерть пришла. Мария Александровна умерла».⁷⁸

Слова стихотворений и названия сборников стихов Вениамина Кисина глубоко продуманы. В рукописи сборника «Мирское сердце» он посвящает «Водолив»⁷⁹ своему отцу. И это название неслучайно: имя отца – Мовша, Моисей, от древнееврейского Моше, обозначающего «вытащенный из воды, извлечённый, вытянутый из воды».

Название сборника «Голгофа строф» говорит само за себя и не требует объяснений.

А название рукописного сборника «Мандрагора» объясняет эпиграф:

«...Мандрагора вырастает из крови казнённых и у подножия виселиц...».⁸⁰

«И по огненным ступеням... вспененного кипящего кровью слова – коралловый корабль» его «стихов» – в сборнике «Коралловый корабль».

«И животворящим истоком прорастающего огненными побегами бытия» – его подготовленный к изданию «Огненный лебедь». Это прямая ассоциация с первой строчкой стихотворения Якова Апушкина, опубликованного в «Известиях» Рязанского Губернского исполнительного комитета: «Революция – огненный лебедь». (Для меня Вениамин Кисин в жизни земной – златокрылый, огненный лебедь, застреленный на взлёте (и судя по творчеству В. Кисина, он сам так видел и провидел). И в вечности он – в небывалой радости и красоте танца лебедей сине-алмазного озера, (которое во главе с режиссёром Гу Ронгом четыре года искали авторы фильма «Красный лебедь» о Петре Гусеве, после революции участвовавшему в восстановлении русского балета и создании балета советского в России и позднее в Китае, которого сыграл Вячеслав Тихонов в этом фильме).

Особая значимость названия сборника «Киноварь».

Киноварь – красный сульфид ртути для получения ртути и приготовления красок – известна в глубокой древности в живописи древнего Египта, Греции, Рима. Её использовали для приготовления краски в смеси с крапраном для прописывания крови на картинах. На Руси краски, изготовленные из киновари, использовали для росписи икон.

И слово «кино» – от греческого слова, обозначающего движение, двигаю, двигаюсь.

Это «кино», в котором варилось его творчество и вся его деятельность, пропитанная его кровью.

Создание в России свободных объединений литературы и искусства не только в столице, но и в глубинке – это была политика нового государства, которую осуществлял просвещённейший комиссар Анатолий Васильевич Луначарский, получивший оценку своей талантливой работы: «...Луначарского сечь за футуризм».

Россия возрождалась свободным первым в Рязани отделением Всероссийского союза поэтов, Рязанским Домом искусств, сборниками стихов рязанских и московских поэтов с участием не только поэтов, но и художников, которым не су-

ждено было пережить свой взлёт. Заорганизованные обсуждениями, решениями и постановлениями далёких от искусства чиновников Свободные Художественные мастерские (в которых художников удалось разьединить, а Малявина отстранить от руководства с последующим погромом его мастерской (кражей его картин) и угрозами, заставившими его, спасая своих любимых жену и дочь, уехать из России) стали «утопией», как метко обозначил эту ситуацию исследователь Александр Никитин.⁸¹

Созданные Вениамином Кисиним объединения высокой культуры могли существовать только благодаря его самоотверженной титанической работе как личности одарённой и, конечно, его таланту организовать, сплотить и представить их участников.

Эти свободные объединения были настолько свободны, что Рязанский Дом искусств начал свою работу с первого организационного собрания инициативной группы и до его разрешения «был незаконно», как писал Д. Майзельс Т. Мачтету и обещал приехать в уже разрешённый: «Ждите меня к открытию».

Россия оживала свободными объединениями с удивительно сплочёнными, преданными искусству поэтами: Николаем Иконниковым, который в альбом Бориса Кисина 26.1.1922 года не мог не написать «На память о содружной работе на ниве чистого искусства», Дмитрием Майзельсом, написавшим в стихотворении «Памяти Вени» не просто слова, а пережитое и всегда глубоко понятое, и самим Вениамином Кисиним, который за три месяца до гибели написал: «Борису Кеверу, который будет с нами», поместил «Отрывок из романа «Всем Рязаням, Елатьмам, Касимовам, <...> Вербы весенняя весть» и подписался «Люминист Вениамин Кисин Рязань. 14.1.22 г.».⁸²

Неимоверных усилий, таланта поэтического и организаторских способностей эта свобода стоила Вениамину Кисину, сумевшему вдохновить и сплотить Тараса Мачтета, («охранной грамотой» которому служило стихотворение «Замучен

тяжёлой неволей...» его отца Г.А. Мачтета, ставшее песней-гимном большевиков, которую пел и В.И. Ленин. Тарас Мачтет не только писал стихи и статьи о литературе, но и, как «специалист по 1917-му году», писал статьи, выступал, приглашал на свои выступления)⁸³; Николая Рещикова, Семёна Лягина, Андрея Манаева, Зиновия Явица, Якова Апушкина, выступавших на литературных понедельниках и четвергах Рязанского отделения Всероссийского Союза поэтов и Рязанского Дома искусств в «зале отдела просвещения», на организованных Рязанским отделением Всероссийского союза поэтов поэзо-концертах, на митингах с выступлениями и представителями местной власти в Красном зале, и вместе с другими авторами публиковавших свои статьи и стихи не только на страницах коллективных сборников рязанских и московских поэтов, но и на страницах газеты «Известия» Рязанского губернского исполнительного комитета с такими обеспечивающими их свободу публикациями: Семён Лягин – статья «Задачи пролетарского искусства», Яков Апушкин – стихотворение «Революция – огненный лебедь...», Объявление о выступлении «пролетарских поэтов» Дмитрия Майзельса и Вениамина Кисина. В коллективных сборниках, подготовленных Кисиним, участвовали 62 автора.

И после закрытия Дома искусств в Рязани вслед за закрытием Дворца искусств в Москве, после призыва в рязанских «Известиях» «Долой эти зловонные нарывы из нашего искусства» по поводу сборника «Киноварь» и после убийства Вениамина Кисина созданные им Союз поэтов и Дом искусств продолжали существовать двумя сборниками его стихов, которые издал его брат Борис Кисин, и переданными на хранение в центральные архивы, музеи и научные библиотеки Москвы и Рязани «от коренного рязанца» Бориса Моисеевича Кисина книгами, рукописями и документами действовавшего в Рязани Союза поэтов и Дома искусств, где главным работником – секретарём и руководителем поэтической секции – был Вениамин Кисин.

Это всё продолжало жить. Музеи и научные библиотеки хранили раритетные материалы и организовывали выставки, исследователи писали об этом явлении 20-х годов. Накануне разрешения установки мемориальной доски Вениамину Кисину в год 120-летия поэта по предложению профессора РГУ им. С.А.Есенина Ольги Ефимовны Вороновой и заведующей фондами РИАМЗ Елены Владимировны Чумичёвой прошли выступления на Международной есенинской конференции в РГУ им. С.А. Есенина и на Межрегиональной конференции в РИАМЗ. В журнале «Современное есениноведение» опубликована статья «Почему Есенин не приехал»; в «Календаре 2017», изданном РОУНБ им. М. Горького, размещена статья «Вениамин Кисин», в Интернете на сайте «История, культура и традиции Рязанского края» размещены публикации о Вениамине и Борисе Кисиных на основе всех архивных материалов.

Воскресение поэта, его возвращение в Россию, подтверждённое установкой 20 марта 2017 года мемориальной доски на доме, где он жил, в Международный День счастья и открытием её в 120-й день рождения (по новому стилю в нашем веке) Вениамина Кисина 21 марта 2017 года, когда отмечался Всемирный День поэзии, показало необходимость воскресить, возобновить и вновь создать в Рязани Союз Поэтов. С провозглашением «вербы весенней вести» в прозвучавшем в его исполнении стихотворении Вениамина Кисина поэт Нурислан Ибрагимов, таланту которого, конечно, тесно и несродно в действующих сейчас Союзах писателей, предложил создать в Рязани Союз Поэтов, где «первым принятым в этот Союз будет Вениамин Кисин».

Суждено поэтам Вениамину Кисину и Борису Кисину в Рязани в год 120-летия Вениамина Кисина в День России 12 июня 2017 года «воскреснуть, вернуться в Россию стихами» книгой-подарком «Вербы весенняя весть»⁸⁴, а дополненным литературоведческим изданием – книгой-подарком «Я снова буду жить»⁸⁵ – в год 120-летия Бориса Кисина в День России 12 июня 2019 года. В 2018 году в Смоленске – библиофиль-

ским сборником «незабываемых забытых» поэтов со стихами Вениамина Кисина (Антология поэзии в серии «Серебряный пепел», подготовленная Виктором Кудрявцевым).

«Россия оживает» и благодаря тому, что удалось найти архивные документы о приездах Бориса Пастернака в Рязань летом 1920 года и ему будет установлена мемориальная доска на доме (угол улиц Радищева и Свободы), где в зале Рязанского губернского отдела народного просвещения проходили четверги и понедельники Рязанского отделения Всероссийского союза поэтов и Рязанского Дома искусств, где Борис Пастернак встречался с рязанскими поэтами и где с большим успехом прошёл вечер его стихов.⁸⁶ Борис Пастернак, любимый в Рязани своими стихами, воскреснет, снова будет у Кисина в Рязани, где звучали и снова будут звучать его стихи.

«За свободу» всегда «есть расплата». Но есть и награда:

«...честь свободного –

Свободным умереть», – как писал в одном из своих стихотворений Вениамин Кисин.

После болезни в 1921 году Вениамин Кисин уезжает к отцу в деревню Акишино – недалеко от Касимова, затем, перед поездкой в Москву, возвращается в Рязань, на Соборную, где Кисины были квартиронанимателями бывшего домовладельца купца Владимира Дормидонтовича Харина.

«Только теперь я начал ценить жизнь, – говорил после болезни Вениамин Кисин, как писал в воспоминаниях его брат, – только теперь, глянув в лицо смерти...».

И как отмечал Борис Кисин в своих комментариях, Вениамин Кисин начал и писать в это время по-другому и в своём сборнике стихов «Мирское сердце» и в строчках романа «Рязань на Яру», которые он успел записать. И самое главное – это покаяние Вениамина Кисина со свойственной ему кротостью и всегда праведностью (по поводу ранее написанного им гимна «Люминизм и смирение») в его «неоконченном» романе «Рязань на Яру»:

Зачем, ах! – зачем это Он,
Галилеянин кроткий. –
Зачем эти язвы к губам оснеженным моим,
и пробитые руки и ноги,
и ладоней тепло в аромате лилей златотелых,
и озёр ароматных, где рыбаля ветхая сеть –
и улов, среброспинный, трепещущий в рыбаля
мрежах,
и пришедшие женщины с верой в глазах, –
и пробитые руки –
Пречистые руки –
к оснеженным губам Веньямина.
<...>.
Тебе запевают уста –
простишь ли –
этот гимн, забивающий гвозди,
забивающий гвозди –
и ныне, и присно и во веки веков.

«Период после возвращения в Рязань стал периодом кипучей, даже лихорадочной деятельности. Словно предчувствуя близкую кончину, он работал без устали, несмотря на тяжелые материальные условия, в которых в то время находился. Целыми днями просиживал он в книгохранилище, погружившись в какой-нибудь ветхий том. Утром, ещё лежа в постели, звал он маленького братишку и диктовал ему то, что рождалось за ночь. Эта энергия, это горение передавались окружающим. Словно сама атмосфера вокруг него была насыщена каким-то особенным «электричеством духа», как выразился один из близких ему людей. И в этой атмосфере всем нам легко и радостно работалось. Тяжело было нам расстаться с ним, когда он уезжал в Москву»,⁸⁷ – вспоминал Борис Кисин.

Сохранился в Рязани дом на улице Соборной, 13, в котором тогда жили Кисины, из которого в середине 1921 года Вениамин Кисин уезжал жить в свою последнюю поездку в

Москву. Кисины жили на втором этаже, на первом – в семье своей жены Елизаветы Константиновны урождённой Плотниковой жил пролетарский писатель Иван Макаров.⁸⁸

«Москва тянула его, как центр умственной жизни. И там он продолжает так же интенсивно работать. Выступает, работает над целым рядом статей и над романом «Рязань на Яру»... Усиленно занимался он и в университете, чтобы быть свободным к лету. На лето у него был задуман целый ряд работ...».

Вениамин Кисин участвует в литературной жизни Москвы. Только по воспоминаниям Тараса Мачтета – его выступления в собрании «Литературного особняка», во «Дворце Искусств» на Вечере современной поэзии, в клубе ВСП на Вечере поэзии люминистов с провозглашением Декларации люминизма. О последнем вечере Вениамина Кисина в своём дневнике 10 апреля 1922 года Мачтет писал: «Наш вечер уж третий, поэтов-люминистов (так в рукописи), назначенный на 6 апреля в «Звене», прошёл в прошлый четверг».⁸⁹

В 1921 г. выступает с «Провозвестием люминизма» - литературного течения, к которому присоединяются поэты Дмитрий Майзельс. Наталья Кугушева и др.»⁹⁰: «Наша лирика – это то, что вырубается на граните резцом по броне для передачи векам. Мы пишем вне сегодняшнего дня»⁹¹; «Мы, группа поэтов, объединённых творческим мироощущением, воспринимаем мир не как сумму разнородных явлений, но как выражение единой сущности, лежащей в основе всего. Мы зовём это сущное Люменом. Lumen. Прорастают глаза через вещи и плывут в осиянности Люмена. Пробиваются через душу и материю. Единый свет выявляется в многообразии форм, и одно из них – стих. <...>. Люминизм для нас не только литературный приём, но и подвиг всей нашей жизни – жизнь по стихам и стихи по жизни»⁹².

Продолжая свои воспоминания, Александр Беляков пишет:

«...после революции я встретил его в Москве, у него на квартире. Он жил в крохотной комнатке, которая была заполнена книгами и рукописями.

«Я занимаюсь поэзией, – сказал он мне, – и принадлежу к группе поэтов люминистов. Это от слова люмен – люминис – что по латыни означает свет».

Веня прочитал мне несколько своих стихотворений, и они произвели на меня большое впечатление новизной и цветистостью содержания»⁹³.

«...Поэт жил на Бубнинском пер., дом 3, кв. 13, ныне – Зоологическая ул., дом 1»⁹⁴. Этот дом не сохранился, как и все дома Бубнинского переулочка, а сам переулочек вошёл в состав Зоологической улицы, и на месте дома 3 – теперь дом 1 на Зоологической улице.

В рукописи манифеста нового литературного течения Вениамин Кисин писал: «Люминизм *lumen* – свет. Снимается многоликая обманчивость образов, пестротканная Майя, и дышит «единосущное» присносущное Всё или Ничто.

Глаза, как травы, прорастают сквозь вещи и цветами зацветают в этой единосущности. <...>.

Творчество не может быть общедоступным: слово понято только испытанным в искусстве. Наши стихи и наше дыхание – одно: стихи по жизни – жизнь по стихам. Утренним ветерком веет по травам и душам: – зелёный стебель – солнце – это слово питается <...> внутренне самовозгорающейся и неодолимой динамикой душевной эсхатологии – и образы в нём – живые лики и огневеющее излучение насущного «Оно», раскаленные брызги его пробивались сквозь тяжёлые плиты и взлетали к звёздам.

Страшное единоборство с ритмом, сопротивление мёртвого материала, но из косматых лап зловещей косности уже прорастает сочащийся смолами стебель в вишнёвом цвету стиха вечным возвращением и животворящим истоком прорастающего огненными побегами бытия»⁹⁵.

«Насущное «Оно», LUMEN;
бушующий свет; красно-
крылый вихрь;
багровая грудь
грозовых парусов;
слепительная пена
космических вздохов,
не это и не то, но
всё во всём и ничто в
ничём, – вот оно,
искрогтивное, налетает,
как шквал, на утлое
сознание и по синим и
золотым полям рушащегося горизонта,
в вулканической симфонии, захлёстывает всё.

<...> но у самого надира, за последним пределом, в непроницаемом мраке – уже произрастает, как стебель, свет, и каплют росой зелёные волны, и в осиянном порыве, меж чёрных ключий, лазоревые лилии.

<...> И по огненным ступеням этого вспененного кипящего кровью слова, коралловый корабль наших стихов – с вала на вал, в смертельной схватке с плещущими горами, всё выше и выше – к обвитым зорями вратам, за которыми радостная слиянность звенит золотыми ключами «Оно».

Страшное единоборство с ритмом, сон, мёртвая материя, но из косматых лап зловещей косности уже прорастает сочащийся смолами стебель в вишнёвом цвету стиха.

Раздельные объекты для нас, люминистов, производное психической статики; динамически напряжена душа, исходя из вещи, как из рамы, зачерпывает пригоршнями «Оно» и окропляет им, как живой водой, мёртвую косность вещей и пробивает брешь в безысходном тупике обречённой, тленной и проклятой историчности человечества с его ужасающим самообманом – построить железный мост к воздушному будущему.

<...> мы несём всем насущное, ибо только «Оно» пронизывая всех, связывает всех как избранных, воедино, не механически, не насильственно-мёртвой хваткой, но вечным возвращением к животворящим истокам прорастающего огненными побегами бытия.

Зелёный стебель – солнце.

Знаменосцы люминизма:

поэты: Вениамин Кисин,
Дмитрий Майзельс,
Николай Решиков».⁹⁶

(В публикации «Провозвестия люминизма», вышедшей в 1924 году, добавлены фамилии Тараса Мачтета и Натальи Кугушевой)⁹⁷.

Декларация люминизма, написанная Вениамином Кисиным, не только провозгласила, но и отразила его мироощущение, его стихи бывшие и будущие, «и только преждевременная смерть поэта заставила поблекнуть «зеленый стебель – солнце»...

В этом же, 1921 году, Вениамин Кисин написал гимн «Люминизм и смирение», где есть такие слова:

«Отчего у тебя такие суровые взоры,
о истина, и брови, нависшие хмуро,
отчего неулыбчива ты и
состраданья не знаешь к
чадам земли, приходящим
к твоим затворённым вратам.
И морщины легли возле губ,
как борозды, и на лбу,
словно в поле межи.
Отчего? Отчего?
Иль ты не знаешь, что песня
нужна нам, колыбельная
песня возлюбленной матери
сыну, убаюканному её голосом
милым и нежным.

Иль ты не знаешь, что нужна
нам весенняя песенка легче,
чем сон, где цветы,
где пчёлы жужжат
и бабочки реют...», –

высказал в нём свою заветную мечту «Утренние ландыши срывать на снежных полях облаков, а не в изумруде долин, где свирель пастуха и глаза босоного-хмельных хороводов», и устремился «За утренними ландышами выше высоких хребтов, в синюю синь и ледяные столпы»⁹⁸, завещав «на ресницы мёртвые / порошок сладкоснежный свет»⁹⁹.

«На пасху он собирается ехать в Рязань. 11-го апреля отправляется на вокзал, но, опоздав на поезд, идет к знакомым в гостиницу «Вулкан» на Владимиро-Долгоруковской улице. В 12 часов ночи возвращается домой...»¹⁰⁰.

«11 апреля вечером был в гостях у А. Малкеса в гостинице «Вулкан» на Владимиро-Долгоруковской улице. Возвращался домой после полуночи».¹⁰¹

«В ночь с 11 на 12 апреля Вениамин Кисин был убит бандитами на Владимиро-Долгоруковской улице у подъезда гостиницы «Вулкан».¹⁰²

В своём Дневнике Тарас Мачтет так пишет о потере своего «товарища, полного сил и энергии, провозвестника иллюминизма»¹⁰³ (для одних поэзия свет от Высшего источника, для других – всего лишь иллюминация): «Москва 15 апреля 1922 пасха суббота. Наступление Пасхи ознаменовалось совсем неожиданным убийством В. Кисина в ночь под вторник, когда он, не попав на поезд, шёл с вокзала в обществе Арона Малкеса в двенадцатом часу ночи. Напал пьяный бандит. «Руки вверх». И всё, что происходит в таких случаях, пуля в затылок наповал и быстрая смерть. Я узнал об этом <...> от Абрама Львовича, а вчера его уже похоронили на еврейском кладбище».¹⁰⁴

На беду, в эту ночь не было рядом с Вениамином Кисиным «коричневого Наля» Беспорочного, который в индей-

ской поэме не выстрелил в Златокрылого Лебедя и попросил своего колесничего Варшнея не стрелять, и Лебедь в благодарность за спасение рассказал Дамаянти о Нале, чтобы она полюбила его так же, как он её.

Вениамин Кисин был убит в возрасте 25 лет, и не вышел из печати его «Огненный лебедь».

И не вышел альбом «Рязань на Яру» его стихов с обложкой и гравюрами на линолеуме Н.С. Трошина – руководителя художественной мастерской для рабочих и учащейся молодёжи, которую посещал Борис Кисин и которую талантливые ученики называли «Лабораторией живописи»: «<...> без него уже не мог продолжить так интересно задуманную работу. Вот так было: бандитские классовые бои ещё продолжались».¹⁰⁵

Убит, как пишут в своих воспоминаниях Борис Кисин и Александр Беляков, «в перестрелке бандитов с милицией», «пулей шальной».

И преднамеренной или непреднамеренной, всё равно «бандитской», «шальной», потому что, как всякая пуля, напитанная ненавистью к «добру и свету», – эта тоже вряд ли была случайной, тем более, что пуля была не одна: не только, как писал в своих неопубликованных стихотворениях о брате Борис Кисин, «на затылке огненный пион», но и «кровь запеклась на простреленном лбу». Борис Кисин и Александр Беляков это знали, но опасно и бесполезно было об этом говорить. А переписывая стихотворение Дмитрия Майзельса «Памяти Вени», Борис Кисин слово «случай» пишет с заглавной буквы: «Твой убийца Случай». Вот так – кому гвозди, кому пули: «... гвозди Ему в руки, чтоб чего не сотворил, /И гвозди в лоб, чтоб ни о чём не думал». (В. Высоцкий. «Поэтам и прочим, но больше – поэтам». РГАЛИ. Ф. 3004. Оп. 1 – белой автограф 1971 г. С. 0, 8).

Рязанская газета «Рабочий клич» 5 мая 1922 года поместила некролог Сергея Чёрного (Володина):

«Вениамин Кисин

В Москве на-днях трагически погиб от бандитской пули поэт-рязанец Вениамин Кисин.

Тов. Кисин известен не только в Рязани. С его поэзией достаточно знакома литературная Москва, в особенности её поэтические круги, где он в последнее время работал. Ему была поручена большая весьма ответственная работа по обработке литературного словаря.

<...> Большое литературно-философское образование давало возможность тов. Кисину серьёзно обосновать своё новое направление в поэзии и на целую голову быстро выдвинуться среди своих товарищей по перу.

Умер молодой честный и даровитый товарищ.

И умер преждевременно и нелепо. Отсюда и боль».

Вениамин Кисин знал своё призвание и сознательно шёл предначертанным ему избранничеством. Не одно его стихотворение говорит об этом:

«Только мне оборванный ставень:
– Никогда. Никуда не уйти...», –

как и в строчках, написанных на обратной стороне первого листа тетради автографов В.Кисина в его первом предполагавшемся к публикации рукописном сборнике «Звёздные ресницы», которые можно понять как эпитафия:

«Моя душа на высоко натянутом канате
над пропастью играет с гибелью,
как безрассудный акробат.
О братья, люди братья,
Я смерти так боюсь и так ей был бы рад".¹⁰⁶

О своей гибели Вениамин Кисин писал в стихотворении, помеченном 1921 годом в тетради Бориса Кисина «Вениамин Кисин. Собрание стихотворений. М. 1923. Исключо-

чѣнное», которого только часть была опубликована в 1923 году «по недосмотру цензуры», как вспоминал Борис Кисин:

«На пороге немых откровений,
После смерти ледяных поцелуев,
Земнородному страннику Вене –
Снежный сон по чѣрному телу.
Земнородному Вене в сугробах,
У глав Симеона Столпника,
Христос, осеняющий злобу,
На снежный кладбища престол ник...
Ледяными пальцами в уши –
Губами и кровью пят:
“Благослови, грядущий,
Тело моё пропать”...
Снитесь, снитесь, милые лики,
Златокрылый мне сон истекай.
Тоньше жемчуга-повилики
Вкруг чела обвивайся, Рязань...
24 порога –
Скоро, скоро и двадцать пять.
“Благослови, убогий, –
Тело моё пропать”...
Вейтесь, вейтесь, милые лики,
Хороводом любимых рук.
“Боже мой! Боже Великий, –
В чѣрно-багровые блики
Не прокричит петух”...».

(Симеон Столпник – святой, именем которого называлась одна из рязанских церквей. – Прим. Б.Кисина).¹⁰⁷

И о последней своей заре он написал в своём стихотворении. В 1976 году Борис Кисин написал стихи-воспоминание о последней тропе брата по Можайскому шляху:

«Твоей памяти

“Так прокричал передутренный петел,
Как и заря на Можайский на шлях”.

В. Кисин.

На Можайский шлях не заря упала,
На Можайский шлях не ветер пал.
По Можайскому шляху в полынном опале
Последняя твоя тропа».

«Брату

Чёрный полог с белой звездой.
Вечная память и вечный покой.
Не шевельнуться и не вздохнуть.
Долог и краток последний путь.
Галки кричат на Можайском шоссе,
Тащатся дроги на стылой росе.
Прожито мало – жить бы да жить,
Солнцу смеяться, любить и тужить,
Звёзды увидеть в утренней мгле,
След свой оставить на вечной земле.
Не досмеялся, не дотужил –
Голову ночью на камни сложил.
Кто твой убийца? Куда он пропал?
В тёмных дворах затерялась тропа.
Кровь запеклась на простреленном лбу,
Ветер над мёртвым затеял гульбу.
Да в багрянце холодной зари
Стыли ослепшие фонари.
Не досмеялся, не дотужил.
Голову даром на камни сложил.
Только остались в свитке веков
Светлые строки мудрых стихов».¹⁰⁸

«Россия потеряла своего философа-поэта». Вениамин Кисин провозглашал свет, lumen, и нёс его в своей жизни и в творчестве. Он всё делал для российской культуры и просвещения и старался показать культуру страны, которой принадлежал по происхождению. В последний год своей жизни «с некоторыми московскими друзьями он собирался заняться переводами на русский язык еврейских поэтов, составить еврейскую антологию поэзии» и вместе со своим учителем М.Г. Коганом – перевод древнейшего источника знания, написанного метафорическим языком, – книги «Зогар» – «Книги сияния» (Света от Высшего источника), тексты которой были тайной, и все 2000 лет своего существования вплоть до нашего времени мудрецы и мыслители пытались расшифровать «Семь Зогаара ворот и ключей золотых»¹⁰⁹.

Наталья Кугушева (Таточка, как звал её Вениамин Кисин) написала о «киновари» слов Вениамина «в свитке веков» в стихотворении, посвящённом Борису Кисину:

«Ранней смерти цветком кровавым
Был увенчан наш друг и брат.
Те апрельские дни звучат,
Как зловещая медь литавров.
Но храним мы неугасимый
Звёздный отблеск его стихов,
Где горячую «киноварь» слов
На вершину взнесли серафимы...»¹¹⁰

В своих воспоминаниях Борис Кисин приводит слова о Вениамине Кисине знавших поэта лично и его творчество Бориса Пильняка, приехавшего в Рязань, и Павла Радимова, одним из своих стихотворений участвовавшего в коллективном сборнике «Из недр земли», вышедшем в 1922 году в Рязани, где впервые стихи Вениамина Кисина были опубликованы под рубрикой «Люминисты»:

«И тогда я узнал, что предо мною поэт, облечённый Милостью Божией – что русская наша колыбель – поочье,

Таруса, Рязань, Зарайск, Касимов, наши русские веси – родят, рождаются, бухнут; так радостно всегда знать, что пришёл ещё новый твой брат». (Б. Пильняк);

«Искренний в душевной взволнованности, Вениамин Кисин в своём поэтическом наследии трогает читателя острой и радостной любовью, пантеистически широкой, к пустынному полевому и лесному простору Руси. Вместе с тем, он, современник мировых событий, бунтарской душой порвал застой устаревшего обихода, напряжённо зовёт новую эру человечества, мечтательно и верно преданный заветам и поискам творчества». (П. Радимов)¹¹¹.

В письме Евгению Евтушенко Борис Кисин пишет: «В 1922 году, прожив всего 25 лет, от пули неизвестного убийцы погиб мой брат. О нём положительно отзывался В. Брюсов. Дружил с ним и Б. Пастернак. После трагической смерти брата о нём писали С. Городецкий, П. Радимов, Б. Пильняк». И Евгений Евтушенко опубликовал «строфы века» Вениамина Кисина в своей «Антологии поэзии».¹¹²

Вениамина Кисина притягивала «Москва как центр умственной жизни», он надеялся свою титаническую работу продолжить на новом более успешном и активном витке. Свой единственный прижизненный сборник своих стихов «Багряница» и коллективный сборник стихов рязанских и московских поэтов «Из недр земли» Вениамин Кисин успел подготовить и сдать в печать. Объявление о выходе этих книг появилось (как знак вечной жизни поэта) в рязанской газете «Рабочий клич» в день гибели Вениамина – 12 апреля (1922 года), который был объявлен Днём космонавтики после первого в мире полёта в космос Юрия Гагарина 12 апреля 1961 года.

На свою работу в Москве надеялся и А.Л. Малкес. А в Рязани сразу после объявления Кисиним его отъезда Абрам Львович организовал в Гарклубе Лито. После гибели Вениамина Кисина были Союзы поэтов, но это уже другие Союзы, которые вскоре стали Союзами писателей. И рязанский поэт Валерий Кудряшов, получивший членство в Союзе писателей

СССР, сам вышел из него, и вскоре совершенно естественно этот Союз распался на отдельные объединения.

«Быть поэтом» – это удел избранных Богом Живаго, сознательно идущих на крест своего предназначения. «Моя душа на высоко натянутом канате над пропастью играет с гибелью как безрассудный акробат ...», – написал в самом начале, как эпиграф, Вениамин Кисин в своём первом предпологавшемся к публикации сборнике рукописей своих стихотворений «Звёздные ресницы». В 1921 году Борис Пастернак писал: «Нас мало. Нас может быть трое <...>. Мы были людьми. Мы эпохи <...> Вы поздно поймёте»¹¹³.

Вениамин Кисин не успел всё задуманное осуществить и не дожил до того времени, когда Борису Пастернаку удалось написать роман всей своей жизни с лучшими своими стихотворениями, но оба они принесли свой мученический крест избранничества на алтарь вечной жизни и вечного искусства – «творчества и чудотворства».

Вместе со своим родным братом Вениамин Кисин всю свою жизнь служил высокому искусству и со всей своей семьёй шёл «в ногу» с великой Россией.

Вениамин Кисин не дожил до осуществления всего намеченного, но в своих стихах в свои предсказанные им «двадцать пять» он всё сказал.

«Листик коричневый, осени птица,
Разве не шепчет, что Бог воскресает?
В трещины неба снова сочится
Сладость давно позабытого рая.
Что из того, что все умирают?
Что из того, что страданий полны?
Разве нас всех всё равно не качают
Вечности пламенной зыбкие волны?
С радостным пеньем, души-причастницы,
Вы устремляйтесь к необычайному, –
К острым касаньям, к дышащим тайнам,
К светлым улыбкам, пира участницы,

Пойте, вплетайте в слёзы хваления,
В горе вливайте весть возрождения,
Души-причастницы, души-участницы,
Души на пире вечного бденья...».¹¹⁴

«Всё отразится светом
нетленным.
Братья! Ловите эти мгновенья,
полные света неизъяснимого».¹¹⁵

Примечания Источники

¹ Слова стихотворения В. Кисина «Твоя алмазная корона...». РГАЛИ. Ф. 2255 В. Кисин и Б. Кисин. Оп. 1. Ед. хр. 7. «Звёздные ресницы»; Оп. 1. Ед.хр. 8. «Белое пламя»; НБ РИАМЗ. РсР Г-60. «Голгофа строф».

² Слова стихотворения «Рай» (Небесный Иерусалим) – «Над небом голубым...» Андрея (Анри) Волохонского, написанного им на музыку Владимира Вавилова в ноябре 1972 года. В кн.: Анри Волохонский. Стихотворения, 1983 HERMITARE USA. («История одной песни». Зеэв Гейзель, автор и исполнитель на иврите. bujhm.livejournal.com).

³ Виктор Кудрявцев предложил (по списку) переписать стихи для «Круговой чаши» и для библиофильского сборника в серии «Серебряный пепел», посвящённого Вениамину Кисину.

⁴ РГАЛИ. Ф. 2255. Оп. 1. Ед. хр. 7. «Звёздные ресницы». 1 тетр. С. 12; П тетр. С. 42; НБ РИАМЗ РсР К-44. «Голгофа строф». (В основном все тексты стихотворений – опубликованные и неопубликованные) сверены и даны по автографам В. Кисина в предполагавшихся к изданию сборниках «Звёздные ресницы», «Белое пламя», «Белена» – «Плаха пульса», «Асфальтовая месса», «Смерть в виссоне», «Мирское сердце», «Рязань на Яру», хранящихся в РГАЛИ).

⁵ РГАЛИ. Ф. 2255. Оп. 1. Ед. хр. 6. «Белое пламя». С. 22; Оп. 1. Ед. хр. 7. «Звёздные ресницы» 1 тетр. С.6; П тетр. С. 37 об.

⁶ НБ РИАМЗ. Р2Р К-44. В. Кисин. «Багряница»: Стихи. – / Издание Рязанского отделения ВСП. – Рязань: Государственное издательство, 1922.

⁷ Там же.

⁸ РГАЛИ, 2255, 1,6, «Белое пламя», с. 24; 2, 14, Из цикла «Год тысяча семьсот...».

⁹ РГАЛИ, 2255, 1, 7, с. 24.

¹⁰ РГАЛИ, 2255, 1, 7, «Звёздные ресницы» 1 тетр. с.18; П тетр. с. 29 об.; НБ РИАМЗ Р2Р К-44. «Багряница».

¹¹ РГАЛИ. Ф.2255 Б. Кисин и В. Кисин. Оп. 2. Ед. хр. 20. Д. Майзельс. «Памяти Вени». 1922. Автограф Б. Кисина.

¹² РОУНБ им. М. Горького. Очерки литературной жизни Рязани XIX-XX веков (1969) 2007; Литературная Рязань. Библиографический словарь. Рязань: 1992.

¹³ А.А. Севастьянова. Литературные сборники 1920-х годов в Рязани и Борис Пастернак. – /В сб. статей: Провинциальное культурное гнездо (1778-1920-е годы). – Рязань, 2005; Proza.ru. Забытые поэты. М.Н. Мухаревский. Рязанские поэты 20-х годов; А. Галушкин. Люминизм Вениамина Кисина// Литературное обозрение. – 1998,. № 2.

¹⁴ РГАЛИ. Ф. 324 Г.А. Мачтет и Т.Г. Мачтет. Оп. 1. Ед. хр. 57. Письмо В. Кисина Т. Мачтету. 18/УП-1918 г. С.1.

¹⁵ Там же.

¹⁶ ГАРО. Ф. 141. Рязанское городское по квартирному налогу Присутствие. Оп. доп. Д. 19. Св. 5. Заявления домовладельцев за 1897 год. С. 458, 458 об.

¹⁷ ГАРО. Ф. 141. Т. 1. Оп. доп. Д. 21. Заявления домовладельцев за 1899 год. С. 509, 509 об.

¹⁸ ГАРО. Ф. 141. Рязанское городское по квартирному налогу Присутствие. Оп. доп. Д. 24. Св. 8. Заявления домовладельцев г. Рязани за 1901 год, облагаемых квартирным налогом. С. 567, 567 об. – Заявление домовладельца купца Соколова Ефима Петровича, дом на Маломещанской, января 4 дня 1901 г.: квартирант «1. Моисей Соломонович Кисин». Сам Соколов Е.П. и «Соколов Василий Ефимович, купеческий сын, часовых дел мастер», – квартиронаниматели домов на Почтовой домовладельцев Москвина Алексея Константиновича – заявление от 2 января 1901 года, с. 647, и Михайлова Якова Михайловича – заявление от 3 января, с. 597. Магазин Е.П. Соколова – тоже на Почтовой в доме Москвина Алексея Константиновича – заявление от 2 января 1901 года, с. 645, 645 об.

¹⁹ РГАЛИ, 2255, 1, 8.

²⁰ НБ РИАМЗ, Р2Р К-44. Вениамин Кисин. Собрание стихотворений. М., 1923, с. 173.

²¹ НБ РИАМЗ Р2Р К-44. Вениамин Кисин. Собрание стихотворений. М.: 1923. Вступительная статья Бориса Кисина.

²² ГАРО. Ф. 19. Ед. хр. 1431.

²³ Исай Локшин. «Евреи. Судьбы. Власть». 2008.

²⁴ РГАЛИ, 1624, 3, 8.

-
- ²⁵ РГАЛИ, 2255, 1, 8. «Белое пламя».
- ²⁶ РГАЛИ, 1624, 3, 8.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ РИАМЗ, РОМ П-8 ф. 73881/13, КП-73881/1.
- ²⁹ РИАМЗ. НА-2256; РГАЛИ. Ф. 2255. Оп. 2. Ед. хр. 7. А.В. Беляков. «Далёкое прошлое». (Воспоминания вошли в книгу А. Белякова: «Полёт сквозь годы», Воениздат, 1991).
- ³⁰ ГАРО. Ф. 609. Оп. 108. Арх. № 10. Св. 177. С. 23.
- ³¹ РГАЛИ, 2255, 2, 22, л. 1,2.
- ³² РГАЛИ, 2255, 2, 7. Борис Кисин. «Воспоминания. Два друга», с.5.
- ³³ РГАЛИ, 2255, 2, 7. Борис Кисин. «Воспоминания. Это было в Рязани». 1982.
- ³⁴ РГАЛИ, 324, 1, 57. Письмо В. Кисина Т. Мачтету. 18/УП-1918 г., с.1 об.
- ³⁵ РГАЛИ, 2255, 1, 15. Удостоверение об отпуске в Рязань с 19 июня по 1 августа, выданное 14 июня 1921 г.
- ³⁶ РГАЛИ, 1624, 3, 8.
- ³⁷ НБ РИАМЗ. «Голос молодёжи». – Рязань, 1917, № 2-3 январь-февраль-март. С. 16, 59.
- ³⁸ Там же.
- ³⁹ РГАЛИ, 2255, 1, 4. [1916-18].
- ⁴⁰ РГАЛИ, 2255, 1, 3. Автограф 1916-17 г.
- ⁴¹ РГАЛИ, 2255, 1, 5, «Белое пламя», с. 5, 5 об., 6. 1918 г.
- ⁴² РГАЛИ, 2255, 2, 15, с. 6. Стихотворения, не вошедшие в сборник 1923 года. Тетрадь Б. Кисина: «Вениамин Кисин. Собрание стихотворений. М. 1923. Исключённое».
- ⁴³ РГАЛИ, 1624, 3, 8.
- ⁴⁴ РГАЛИ, 2255, 1, 7 «Звёздные ресницы» П тетр., с. 26 об., 27. НБ РИАМЗ Р2Р К-44 «Багряница».
- ⁴⁵ РГАЛИ, 2255, 1, 8.
- ⁴⁶ РГАЛИ, 324, 1, 57. Письмо В. Кисина Т. Мачтету. 18/УП-1918г., с. 2.
- ⁴⁷ РГАЛИ. Ф. 324 Г. Мачтет и Т. Мачтет. Оп. 1. Ед. хр. 57. Письмо Кисина Мачтету 18/УП-1918. С. 2 об.
- ⁴⁸ РГАЛИ. Ф. 2255 Борис Кисин и Вениамин Кисин. Оп. 2. Ед. хр. 12. Б. Кисин. Примечания и комментарии к произведениям Вениамина Кисина.
- ⁴⁹ РГАЛИ. Ф. 324 Г.А. Мачтет и Т.Г. Мачтет. Оп. 1. Ед. хр. 4. Заявление инициативной группы ДИ во Внешкольный подотдел Губернского отдела народного образования, б/д.
- ⁵⁰ НИОР РГБ. Дневники Тараса Мачтета №№ 42 и 43.
НБ РИАМЗ, НБ ГАРО. «Известия» Рязанского губернского исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. 1920-21 гг.

- ⁵¹ НИОР РГБ. Ф. 162 Г.А. Мачтет и Т.Г. Мачтет. К. 6. Ед. хр. 4. Дневник Тараса Мачтета № 42. 1920 г. 14 июня – 9 июля. С. 67, 67 об., 68.
- ⁵² РГАЛИ. Ф. 2255 В. Кисин и Б. Кисин. Оп. 2. Ед. хр. 7. Борис Кисин. «Из воспоминаний». Машинопись. 1982 г. С. 3, 4.
- ⁵³ НБ РИАМЗ. Борис Кисин. «Вдохновлённые революцией». / Приокская правда. – 1981. – 8 ноября.
- ⁵⁴ ГАРО. Ф. Р-921. Оп. 1. Л. 13 об.
- ⁵⁵ РОУНБ им. М. Горького. «Приокская правда». 1984, 3 апреля.
- ⁵⁶ НИОР РГБ. Ф. 162 Г.А. Мачтет и Т.Г. Мачтет. К. 6. Ед. хр. 5. Дневник Тараса Мачтета № 43 12 июля 1920 – 11 сентября 1920. С. 45.
- ⁵⁷ Б.Л. Пастернак. ПСС. Т. 3. С. 349.
- ⁵⁸ НИОР РГБ. Ф. 162 Г.А. Мачтет и Т.Г. Мачтет, К. 6. Ед. хр. 5. Дневник Тараса Мачтета № 43. 1920 июля 12 – сент. 11. С. 124, 124 об.
- ⁵⁹ РГАЛИ. Ф. 2255. Оп. 1. Ед. хр. 8. «Белена» – «Плаха пульса». С. 25; Оп. 1. Ед. хр. 10 «Рязань на Яру». С. 25.
- ⁶⁰ Борис Пастернак. Неузнаваемая сторона. Иллюстрации Софьи Карауловой-Каре. Автор предисловия Ирина Калинковицкая. Иерусалим: Изд-во «Филобиблон», Типография «Ной», 2017.
- ⁶¹ НБ РИАМЗ, РсР К-41.
- ⁶² Борис Пастернак. Стихотворения и поэмы. Екатеринбург: У.-Фактория, 2008, с. 153-155, 156-157; 114-115.
- ⁶³ РГАЛИ, 2255, 1, 7, «Звёздные ресницы» П тетр., с. 45. НБ РИАМЗ РсР К-41. «Киноварь», 1921, с. 10.
- ⁶⁴ Слова из неоконченной статьи С. Есенина «Россияне», 1923 г., РГАЛИ, 190, 1, 66. Автограф.
- ⁶⁵ НБ РИАМЗ. Р2Р К-44.
- ⁶⁶ ОР ГМИРЛ им. В.И. Даля. Ф. 277. Оп. 1. Д. 1.
- ⁶⁷ РИАМЗ, РОМ П-8, фонд 7388, ед. хр. 18.
- ⁶⁸ РГАЛИ, № 78560.
- ⁶⁹ Там же, с. 108.
- ⁷⁰ РГАЛИ, 2255, 1, 14.
- ⁷¹ РИАМЗ, НА – 2556.
- ⁷² РГАЛИ, 324, 1, 57. Письмо В. Кисина Т. Мачтету. 28 августа 1921 г., с. 3, 3 об.
- ⁷³ РГАЛИ. Ф. 324. Оп. 1. Письмо Н. Хорикова Т. Мачтету, 22 сентября 1921 г.
- ⁷⁴ НБ РИАМЗ. Вступительная статья Б.М. Кисина в книге: Вениамин Кисин. Собрание стихотворений. М.: Изд. ВСП, 1923.
- ⁷⁵ РГАЛИ, фонд 324, оп. 1. Письмо Н. Хорикова Т. Мачтету. 19 января 1922 г.
- ⁷⁶ РГАЛИ, фонд 2255, оп. 2, ед. хр. 7. Борис Кисин. Из воспоминаний.
- ⁷⁷ РГАЛИ. № 78573. С. 5, 6. В автографах В. Кисина: РГАЛИ. Ф. 2255. Оп. 1. Ед. хр. 6, С. 35, 36; Ф. 2255. Оп. 1. Ед. хр. 7. С. 31 об., 32.

⁷⁸ РГАЛИ, 2255, 1, 3.

⁷⁹ Там же, 1,8, с. 60.

⁸⁰ НБ РИАМЗ, Р2Р К-44.

⁸¹ Р-portif.ru. А.О. Никитин. Судьба утопии: Рязанские государственные свободные художественные мастерские 1919-1920 гг.

⁸² ОР ГМИРЛ им. В.И. Даля. Ф. 277. Оп. 1. Ед. хр. 4. Рукописный альбом со стихами, посвящёнными Б.М. Кисину. Автографы авторов. Рязань – Москва. 1921-1925.

⁸³ РГАЛИ. Ф. 324. Оп. 1. Письмо С.Д. Яхонтова Т.Г. Мачтету. 9/1-34.

⁸⁴ РИАМЗ, НБ РИАМЗ, РОХМ им. И.П. Пожалостина, НБ РОХМ, РОУНБ им. М. Горького, РГАЛИ, НИОР РГБ, ОР ГМИРЛ им. В.И. Даля, ГМЗЕ. «Вениамин Кисин, Борис Кисин. «Вербы весенняя весть» /авт. – сост. Г.П. Иванова. – Рязань: ИП Жуков В.Ю., 2017. – 140 с., фот.

⁸⁵ Там же. «Вениамин Кисин, Борис Кисин. «Я снова буду жить» /авт.-сост. Г.П. Иванова. – Рязань: ИП Жуков В.Ю., 2019. – 308 с., фот.

⁸⁶ www.history-guazan.ru. Сайт «История, культура и традиции Рязанского края». Галина Иванова. «Рязанский Дом искусств (31 августа 1919 – 22 июня 1921)».

Там же. Галина Иванова. «“Россия оживает” Пастернак у Кисина в Рязани».

⁸⁷ РГАЛИ, 1624, 3, 8; 2255, 2, 12; НБ РИАМЗ, Р2Р К-44.

⁸⁸ РИАМЗ. НА-2256. Письмо Б.М. Кисина зав. фондами музея Е.И. Егоровой. 28 июня 1966 г.

⁸⁹ ОР РГБ. Фонд 161, 8, 3. Дневник 1922 5 марта – 1922 20 апреля, с. 143.

⁹⁰ РГАЛИ, 1624, 3, 8.

⁹¹ РГБ. Литературные манифесты. «От символизма до «Октября». Сост. Н.А. Бродский и Н.П. Сидоров. «Новая Москва», 1924. Декларация люминистов, с. 227.

⁹² Там же, «Провозвестие люминизма», с. 227, 228.

⁹³ РИАМЗ, НА-2256; РГАЛИ, 2255, 2, 7. А. Беляков. «Далёкое прошлое».

⁹⁴ РГАЛИ, 2255, 2, 12. Борис Кисин. Примечания и комментарии к произведениям Вениамина Кисина.

⁹⁵ РГАЛИ, фонд 2255, оп. 1, ед. хр. 11. В. Кисин. «Провозвестие люминизма». 1921 г. Автограф.

⁹⁶ ОР ГМИРЛ им. В.И. Даля, фонд 277, оп. 1, д. 2. Кисин В.М., Майзельс Д., Рещиков Н. «Провозвестие люминизма». Манифест, г. Москва, 1921. Автограф В. Кисина. С. 5, 6, 8, 9.

⁹⁷ РГБ. Литературные манифесты. «От символизма до «Октября». Сост. Н.А. Бродский и Н.П. Сидоров. «Новая Москва», 1924, с. 231.

⁹⁸ РГАЛИ, 2255 В. Кисин и Б. Кисин, 1, 12. Примечания и комментарии Бориса Кисина к произведениям Вениамина Кисина.

⁹⁹ РГАЛИ, 2255, 1, 7, «Звёздные ресницы» П тетр., с. 47; 1, 8. «Белое пламя». 2-я книга стихов. 1918-1922, с. 31.

¹⁰⁰ НБ РИАМЗ, Р2Р К-44. Вступительная статья Б. Кисина в сборнике: Вениамин Кисин. Собрание стихотворений. М.: 1923.

¹⁰¹ РГАЛИ, 2255, 2, 12. Борис Кисин. Примечания и комментарии к произведениям Вениамина Кисина.

¹⁰² РГАЛИ, 1624, 3, 8.

¹⁰³ ОР РГБ, 162, 8, 3, с. 160 об.

¹⁰⁴ Там же, с. 158 об., 159 об.

¹⁰⁵ НБ РОХМ, Воспоминания Н.С. Трошина. Материалы из архива художника. Хранитель архива – дочь художника Е.Н. Трошина.

¹⁰⁶ РГАЛИ, 2255, 1, 7. «Звёздные ресницы» 1 тетр., с. 1 об.

¹⁰⁷ РГАЛИ, 2255, 2, 15, с. 7. Стихотворения, не вошедшие в сборник 1923 года с примечаниями Б. Кисина.

¹⁰⁸ РГАЛИ, 2255, 2, 4. Б.М. Кисин. Стихи, которые не прочтут. Сб. стихотворений. Т. 1. Избранное. Машинопись и автографы 1923-1981.

¹⁰⁹ Слова из стихотворения В. Кисина «Шехерезада» НБ РИАМЗ, Р2Р К-44. Сегодня: Сборник стихов. – / Издание Рязанского отделения ВСП. – Рязань: Госиздат, 1921.

¹¹⁰ ОР ГМИРЛ им. В.И. Даля. Ф. 366. Оп. 1. Ед. хр. 3. Л. 46. Автограф Н. Кугушевой.

¹¹¹ РГАЛИ. Ф. 1624 Коллекция анкет и автобиографий. Оп. 3. Ед. хр. 8.

¹¹² РГБ. «Строфы века». Минск-Москва: 1997, 2 изд., с. 315.

¹¹³ Борис Пастернак. Стихотворения и поэмы. Екатеринбург: У-Фактория, 2008. Темы и вариации. С. 146.

¹¹⁴ РГАЛИ. Ф. 2255. Оп. 1. Ед. хр. 7. »Звёздные ресницы»; 1, 8. «Белое пламя».

¹¹⁵ РГАЛИ. Ф. 2255. Оп. 1. Ед. хр. 6. «Белое пламя».

Галина Иванова

P.S.: Все сокращения можно прочитать полностью в тексте книги. И все имена понятны по контексту – опечаток нет, более подробно читайте в энциклопедиях. (Это к вопросам об отсутствии Списка сокращений и Указателя имён).

Повторяющиеся названия сборников автографов в разных единицах хранения – это отдельные единицы хранения отдельных сборников.

«Плаха пульса»

Стихи опубликованные и
неопубликованные

Голгофа строф: Стихи. – / Издание Рязанского отделения Всероссийского Союза поэтов. – Рязань: Государственное издательство, 1920. – 28, [2] с. – Обложка работы художника Г. Тиходеева.

Вениамин Кисин («Новь», «Твоя алмазная корона...», «Васильки разбросала в смарагдовом поле...», «Отречение»), Наталья Кугушева, Дмитрий Майзельс, Владимир Круглов, Андрей Манаев. Яков Апушкин, Д. Туманный, Тарас Мачтет, Николай Хориков, З. Явиц.

Твоя алмазная корона в небесах,
И росен лик и плеч твоих нарциссы,
И реют сны на сомкнутых устах,
И синяя фата течёт из пряной выси.
Ещё луна колдует над тобой
И роет, злобясь, ёмкую могилу,
Но верен сердца опьянённый бой,
В ветвях запутался твой голос милый.
С горы река – в дрожащем серебре,
Известняка разбушевались глыбы, -
Уж прошуршит в таящейся
(в сборнике – невидимой) норе,
Плеснёт в стекле играющая рыба...
Старик, крестясь, кропит во тьму часы
У мирного погоста на площадке,
И рыбаки у дремлющей косы
Зажгли янтарь на душегубках шатких.

Коралловый корабль: Стихи. – /Рязанское отделение Всероссийского Союза поэтов. – Рязань: Государственное издательство, 1921. – 31, [1] с. – Обложка сработана в лаборатории живописи Трошина лаборантом **Борисом Кисиным**.

Иван Грузинов, Пимен Карпов, Лев Никулин, Яков Апушкин, Тарас Мачтет, Дмитрий Майзельс, **Вениамин Ки-**

син (Из цикла «Оловянный кирасир»), Николай Яковлев, Владимир Круглов, Иван Борисов («Беломорье» – моей улыбке **Вениамину Кисину**), Варвара Моница, Николай Рещиков («Писанка» - другу и брату **Вениамину Кисину**), **Борис Кевер** («Коронованная», «Берцовая флейта»), Наталья Кугушева, Борис Шихман, Дир Туманный.

Из цикла «Оловянный кирасир»

В сиреневом катафалке вечер рыжекудрый,
Меж киосков сусальных – картонный Парис.
Душа насурмлѐнная, тронутая слегка пряною пудрой,
Играет со счастьем в лотерею – аллегри...
В неестественном гриме, с позолоченными губами,
Одетый в рясу - бубновый валет,
Трогательный любовник в смешной мелодраме –
В кости, где рядом «нечет» – «чѐт».
Пальцами на виске, словно на клавесине.
Фарфоровых глаз шоколадный зрачок
В шёлк расшитый, алый и синий,
Последней ставки очко.
Только вывихнутые и хромоногие,
Эстетично изломанные в траурно-чѐрном трико –
На виске гвоздику дымную и огнебокую
И стебелѐк кровавый, со щеки извитой на платок.

2.

Сквозь крахмальную лысину тапѐра
Прыгает, клавиши скаля, рояль.
Попурри из развинченных опер
Уведѐт в золотые края.
Напряжѐнно изогнута на зел-плакате, –
Рыженогую, красноволосую тебя люблю.

Каждый цилиндр под клеточку платья.
В длинных ресницах зашпилен блуд.
Международное исчадье экрана.
Баядерка целлулоидных чудес.
На полотняное панно –
Ультрамарин с зеленью Поль Веронез.
В электрическом кек-уоке,
Меж пламенеющих афиш.
Каблуками, как Морзе, строки
Нецензурных вирш.
По фонарям и дождю стеклярус,
Пахнув картоном и клеем.
Губами, напечатанными в тысяче экземпляров,
Целуешь, проститутки злее.

3.

Коричневый авто с гортани фагота –
Спотыкаться о синеву витрин.
Плещешь в ледяном водопроводе
Волосами, охровый дельфин.
Электрический фонарь за юбкой вывески.
Лысиной на-ходу о золочёный башмак.
Туберкулёза бескровнее виски,
Губы – горящий мак.
Стой, столб! На дыбы ли лошадью?
Букинист – книги стаей голубей над лотком.
Ног механических медью
Русалка, по струнам, поёт натянутым током.

Киноварь: Сборник стихов. – / Издание Рязанского отделения Всероссийского Союза поэтов. – Рязань: Государственная типография, Государственное издательство, Рязанское губернское отделение, 1921. – 42, [2] с.

Вениамин Кисин («Люцифер», «Богоматерь», «Черничка», «Дюймовочка», «Це-и», «Дамаянти» Борису Пастернаку, «Сакья-Муни» Дмитрию Майзельсу), Борис Пастернак (6 стихотворений), Дмитрий Майзельс, Рюрик Ивнев (2 стихотворения), Тарас Мачтет, Наталья Кугушева, Яков Апушкин.

Люцифер

Змеей членистой вагоны.
Цепь покорных прощаний, утрат.
Через семафор на угольные склоны
Гармошка до утра.
На рельсы лиловое пламя –
Смолистых бровей лучи.
Алмазными крылами
Спираль на рдяной ночи
По рёбрам синих становий
Рук бугры (целовал ли кто),
Ветер никнущий, новый,
Червоннокудрый ликтор.
Икотой пьяной гармошка.
Кровавая капля – сигнал.
Чертя крылами мощно,
Опадая на снега.
Когда кондуктор фонарём кубическим
Обшарил белое лицо,
Вдруг стало ясно: спаян круг арктический,
Кольчатое кольцо.
Мутной ночи соты
В закрытое зарево погнутых сфер,
Костей углями, мускулов лохмотьями
Привет тебе, багрянородный Люцифер.

Тлея
В мёртвом бреду,
Руганью вскормленный двор.
Нынче ходи
Стали в моде,
Надо ходю полюбить.
Китайчоночка
Ребёночка
Хочет ходя получить.
Желтозубый, раскосый, картавящий Пекин,
Равнодушно-спокойный среди пенистых смен,
Где в густую толпу, у советской аптеки
С хлебной коркой торговец на лживый безмен.
О, дюймовочка! Тюльпанорожденная!
В суету, в толкотню, в беготню
Карманника уличённого –
Смертным боем к смертному дню.
О, дюймовочка! В мороз, голую,
Из паноптикума вместе с убийцами
Золотоволосую Лорелею
Провезли на ломовике, и восковую голову
Над каменными роговицами
Бросила в слепую аллею.
– Смерть мухам. – Бетон и железо.
В медном литом небосводе умирают колокола,
Тленные лозы
В ониксовых руках у тебя, сестра.

Сакья-Муни

Дмитрию Майзельсу

Башнями кедрa ночи яшмовый слон.
Искатели жемчуга, ловцы коралла,
Богомольцы, проковылявшие посолонь,
Земледельцы – пот на орала...

Баядеры! Антилопы ореховые,
Хризолитовых раковин моток,
Орхидей закатившихся эхо вы
В златоногий медвяный лоток.
Носорог чавкать в тину бубнами пят.
Колокольчики храмов! Груды персиковые!
Прокажённый хрипел у перламутровых балюстрад:
– О, царевич! И владыки горсть персти, вы как я...
В джунглях тонких ладоней ягуары кровинками мечутся,
Силуэты смятений на синей стене.
Пусть ржавеет в ножнах меч отца,
Областей самоцветы тускнеют – ни печали, ни грусти нет...
Баобабом мой род, корни – в саги драконьих селений,
Стовековые строфы, угли курений, дворцы.
На прадедовский панцырь печали сел иней,
Как на море китовом, персидские мне говорили купцы.
Пергаментнощёкий советник тщетно и длительно тщится.
Белее снегов Гималаев удивленная кожаца вогнутых щёк.
Волоокие бабочки, плясуньи мои, газели, легконогие мои
танцовщицы,
Размечите голоса плакальщиц ещё и ещё...
Смуглоглазые ирисы! Где лук, белый конь и охота?
Крокодил поцелует не к лотосам сосцов золочёных.
Костёр босого восхода –
Желтоглазая змейка в солнечноплавкое лоно.

Мандрагора: Стихи. – Рязань: рукописный сборник, 1921, «25 нумерованных экземпляров», «№ 9». (Весь текст сборника – рукопись **В. Кисина**, автографы: «Борис Кевер Вениамин Кисин», «обложка и рис. на стр. 7 **Бориса Кисина**, главная стр., рис. на стр. 13 и концовка – Георгия Туганова»).

Вениамин Кисин («С Цветного бульвара», «Кармэн»), **Борис Кевер** («Город», «Коронованная» А.И. Рязанцевой, «Базарная»).

С Цветного бульвара

Фабричные трубы заскорузлыми пальцами
Чёрное мясо – до крови, до крови...
Гарными искрами, дымными палицами
В шлаки вбивали сведённые сажею кровы.
Улицей узкою мчал маховик запыхавшийся –
Хрипы молекул, пронизанных бегом,
Запахов шин
Жирные пятна в небо.
Автомобили зубами разбитыми
Робкую радость – подснежник смеженный.
Где-то паноптикум зазывом разбитным
Клеопатру за рубль в жены.
Плакала, капая – капала плакать
С крыш шелушащихся щербатая капель.
В клетчатых брюках плакат:
«Папиросы “Габай”. Двадцать штук восемь копеек».
Ты ли под шляпой туманной, продажная,
В сердце оранжевый крик папиросы.
Дней отверженных хрипящая жнея,
Перепродажная, перекупленная,
Наглотавшаяся губ табачной росы.
Барами скрючена. Скрипок зигзаги.
Хрустящие кольца. Ресниц загиб.
Век наспанных лень.
Выпала дама бубновая, отчаянная
В краплёной площадями, разбухшей колоде –
С Цветного бульвара наянливая наяда
Стрелкой громовой в сводчатый колодец.

Калейдоскоп: Сборник стихотворений. Рязань: Рукопись № 1, 1921. – «Словопись – **Вениамин Кисин**, цветопись **Бориса Кисина**», с иллюстрациями **Б.М. Кисина**.

(«Калейдоскоп» так оформлен Борисом Кисиным, что даже буквы похожи на карусель. Так, может быть, «Карусель» – это рабочее название «Калейдоскопа»? Или Борис Кисин – как оформлял, так потом вспомнил?)

Вениамин Кисин («На бульваре», «Вечер», «Красный фонарь», «Биржа», «Вокзал», «Больница», «Гашиш»).

Вокзал

Т-у-у... паф-паф-паф...
Т-р-р-р...
без 5-ти восемь
Дзи-н-нь.
Рязань. Козлов. Лиски.
Какие бетонные обелиски
в синь.
О земь
облачных дыр
тропа.

Больница

Ноги – трамваем,
шестерой – руку,
под поезд – насмерть,
в небо – стереоскоп.
Молим и взываем:
Нам гроб
Не через такую муку
примерь.

Полишинель: «Журнал неперидический, издание декоративной мостерской». – Рязань: № 1, август 1921.

Стихи: **Вениамин Кисин** («Полишинель»), **Борис Кисин** («Завет лаборантам-трошинцам»), **Дмитрий Майзельс** («Рязань» Григорию Тиходееву).

Полишинель

Зелёная афиша на заплатках балагана,
Над куполом линиялый флаг.
В трико оранжевом цыганка Ганя,
Зрачки кофейные на шоколадный лак.
Скупец закапанного воском кипариса,
Картуз столетний на клоки седин,
В пальтишке, пахнувшем махоркой и анисом,
Зубами пробует алтын...
Атлет сквозь блёстки мускулов громаду
Тяжёлой медью гирь.
Тропическим смарагдом какаду.
Трапещий махаон. Девица нетопырь
Змея в стеклянном ящике лениво.
Предсмертный ужас беленьких мышей.
«Французские вафли». – «Тир счастливый»: – «Пожалуйте горячих щей».
Раёк лохматый – семечки, орехи...
Цветы платков. Горящий сарафан.
Мальчишки носом в узкую прореху.
Пузатый барабан.
На небе, размалёванном кармином,
В вечернем холоде печальна флейты трель.
Хо-хо... ха-ха... с лукавой миной –
Над вывеской «Полишинель».

Сегодня: Сборник стихов. – / Издание Рязанского отделения Всероссийского Союза поэтов. – Рязань: Государственное издательство, 1921. – 34 с. – Обложку рисовал и гравировал художник Г. Тиходеев.

Борис Кевер («Апокалипсис»), **Вениамин Кисин** («Похоронный марш», «Вальтасаров пир», «Шехерезада», «Золотой петушок», «Дева-обида», «**Степан Разин**» **А. Малкесу**), Наталья Кугушева, Александр Мареев, Тарас Мачтет, Сергей Оленин, Сергей Спасский, Николай Спасский, Зальман Явиц, Николай Яковлев. Обложку рисовал и гравировал художник Г. Тиходеев.

Степан Разин

А. Малкесу

Волга, Волга, родная поилица,
По утёсам и плёсам набат.
Вольной воле пожарищем вылиться,
Буйной доле - восстаньем раба.
Гей, Самара, Саратов и Астрахань,
Князь – опричник, бояре, купцы.
Вспомнишь Каспий: бухарскому хану
Струги-птицы казацкое «цып!».
По усадьбам в атаги бродячие:
Черемис, и мордвин, и калмык.
Не приснился ярыге подьячему
Ко кремлю подкатившийся зык.
Истязателю, бабнику барину
Стон холопа, рабыни слеза
Обернулись багровым тугариным,
Перекладиною под небеса...
Куполам не молебны да ладаны,
Крылья в облако – красный петух.
Разгадай, что Степаном загадано,
Расхлебай, воевода, беду.

Из железа, огнём закалённого,
Крепкокованный наш атаман, –
За униженного, за клеймённого
Голытьбу подымает Степан.
Убояться ли дыбы и мучения,
Чёрной плахи, кнута, топора,
Если Волги широкой течение
Вопли катит с утра до утра.
Если сердце, как Волга, вспененное,
Каждый стон, словно тяжкий алмаз,
Схоронило раба угнетённого
И зажгло понизовщину глаз.
Если руки расплатой натужены
И по жилам червонная кровь,
Если соколом месть по разлужинам,
И степями зовёт за бугром.
Рви, палач, это тело могутное,
Четвертуй, – только кости хрустят.
Вспомнишь, вспомнишь ты, Русь непробудная,
Заревой Стеньки Разина стяг.
Атаман! Она вспомнила, вырыла
Из кургана зарытый завет, –
Над твоей чародейной могилою
Разгорается утренний свет.
Всё, что снилось в застенке под пыткой,
Где глумился, злорадствуя, кат,
Зори пальцами гневными выткали
Ослепительней во сто крат.
Скосит серп, что истлело и казни дань,
Выбьет молот гранитную новь.
Мать споет о Степане Разине,
В колыбели качая сынов.

Плетень: Сборник стихов. – /Издание Рязанского отделения Всероссийского Союза поэтов. – Петровск Саратовской губ.: Книгоиздательство «Плетень», Типография Петровета, 1922. — Обложка, рисунки, заставки, виньетки и концовки художника А.А. Баранова.

Наталья Кугушева, **В. Кисин** («Сотню бесов удержи-ка на проволоке!», «**Цыганка**»), Дм. Кузнецов, Н. Минаев, Дм. Майзельс, Тарас Мачтет, Иван Рукавишников, Ник. Спасский, Дм. Самсон, Н. Хориков, Мирра Щетинина, Дм. Александрович. Г.А. Мачтет (из архива).

Цыганка

Т.И.

В платье маковом ломкая Таня,
Звон запястий, колец и серег.
Побледнели рубины в тумане,
Искривился зазубренный рог.
Все больнее, хмельнее и резче
Жёлтым пламенем бьётся печаль,
И крылом через смуглые плечи
Размахнулась зелёная шаль.
Что не мне эти медные руки
Осыпают горячую пыль,
Не ко мне у степной у излуки
Задымится слеза на ковыль.
Не с тобой мне медвяные росы,
Не с тобой окроплённая рожь
Смоляные тяжёлые косы
Ты не мне, ты не мне расплетёшь.
И в монетах, огнях и монистах
Синей дымкой костра за курган,
Где коней, смуглотел и неистов,
У кибиток стреножил цыган.

Что на ласточек крыльях, всё выше,
За моря, в переливной пыли
Лишь шурша в наплывающей тиши
Вскосится туман от земли.
Догорай в помутневшем румянце,
Буйной страсти цыганская нить.
Пусть, клонясь опадающим танцем,
Нежеланная жизнь дозвенит.

Москва

Из недр земли: Стихи и проза. – /Рязанское отделение Всероссийского Союза поэтов. – Рязань: Государственное издательство – Рязанское губернское издательство, 1922.

1 Стихи. Сергей Городецкий, Иван Белоусов, Иван Касаткин.

Пролетарские поэты. Московская группа «Кузница»: В. Александровский, С. Обрадович, Е. Нечаев, Андрей Манаев. Крестьянские поэты: М. Праскурин, Н. Власов-Окский, Ф. Дёмин, М. Дудоров, Ник. Волков. Поэты-имажинисты: Александр Кусиков, Иван Борисов, Сергей Оленин. Поэты-люминисты: **Вениамин Кисин («Предбанник»)**, Н. Кугушева. Поэты панреалисты: Дмитрий Самсон. Поэты вне групп: Сергей Чёрный, А. Бедовый, Н. Захар-Менский, **Борис Кевер («Россия», «Бегунец»)**, В. Круглов, Сергей Спасский, Николай Спасский, Г. Семин, Ив. Синяков, Анат. Шишко, З. Явиц, Ник. Яковлев, Вл. Юренев, Павел Радимов.

II Проза. С. Лягин, Мих. Волков, Ив. Солнцев, М. Сарычева, **В. Кисин (статья «Октябрь в отражениях современной литературы»)**, А.Ф. Павлов, Сергей Меркулов.

«Предбанник», сверенный в РГАЛИ. Ф. 2255. Оп. 1. Ед. хр. 13 по рукописи, по автографу В. Кисина:

Вениамин Кисин
Предбанник
(Искус)

М.Г. Когану, пестуну, учителю и другу.

«Нам вот всё представляется вечность
как идея, которую понять нельзя.
Что-то огромное-огромное? И вдруг
вместо этого представьте себе, будет там
одна комната, этак в роде деревенской
бани, закоптелая, а по всем
углам пауки, и вот и вся вечность».
Ф. Достоевский. «Преступление и наказание».
«На фонаре пауком теплеть».
В. Кисин «Великий Инквизитор»

1

Взлопушенная поросль мги. –
Мухи, шмели, букашки, –
По комьям взрыхлённой зги
Паук в серой рубашке.
И серой рубашкой мга.
Рёбер бескостная мякоть.
Членики в петли слагать
И в лопухах баюкать.
Черви источат сруб,
Мозг в скорлупе ореха.
Паук на смятую грудь –
В мглу взлопушенную ехать.
Студень зелёных глаз,
Студень паучьего тела,
Крест на спине. И лаз
Ножек пружинных и целых.

Студень молочных глаз,
Топь бесцветных глаз,
Деревянная пила
По ореховой скорлупе до мозга.

2

Снят сарафан. Дрожит под рубашкой
Берестяная грудь.
Мухи, шмели, букашки.
Лопухи под окном – (за банный ставень окно) –
по бугру.

Мочалка лошадых волос
По плечам, купает соски
По спине Велес –
Рыжего ворса нарезки.
Выпирать катыши дублёных рук.
К кистям мохноногие тропы.
Студнеглазый паук
В углу, в паутинную пыль.
Выгиб широкого таза
Спаян с тяжёлым бедром.
Чрез сальные складки в нутро
Дымчатые топазы.
Красным по серо-рыжему.
Дымчатым по красному.
А глаза – как у ведьмы!
– Чур меня! Чур меня! – Кишь... Кишь... – ему.
Не пуцу на красное красного
Бескостное тело тьмы.

Урядник в бричке мимо Оки –
Красный, рыжемордый, грузный.
Дуборубленные плотовщики.
Барок рулехвостые гузна.
В селе Забелине
Осыпанный мукою купец
Дорогого гостя водочкой –
Икра, балычок, блины
(Завтра прижмет скупей)
И ладони лодочкой...
Икон замаслились лики,
Как посовелые, ввечеру,
Закупали в наливке
Греховодную сестру.
Прочь сарафан. Руки белые.
Груди рук белей.
Поите, плечики дебелие,
Святоотческих кобелей.
– «Эх, жги, говори, говори...
Чёрен день. Ночь бела.
Я у матушки жила.
Милой доченькой была».
– «Белая лебедушка,
Пропащая сестра,
Веселись головушка
От ночи до утра»...
В лопухах и крапиве шелест,
За окошком бражная ночь.
Раскрывай, оголяйся, прелесть.
Лей, купец, огневое вино.
– «Вешала матушка крестик на шею.
Благословенье сняла со стены»...
– Пей, несговорная, пей веселее.
Грузной урядник снимает штаны.

а.

Богородица Акулина!
Кровь твою пречистую пить,
Что струится из лона твоего искусанного.
Острым ножом
Со Христом соединяемся,
Острою болью
С Женихом совокупаемся.
Сам Он Кормчим
На корабле нашем,
Сам правит его
Через бури житейские...
Богородица Акулина!
Поцелуями усмирит Он боль твою,
Перст нетленный вложит в раны твои –
Из груди, во славу Его зарезанных –
Белые ангелы.

в.

Не бойся, не плачь, девушка!
С кровью истечёт блуд твой,
Свят Дух поселится в утробе
твоей.
Чёрный змей шипит в животе твоём –
Отруби ему голову.
Не бойся, не плачь, девушка!
Белая одежда – чистота твоя.
Белые ноги – лепота твоя.
Свят, свят, свят
Господь Саваоф,
Исполнися земля и небо
Славы Его.

5

Расшелестелся серый, лупоглазый.
 Пружины лапок в паутине бег.
 Ой, матушка... Ой, больно. – Сразу
 В тавлинку чёрную к тебе.
 И кровь, и боль, и бред.
 В кровавом паре, растопырясь, шайки
 К лешачьим веникам намыленный живот.
 И цепких лапок хоровод,
 Прилипчивые спайки.

6

Иконописный, восковой вдовец.
 Дома – палаты. Царские хоромы.
 Молитвенник и жертвователь в храмы.
 Примет благостный венец.
 Прозрачная. И только на лице
 Цветут уста на белом полотне,
 И только сини –
 – Лазоревые цветики, о Мати, Мать Пустыня –
 Ночь девичья в огне
 В светлице.
 В плаче венчальных свечей
 Синеглазую птицу
 На ложе греховных ночей.
 И старческим пальцам костлявым,
 Лапам паучьим холодным,
 По груди, по бёдрам, по чаше даров.
 Шёпотом шепелявым
 К лону бесплодному
 В иконами подавившееся утро.

Ещё не шевелится в чреве.
 Ещё зародыш менее булавочной головки.
 На трепетной осине, грешном дереве
 Листки Иудины бесовской ковки.
 Завоет в ночь по листьям ветер.
 По крышам завалившимся аукаться.
 Детоубийц в дождливый бредень,
 На перекрёсток у часовни маяться.
 Телом голым за сучья цепляя,
 Волосы густы и спутаны,
 Ноги изранены...
 Ещё не шевелится в чреве.
 Ещё детеныш меньше слезинки... -
 Глаза ресницами окутаны.
 То завывая, то на месяц лая
 Глаза изранены.
 Кустом, ломающим ладони на обрыве,
 Сплетающим венки.

Был братец маленький.
 Спроси траву в овраге.
 Срежь веточку – она споёт тебе.
 Там цветик аленький
 Трепещет в страхе
 На горестной русалочьей тропе.
 Кровь под ножом из горла братнего –
 Брусника, волчьи ягоды, кораллы –
 В слезах росы трепещет цветик алый –
 Нет к матушке пути обратного.
 Сёстры меня сгубили,
 Сёстры меня убили...

Зелёным волосом русалка к бугорку –
И ветер по осине плачь дождя –
Горит багровыми огнями чёрный куст –
.....
«Ой, дудочка, играй, играй.
Не упади мое сердечко на край.
Меня сёстры сгубили:
В лес по ягоды водили.
Во тёмном лесу убили»...
С тоскливым воем вокруг садятся волки,
Там цветик беленький и цветик аленький –
У чёрно-синей ёлки
Закопан братец маленький.

9

Шла девка из города.
Тьма. Бурелом.
Бродяги и дикие волки.
От пламенного сгорая голода,
За сонным селом –
Травы, как иголки, колки –
Девичьим телом насытись,
Бросил с распоротым животом,
Осенился крестом
И дальше – полугарный витязь...
Слетались вороны.
И первый сказал:
– Выключем ей глаза.
И второй сказал:
– Сердце возьму на небеса.
И третий сказал:
– На небе такая же окровавленная роса...
Мужичонко на сивке ехал.
На сивке, под сивухой.

– Экий напакостил хахаль.
– Надоело мне спать со старухой.
Дай девичьего тела,
Дай девичьего мяса.
У тёмной ели.
У чёрного часа.

10

В бане темно, мутно.
Навалился сумрак на грудь.
Пляшут веники с распутными шайками.
– Господи Иисусе! Трудно.
Паук в живот, как в нору,
Лапчатыми свёрлами – спайками.
По белым ногам паутину,
По белым рукам петли,
Во чрево череп тянуть –
И не кричат петели...

11-12

.....
.....

13

Пред окладом схимник в пещере лбом стучался.
Вериги в сто пуд, во гробе опал.
Питался травой и кореньями.
Во грехах целонощно каялся,
Звёзды скрёб, как оспу,
Ночными бденьями.
Услыхал – всхлипнул братец,
Звякнул нож в траву,
Во сне ль, наяву,

101

Детоубийца колесом катится,
Алый цветок на животе, –
На святом животворящем кресте
Окровавленные пальца убийцы.
Снял схиму –
– Столетний, седой –
Пошёл к осине
И удавился.
Выклевали очи подвижника птицы,
Лето и зиму,
В холод и зной,
Болтался там в вышине.
И ветер над ним глумился.

Вениамин Кисин».

Россия

Захлебнулось разгульное сердце
Бурым пенистым мёдом тоски.
В расписные узорные сенцы
Головой о тесовы мостки.
Пред иконой смиренному Спасу:
Свете тихий, Исусе Христе.
У горбатой проклятой осины
Кровь купца на разбойный кистень.
Конопляными зёрнами вкусными
Накормить снегирей и щеглят,
О земь девицу за косу русую,
Тело белое – коршуном рвать.
Ой ты Русь, правоверная, смиренная!
Робких жён на аркане баскак...
Судит суд, наказует и милует
Дьяк, урядник, помещик, кулак.

Выпьет засуха рожь на полоски,
Красный кочет взлетит над селом –
Чернозёмный, обветренный лоб – скиф
Величавым мужицким крестом.
По осенней размытой дороге
Не видать переходных калик...
Под гнилым, обветшалым порогом
Кладенец заповедный Ильи.
Кротким схимником в стареньком ските,
Хмурым катом на смертный помост.
Ветер, ветер болотную выпью
По межам на пустынный погост.

«Новый мир». 1922, № 1.

Вениамин Кисин («Франции», «Сапожник»)

Франции

Пурпуровой парчой обрызганные дни
Ты, краснокудрая, забыла:
Как, падая в крови на камни у стены,
Знамёна трепетали, словно крылья.
Ты помнишь ли, о Франция? – ты спишь
На золочёном ложе в мутной неге.
Вдыхая аромат, порок и тишь
Белёной кожей холоднее снега.
Два синие кольца – две синие змеи –
Вкруг глаз, очерченных похмельем ядовитым,
Кровь губ накрашенных; закрашены твои
Запятнанные ласками ланиты...
Из мраморных палат – забывшая – внемли,
Сквозь рокот музыки и пьяный звон бокала:

В цинге и голоде из северной земли
Заря багряная возмездия взалкала.
Вот руки бледные и тощие сосцы
Через крыши голые и голые стропила –
Во все края земли, земле во все концы
Я кровью трисвятой полночь окропила...
Четыре года я бесчисленных детей,
Стенанья затая, безмолвно отдавала, –
Внемли, о Франция, в чаду слепых огней,
В зазывной полутьме хмельного карнавала...
О вспомни: в эти дни на этих площадях
Твои сыны легли, и кровь лилась ручьями,
Не ты ль на бешеных скакала лошадях
Над распрямлёнными плечами?
О, вспомни! были дни и были ночи вновь,
Объятые последним дерзновеньем,
Когда любовь в крови, в любви кровавой кровь,
И пули, воткнутые в стены...
Из дальних деревень, с широкоглавных рек,
С хребтов, облепленных дремучею хвоею,
Голодная, я кличу на заре:
– Восстань, сестра, к решительному бою!

Старая Русь

Сапожник

Пьян, как сапожник... Ругается, как сапожник...
А если разобраться, то кто же не ругается и не пьян...
Ведь этак на свете жить невозможно,
Если мальчишки налипнут хуже репья:
«Рябой шпандырь» да «рябой шпандырь»,
«Сивушная дратва», «пьяное шило», –
От этакой паршивой команды
Средство одно – подзатылок...

Торговец пирожками с требухой собачьей
(У него же покупатель – в запое горечь заест)
И тот чего-то пустил вслед давеча,
Окаянная бестия...
В худых опорках, на босу ногу,
(Мороз зубастый, дело под Рождество)
Вдоль заборов убогих
Сапожник Иван Парамоныч, его всепьянейшее
величество.

«Слава в Вышних Богу и на земле мир
И в человецех благоволение» –
Вчера до полусмерти жену избил
Колодками и поленьем...
На мороз раздетую. Пьяным весело.
Распьяным горько, а кто виноват?
Так бы вот назло и повесился
Под образами, Христу под взгляд,
На вот, смотри, распробоженька,
Из-под сияющего венца,
Как Парамоныч зелёною шелупится кожей
От полыни – не от винца.
Пес шелудивый воет,
Кричит ребёнок не зря.
Всё в страданьи живое, –
А сколько на свете тварья...
Горькое с детства самого мыкать
И копить прогорклое зло...
Хорошо, когда не вяжешь лыка, –
Распьяным горько-весело.
Зелёному змию подать –
Чёрт он – зелёный змий.
И свет не Божий – чёрта Ирода.
Здорово змий подкузьмил.
Кузьме Иванычу унтеру
(В медалях медалянский пёс)

Нос пять утра,
Выкуси, на-ко-сь...
На чёрта мне твои медали,
Чёрта ли, что за выслугу лет.
И не таких видали
На своём веку кобелей.
Бывало, стена на стену
В кулачном бою на льду...
Самых с ног здоровенных –
«Федул, что губы надул?».
– «Иван Татьянач,
Снимай штаны на ночь,
А как придёт день –
Опять надень».
Снежки в картузишко рваный.
Комки в налитые глаза.
А вон и сам военный
Крючок, квартала краса...
И для Рождества пресветлого Христова –
Избитый, окровавленный, в съезжей на заплёванный пол.
Колокола перегудом рожденье перворождённого слова,
Серебром окованный глагол
Через поля, через проруби, через сугробы.
В одиночество весной, волку в метельный нанос,
Через чёрные чарусы злобы
Рождественское: родился Христос!
И дежурному на каланче облезлой,
И приставу над кляузной грудой бумаг –
Не то озарённые ясли, не то с похмелья, не то просто так...
И Парамонычу во сне тяжелом
Зрится и видится: позапрошлый год о пору сию
Дочку свою, младенчика девичья пола,
Ненароком зашиб, с пьяных глаз, Марусю.
И откуда-то из черным чёрного.

Где свивается, как червяк, зелёный змей,
И крылья его темнее крыльев ворона –
И ветры заупокоем к зиме, –
Оттуда – ручки тянутся,
Лепеток – лепесток – шёпоток –
Ему, пропащему пьянице,
На ёлочке алый цветок...
И Христосик, цветик беленький,
И аленький на ладошках (жидами распяты жидок).
И такой вот, махонький-маленький
Сорванный ноготок...
Вывихнуты ножки-ручки
И выколоты лампы глаза –
Марусеньке, милой дочке,
Кровь глазыньки заволокла...
И с отчаяньем Искарюта Иуды,
С блевотиной разбойника, рыгающего на кресте –
Грязные, корявые пальцы – к чуду –
К чуду матерщина, стон и стень...
Лучик, ключи в полночь.
В звяканье – оранжевый кант.
«Для праздника марш, сволочь!..»
Запах водки и табака.
...Объявился новый радетель
В Михаила Архангела православном союзе.
Хоругвеносец ненависти в сораспятия бреде,
С глазами, завязанными в мёртвый узел.
Преосвященному Агафангелу –
«Покайтесь, православные: предречённая Иоанном
тайна близка...» –
Другого такого архангела
Днем с огнём не сыскать.

Багряница: Стихи. – Рязань: Рязанская Государственная типография, Государственное издательство – Рязанское губернское отделение, 1922.

Стихи **Вениамина Кисина** («Россия», «Жар-Птица», «Византийская императрица», «Клеопатра», «Дешёвая», «Снегурочка» М. Малышевой, «Синее платье твоё – райская куца»...), «Кошницей ярых роз взошёл асфальт щербатый», «Преодолею земные препоны», ...», «Свеченье яхонтов свито в тугие косы...», «Тебе единой – заутреня тайная, ...», «Неизглаголаный» Волнами синими...», «Только серебряных крыл...», «Пусть придёт Он (о. пусть я не верю)...», «Кипарисовая» Т.А. Ивановой, «На бетон шоколадный белокрылая вестница...» Н. Иконникову, «Верный ветер верно веет...», «Акrostих» Верочке Марецкой, «Скопец ладони милующий...», «Красные голуби»). «В настоящий сборник не вошли стихи, напечатанные в сборниках «Голгофа строф», «Коралловый корабль», «Киноварь», «Плетень» и «Сегодня».

Жар-Птица

Ветер лютню лазурную трогает,
Осыпает с цветов жемчуга.
Богородицею убогою
В голубце наклонилась туга.
Над оврагами, тропами, чащами,
Над валежником смурых просек
Подымаешь, слезами звенящая,
Черноту нарисованных век.
Чешуйчатые шишки еловые –
Облюбованный лешим шелом.
Васильки через руку лиловую
Перекинула синим крылом.
По ночам, подо мшистой божницею,
Колыхалась, – лампы игра.

Обернулась багровою птицею,
Завеваешь пожарами грай.
Над часовенкой, срубленной малыми,
Над поклонами трудного лба
Запеваешь зарницами алыми,
Хороводишь – была не была.
Завела, закружила, замучила,
Обнимая, терзая, губя –
И целуешь, дикая, дремучая,
Искры крови на рваных губах.

Клеопатра

Марабу красноносый в опаловый пух.
Лиловые гиппопотамы.
На илистую Нила тропу
Медиокрылого диска зелёная гамма.
Пирамида горбатым хребтом,
Острой тенью хребта до горячей пустыни –
Утром с кувшинами, овяны росным трепетом,
Девушки смуглосиние.
Распустились папирусовые паруса.
Вёсла мерно с галеры рядами.
Хвост павлиний над глыбами ярусов,
Вечер - цветными прядями.
Звякнет копьё о дремучий щит.
Всколет ресниц сонью музыка.
По чёрному телу ночи
Костёр плащом языка.
Рабы, клеймёные пчёлы,
Доедая чёрствый кусок,
Ловят эхо весёлое,
Цепями звеня о песок.
Цветы, изойдя ароматом,
Густой и смертельный пот в самуме.

Из золочёных палат
Возвращаются только мумии.
Раба и военачальника,
Морехода, жреца, палача
К Озирису печальнику
У коричневого причал плеча.
Сегодня ласкать гладиатора,
В поцелуях смерть тая,
Слышишь ли ты, Клеопатра,
Как шипит у соска змея?..

Дешёвая

Завихрись, бубенец одичалый
Над колосьев рыжей кошмой...
Проскачи по зарнице алой,
Можжевельника мрачную роскошь омой...
Прокалённая раскось татарская,
Завернись-ка в бренчанье монист.
Фонари лупоглазые – «Кино – Арс».
Кожаный автомобилист –
Сквозь руно воронёное брошен
Ятаганов свячёных Кораны...
На припудренной шее брошь
Бриллиантов Тет ‘а раны,
Кружева над чулком похотливые,
Под бровями дурман атропина...
Помнишь, через осоку, у залива,
Дикие утки проковыляли, прогоготали тропины...
Помнишь, журавли курлыкали,
Степью кадил чебрец.
С неба сдирал прозрачные лыка
Закат тебе на венец.
Помнишь коней стреноженных,
Скрип деревянных колёс, –

Неужели одряхлевшей коже
Не снится шёпотный лес.
Утром, на подушках измятых,
Меж зубьями гребешков,
Не обжигает мята
Живота дешёвый шов?..
Я оплакал кочевья дымучие,
И костры, и зурну, и кибитки, –
О научи, научи
Уронить на тебя молитвенных слов слитки.

Снегурочка

М. Малышевой

Розовые руки в купол, в синий холод.
Голубые лилии на лиловый двор.
У крыльца озябшего, огнеметно-золот,
Складками иглистыми искристый убор.
К озеру тропинками, чрез сугробы низкие,
Через пни обмёрзшие, на алмазный склон, -
Колыхаться шубкою, рдеть и петть повязкою,
Белою повязкою в мёрзлое стекло.
Но к ночи, пурговая, потемневшей дымкою,
Пылью полю плоскому, пылью в полый дол.
За овраги скрытные мутной невидимкою,
Хлопистой позёмкою заметаться в даль.
Расшалиться вехами. У коняг лохматеньких
Грив игриво космами. В розвальни, в дугу.
Пенье пальцев пепельных. И под ель, в лог, на тени
Губы коченеющие вьюжной жаждой губ.
Теремами зорными – в заревое озеро.
В жемчуга холодные, в среброзвёздный снег.
Пряди буйнокрылые в знобный иней бросила,
Льдистыми, неистовая, пела о весне.

Синее платье твоё – райская куща,
Щёк узорный румянец первых: «Да будет» – загар,
Плод безосенних ветвей – родинка, мягко цветущая,
Губ лепестки – листьев познания кимвал.
Где ты коснулась ногами – там зацветают азалии,
Тысячелистник лекарственный зонтики мерно качает.
Что мне глаза беспечальные, что твои брови сказали,
Только лишь сердце немотное, тайны хранящее, знает.
Плещут ручки многозвучные между цветов озарённых,
Ангелы радужнокрылые машут крылами, как лебеди,
Вынесла чашечку роза багрово из каждого стона.
«Радуйся, Присноблаженная!» –
всплыло в русалочьей заводи.
Синее платье твоё – радость небес безглагольных,
Лилии пальцев твоих вешней росой полны,
Глаз воспалённых ладонь касается –
и больше не больно,
Женщина – мудрый папирус века поглотившего Нила.

Кошницей ярых роз взошел асфальт щербатый...
Тюльпан небес – кукушка дедовских часов,
И снял закат тоскою погнутые латы,
И вечер свой приход благословить готов.
Корабль земли – на якоре упорном,
И паруса небес надул коварный сон,
Но лопаются дней зарытых зёрна,
Первинки сладкие рождает горький стон.
Ещё не истекли пропятаые минуты,
И мозг, тоской окуранный, не вспух.
Зардеет миг, и вот сквозь пламень лютый
Уловит твой приход неутолимый дух.

Преодолею земные препоны,
Муки, и слезы, и скорби, и боль,
В гимн обращу пересохшие стоны,
И вознесу их неволь.
Мясо палит мне огонь неугасный,
Тело на крючьях, из кожи – ремни,
Но не обманчиво, но не напрасно
Трубные звуки вклинились в огни.
Вырваны очи. Слепец, спотыкаясь,
Ищет к обители райской дорог,
Но благовестный, к язвинам касаясь,
Солнечным таяньем хрустнул ледок.
Будет весна. Будет луг озарённый.
Ты над цветком, как цветок, расцветёшь.
Радуга будет и свод вознесённый,
Будет восторгов неизвестных дрожь.

Свеченье яхонтов свито в тугие косы,
Сон синих глаз – сапфирный водоём,
На зорях стон – кропленье тайны, росы,
Цветут ладони розовеющим теплом.
Ты в скромном синем платье мне предстала,
Скрываясь, незаметная, жила,
Но я узнал – и тело просияло,
И плоть твою молитва обожгла.
Тебя до смерти славить не устану,
Когда безмолвье сердце рассечёт –
Ты дашь отраду зачерпнуть устами?
Завеешь ландышем тускнеющий отход?

Тебе единой заутреня тайная,
Синие сени зацветшего ладана.
Утро жемчужное воркует на куполе,
Всё неразгаданное сердцем угадано.
Розы пылают необычайные,
Снежные лилии в пламя накапали,
Сонные стебли раскрыли кадилъницы,
Бледные радуги алмазами выпали.
Росные стебли клонятся ниц:
Утренний клир – тебе единой,
Тебе единой – ладан синий,
Утро жемчужное воркует в куполе.

Только серебряных крыл
Клирос ликующий просит.
Месяц медовый покрыл
Аквамарином лиловые розы.
Переломило окно
Сумрак янтарною раной –
Если мне так суждено,
Ласковая, будь мне охраной.
Искросиянная пыль,
Шорохом шитые ткани,
Парус сапфировый - не Ты ль
В синем плывёшь океане.
И с голубого весла
(Слезы ли, слезы закапали!)
Грустью хмельной весела,
Чертишь алмазные капли.
Только серебряных крыл
Взмахов тоски лебединой,
В мутносиянную пыль
Плыть к неживой и единой...

По крышам, а там по притолокам,
По ветвям оголённых берёз
Выпускала белых соколов
На багровые россыпи роз.
Чего же, чего ещё надо мне –
На колени в снег до утра,
Чтобы в метелистом ладане
Синеглазка в огонь, и огонь догорал,
Что плясунья, кануны свячёные
И тоску кипарисовых рук,
Разметала косами чёрными
На ослепительно синем ветру.
Но щеками снежистее инея
И губами бледнее щеки,
Вишнёвая, над звёздной пустынею,
И на пальцах цвели огоньки.

Н. Иконникову

На бетон шоколадный белокрылая вестница:

Где ты? – Куда ты? – Зачем я один?
Углами красная лестница,
Шаткий шорох облачных льдин.
Лгут вечера на горячей панели:
Чёрные маки взошедших обид
В сумрачном звоне, на стынущем теле,
В лоне, где радость спит...
Белокрылая вестница! День иссякает,
Ночь под забором, но медлит мрак.
Где ты? – Куда ты? – На облачном крае
Родинка перламутра не твой ли знак?
Лёгкой лилеей лелеет, лазурная.
Вот она, вот она – теплит свет.
Разве розы под косой не пурпурны,
Тленья бледнеет мускулистая ветвь?

Верный ветер верно веет.

Верному ветру – серебряный веер,
Недосказано в древнем Завете,
Стану – щёки ещё розовее
На морозе. Висок, где жилки
Синий выплеск – белому полю,
Пьёт и плещет льдистые чётки,
Как гагара северный полюс.
Хрусткий наст под ногой не гнётся.
Не вспорхнёт воробьиная стая.
В колких сучьях галочки гнёзда,
По сугробам идет – Святая.

Скопец ладони милующий

Богописной прозрачной Марии,
Пред окладом: милую, щит,
Венчик розовый за море или?
По стеблям свечей восковых
Облака голубого ладана...
Словно вытоптал воз ковыль,
Под обрывом зелёная Лада нега.
Тёмных ликов глаза немы.
И над церковкой голубь воркует ли?
В царство Божие – нет, не мы,
Чернокровные и утлые.

Красные голуби

Конь блед с багровых гнойников полей
В дворцы из ясписа и хризолита.
Черней смолы река – и черепа огней
В смолу реки дворцы и монолиты.

Гадалка-ночь над телом танцовщиц –
На бёдер шёлк и шёлк волос алмазных,
На факелы, распластанные ниц
Над плахами неотстонавшей казни...
Над подземельем, где в цепях табун
(Клещи, и вар, и гвозди, и колеса!).
Но скрип арбы, но в звёздных рунах гунн,
Но над арбой зарничная завеса...
В рогах быков и в рог смертельных сеч
Судьба в косматых сыромятных шкурах, -
Речные камешки у женщины в косе,
И низок лоб, обветренный и бурый...
До горизонта гулкий караван
И бледен золотой телохранитель,
И вытоптала жёлтая трава
Пятами орд на стенную обитель.
Где в улицах пятнистая чума –
По рынкам, переулкам и базарам –
В хороммах – тел золотокожий мрак
Сквозь золотые арфы чар и арий...
Гадалка ночь: ковры – колоды карт –
Над ликом венценосца бич ременный,
И с эшафотов над шпилями карк,
На купола и на фронтоны надменные...
Скрипят арбы. Все туже, туже круг.
Дыханий пар. И топот пят по травам,
Как ожерелья заломленных рук
Иль губ змея в коралловой оправе.
...Раденье кораблём, раденье стенкою, раденье на
крестик, раденье на кругу...
Красные голуби! воистину, воистину!..
Месяц малиновозвонную дугу –
– сквозь мутную мгу –
– гунную згу –
Красные голуби, ей же – ну...

Вениамин Кисин. Собрание стихотворений. – Москва: Издательство Всероссийского союза поэтов, 1923. – Вступительная статья и комментарии **Бориса Кисина.** Обложка и рисунки – Г.М. Тиходеев.

Избранные стихи, неопубликованные ранее, из рукописных сборников, автографов Вениамина Кисина «Звёздные ресницы», «Белена» – «Плаха Пульса», «Белое пламя», «Асфальтовая месса», «Отшельник», «Смерть в виссоне», «Рязань на Яру» и опубликованные – из коллективных сборников и из сборника стихов Вениамина Кисина «Багряница».

Д. Майзельсу

Надломленные стебли грустных рук

Хотел бы я согреть устами,
Но так же лязгает над нами
Суставами стальными круг.
Плывут всё так же облака,
Сцепясь изрытыми боками,
И сеют между облаками
Заупокойные снега.
Ползёт слепая синева,
Влача рассветы и закаты,
И так же в синеву подъята
Дней каменная голова.

Февр. 1920

**Лягушки считают минуты, как чистое золото,
Светляк по ветвям – бриллианты живые.
Чуть падает жёлудь, избытка зачатся
отколотый,
И звёзды – со дна лепестки голубые.**

Цветы, разомлев, завели хоровод.
О глупый! Ты плачешь, что жизнь иссякает,
Что сердце любить устаёт, –
Зарницы, зарницы играют!..

Сад мой, сад. Зацветайте, яблони,
Оснежайся, вишневый цвет.
Проступай, из напившейся заболони
Янтарями смолистый мед.
Заплетайтесь, звёзды меж листьями.
Запевайте звончей, соловьи.
Проплывут кругами лучистыми
Лепестки по закатной крови.
Сколочу шалаш огородничий
И, спокоен, незлобен и мудр,
Стану вместе с цветами

полдничать

И встречать омовенье утр.
В междузорье тропинкой росистою
Синий дым над полями - псалмы,
И всю ночь на коленях выстою,
Чтоб трава прошептала: «Аминь».
Целовать буду землю простёртую,
Погружённую в лунный свет.
А умру – на ресницы мёртвые
Порошить сладкоснежный цвет.

3.ХП-20 5?

Жеребёнок с отметинкой белой
На упрямо-доверчивом лбу.
Золотые соломинки пели
И навоз, разогретый и бурый.

Сладко утром встревожить молчанье
Звонким зовом растущей груди
И слышать ответное ржанье,
Мирный звон материнских удил.
И копытцами двор незнакомый
От конца до конца пробежать,
Ущипнуть стебелёк лакомый,
Потоптать изумрудную гать.
Но повеяли ветры иные -
Резкий бич, грубый окрик, узда.
Лишь овсинки луна золотые
Бросит в кормушку невзначай иногда.
Должен быть там, на небе пустынном
Кто-нибудь, кто б услышал мольбу
Жеребёнка со звёздочкой чинной
На упрямом, с отметинкой лбу.

6 авг. 1920

О, Россия!

Мне ли, поэту,
Не венчать твой израненный лик!
От 1917-го лета
В огни твои дни пролетели.
Сердцу отдельно ли биться
От миллионов сердец.
Трепетной птице,
Радужной птице
Браги багровой напиться,
В заревах видеть венец.
Чёрною ночью приникну:
Север, и Юг, и Восток
Под краснотканную скинию
Шорохом вспугнутых ног.

Птицей! Крылами и песней
Бей солнценосный простор.
Трубы пылающий вестник
Через океаны простёр.
На огнерукий костёр
Всходим без лестниц.

Памяти Жени

По серым стропилам улыбки кропила,
Зрачками омыла печаль.
По тяжким колоннам, по мёртвым ресницам,
Синеющих жилок вуаль.
По плитам, по лестницам хитро извитым
Взлетала, взбегала, жива и легка,
И небо по розовопенным ланитам,
И в облачных змейках рука.
Но тяжко дрожание стоп непреклонных,
Железная поступь – судьба.
Лишь только глаза затворили ладонью,
Как уголь густою – мертва, нежива.
Вратарь ли суровый с ключами златыми
По белым подвалам твой запер восторг,
Иль лёгкою дымкой святят херувимы,
Кропят серафимы бескрайний простор?
Берёзки трепещут. Снежинки всё так же
Звездами закапали чёрную грудь.
Мелькнувшая мне в чернодневьи однажды
Стихами – цветами осыпана будь.

26 июля 1920 г.

А. Малкесу

Благоухание познания – ядовито,
У мудрости – окровавленный взгляд.
Чьи сны игольчатым крылом ея покрыты,
Тот не придет назад.
Померкнет солнце, капля жёлтой мути,
Как пятна чёрные пристынет звёздный клир,
И в поступи окоченевшей жути
Он не узнает помертвевший мир.
Ворвётся явь в его покой угрюмый,
Людских сует багровый хоровод.
Под сердца каменные шумы,
Как мир, он человека отметёт.
Узнает он, что всё, как сон, истает,
Любовь – косы слепящий вскрик,
Что подвиг – ложь, и жизни жизнь не стоит,
И тело – склеп, и узник в нём поник.
Возжаждет смерти он, кровавый стон глотая,
Устав немое пенье хоронить,
На скользком гребне ледяного края.
И вечный сон его – молчанье осенит.

11/11.20г

Рязань на Яру

Опубликовано в Сборнике стихотворений, сверено в Российском государственном архиве литературы и искусства. Ф. 2255. Оп.1. Ед. хр. 10 по автографу В. Кисина до 6 страницы

Где-нибудь в захолустной Рязани, на Соборной улице,
в неказистом домике возле театра.
На яру в тишине, облака старинные, звон колоколен,
нерушимая старь.
Ей.Ей. Возле театра. Через анонсы ковыляющей поступью
серые дни – только маятник в тихом
углу – тик-так-тик-так.
Дни. Месяцы. Годы.
Просопит самовар на бедном столе в полутопленной комнате,
чашки в улыбки
приживальщицы скромной –
тик-так-тик-так.
Зима. Весна. Лето.
На углу Соборной и Астраханской в братстве
Св. Василия – образа, хоругви, священные книги.
Тихой поступью вечер по слепому окну.
Тик-так-тик-так.
Дни. Месяцы. Годы.
Тощему Вениамину по лужам худыми калошами шлепать
иль не ему – другому кому –
тихая, маленькая, незаметная жизнь –
другому кому –
бесконечное много других –
незаметные жизни –
тик-так-тик-так
вправо и влево, вправо и влево –
горести, радости, путь нареченный. И смерть.
Зачем?
В оснеженных ветвях перегудки, хромые, а
осенью непролазная грязь –
домики, домики, домики –
летняя пыль, как сухие баранки, хрустит на зубах.
Тощему Вениамину или другому кому –
не все ли равно –
да, не все ли равно –

миллионам существ незаметных –
но живых и живущих, со жгучим биением в груди –
Зачем?

У кладбища, где предки и предки –
под крестами и камнем надмогильным прощаний –
тик-так – самовар на столе и чашки с
приживальщицы скромной улыбкой –
и весною сирень и мечты несбыточной яви –
в переулках, где домики, домики, домики,
три окна, три окна, три окна...
и осенью дождь – кап-кап-кап – без конца по стеклам
и крыше –
Зачем?

Осенние слёзы, осенённые тишью и жёлтыми
листьями, трепетаньем продрогших ветвей, –
и дорога расхлябано-чёрная –
утром на службу, а вечером, трудно
зевая, так ни о чём, иль о чём? –
о каких-то несбыточных далях, о днях
уходящих, как дождь –
тик-так-тик-так.

Миллионы живущих сердец.

Миллионы.

И серой поступью годы и годы проточные.
Утром на службу. Вечером – так ни о чём.
Иль о чём?

О том ли, что весенней сирени в пыли
лепестки,
и майские ночи. –

Ах, майские ночи –
о чём-то на своём на Яру, где облака старописны,
у крестов надмогильных печали,
над вечным покоем –
тик-так-тик-так – самовар на холодном столе –
и калач на углу расскрипелся, как чёрная баба.

Черносалопница в церковь к немому Христу. –
Под лампадные блики – изумруды, рубины, смарагды,
Под бас и под хор – архиерейский –
на Яру, где облака старописны и древняя синь,
точно ризы –
ризы вышиты бледной печалью широких полей, –
а там за заставой –
деревеньки в соломенных шляпках –
под пурговым напевом, под пеньем дождей, под
весенней капелью и зноем июльским, –
и люди –
миллионы существ светлоглазых,
бородатых, посконных, медлительно крепких –
пропотевших бороздами, севом и хлебом –
миллионы существ.
И Веньямину тощему хлюпать по грязи ка-
лошами рваными –
или лаптями худыми кому по грязи –
не всё ли равно –
да, не всё ли равно –
тик-так-тик-так –
ветви березы, как маятник, в окна и крышу,
облака старописные. Синь. Тишина.
И какая зевота под скрипенье колес на лесистой
дороге, под звяканье збури, под махорки извитый
дымок –
и какая тоска на армяк, на лохматую гриву,
на мозоли косьбы и на зубы острей бороны –
и зачем?
Ах, зачем это поле, и река, и крылатая мельница.
Облака, облака, облака –
над Рязанью, и шире, и дальше, и выше над
полями, лесами, над заводью тихой, над
озёрной гладью и тишью погоста, над
узорами потных борозд –

миллионы существ,
миллионы –
не смазанным скрипом дни, недели и годы,
и годы, как капля дождя.
А майские ночи,
ах, о чём эти майские ночи –
в благовонье черёмух, в гармоники звенящие
слёзы, в песне, полной тоски и
размаянной шири, –
в граммофон и в саду городском –
да и в саду городском –
в завыванье оркестра, охрипшим ревом,
и чья это тень из груди – из груди или –
из шороха ль ветра по крышам, из шуршанья травы,
из заводи плеска, из махорки дымка у костра –
и чьи это изломные руки по улочкам тихим,
по садам и над Лыбедью грязной, по мосткам у
часовни – и откуда-то тень – по полям, по асфальту,
по грузным заставам.
Из твоей ли груди, Веньямин, иль из груди
миллионов существ, –
да, миллионов существ –
бесконечно незаметных, серых, незаметно
бредущих в предписанный путь, незаметно
кончающих путь на погосте в сирени, –
и майские ночи в сирени –
не они ли твоя колыбель под печаль
соловьиную, под несбыточной яви узорный платок,
над валом обсыпанным, где облака, старописны,
и звон колокольный, и синь
тишины у Оки.
Вот по улицам пыльным промаячить
изломанной тени, вот мелькнуть –
перекрёстку, – вот мимо каланчи прислонённой
к облакам неживым; вот поступью

странно-неслышной и странно-тяжёлой
мимо больницы колонн и мимо тюрьмы,
где Казанка, где Казанка туда на кладбище,
где покоится Ваня с револьверным
знаком на упрямом виске –
на упрямом виске – вольной смертью от
уличек сонных, от застав и мостов,
от тюрьмы, каланчи и торговцев в зелёных рядах –
на упрямом виске – поцелуй огнегубый,
в чёрном платочке мать склонённая
долу над свежим бугром –
Зачем? Да, зачем?
И чья это тень по ухабам, по
вывескам
пыльным, по торговым рядам – изломаны
губы, изломано тело, заломлены руки в
тоске.
Но гордость.
Но морозная гордость.
Слушай – не надо холодные руки на грудь.
Слушай – не ходят по улочкам
нашим кованой
поступью с бунтом в глазах.
Слушай... Но слушай...
песня в заречье
печально-протяжная, майские ночи о чём?
Ах, о чём? – скрип неподмазанной ночью
телеги – плач на погосте и звон на кладбище,
перезвон – переклик – перегуд.
Вениамину ль бежать за тобой,
пальто развевая –
это бегут миллионы существ –
миллионы?
Да, миллионы, –
бегут? –

Ветер и снег. Мороз и метели. И крылья.
Крылья упрямо в покорную синь.
Это он чрез театр, переломленный надвое
тенью, к губам, где гордость мучительно –
острым резцом. –
Это демон крылатый пурпуровым отсветом
крыльев – над лавчонкой, над
чайной, над пролёткой лихой лихача. –
Это демон крылатый –
спугнул синих галок над кровлей,
над крестом колокольни – на купол взметнув. –
Это он – миллионы изломанных крыльев –
крыло – и ещё – и ещё – миллионы
пурпурно-
трепещущих крыл.

(до 6 листа автографа, далее по публикации. – Г.И.)

Бежать Веньямину, пальто развевая, –
и тощее тело своё перегнув под углом. –
Бежать, заливая калоши, –
Или то миллионы существ незаметных –
– миллионы –
бегут за крылом –
или сон опажнуло метелью. –
Многокрылой метелью пурговых крыл –
по асфальту, по заставам, и мимо тюрьмы и
тяжёлых мостов –
или сон, или бред, или пламя –
расстелившее зарево над каланчой.
Ах, не он ли восстал, пламеносный –
Люцифер.
Не он ли восстал в последнюю битву,
сотрясая столпы мирозданья.

Не он ли –
грыз свои чёрные руки в чернейшем плену.
Крыло – и крыло – и ещё – и ещё – миллионы
трепещущих крыльев
по улочкам тихой Рязани, мимо Собора и вала,
оползшего вниз,
мимо лавчонок и кладбища,
мимо заборов,
мимо и мимо
херувимов с отбитыми трубами в стылую синь –
миллионами зорь, янтарём окроплённых горячим.–
ах, – не он ли восстал, изломанный демон,
не он ли –
грыз свои руки на горных отсклонах зальдевших –
в музыке тиши молчащей, как ледяная смерть,–
– по улочкам тихой Рязани бежать Веньямину,
воздух руками ловя,–
но крыло и крыло – ещё и ещё миллионы
пурпуровых крыльев –
и морозная песня в отсветах оснеженных скатов,
ледников среброспинных лавин, упдающих в дол –
песня горных хребтов и алмазных столпов и
сияний, упирающих холод в сапфирную синь –
эта песня.–
Эта песня оснеженных склонов –
эдельвейсов белей, горных ландышей в белых
снегах –
над долиной, где свирель пастуха и отзвуки
хмельных хороводов, голоса босоногие девушек
мирных долин,–
это ландышей холод, где в чашечках пламень
морозный, где заломлены руки и музыка ледяных
высот.
Словно горный хребет переломлено гордое тело –
лиловатые тени и скорбь на губах, перекушенных болью,

ледники, среброспинные змеи, железная гордость,
над свирелью долин и уютно-приветным дымком.
Это музыка ветра – это ропот ущелий, это
бешеный наскок лавин –
по улочкам тихой Рязани, где у театра подсол-
нухи, папиросы и розы, и смятые розы
у полуночной хриплой Адели –
мимо лавочек, запертых наглухо, и лампы в
покорном стекле –
мимо Трубежа, дали, и шири, и близости –
то ли сон, то ли явь, то ли бред –
эта гордая песня: –
Златокосый ручей улыбка – и в пене серебро и
алмазы улыбок ручья, –
но ручей твой – выше – за гранью хребтов за
изломом оснеженных граней – там льдистые ландыши
на крутом берегу – там музыка ветра, там
ропот ущелий, –
через бешеный наскок лавин.
Изломанным телом – по отрогам и руки превыше –
ах! – превыше босоного-хмельных хороводов, где
в долине свирель пастуха и дымок над жилищем.
Это – музыка ветра, это – наскок лавин –
тебе эта песня –
а не вам –
нет, не вам, –
смиренные девы, –
нет не вам, –
вы, склонившие выи, вы, упавшие ниц на колени.
Это музыка ветра, это ропот ущелий, это наскок
лавин!
Это не вам, о смиренные, запеваётся утренний
Гимн, –
это не вам на струнах, закусивших до крови
губы, чтобы не крикнуть от боли, –

нет, эта песня не вам –
изломанным телом песня ущелий над свирелью
долин и дымком хороводов –
песня ландышей горных, заломленных ниц, – песня
чашечек, полных мороза.
Эта песня не вам – о, не вам эта песня. –
Эта песня тому, кто крылат – и взброшены крылья –
крыло за крыло –
и ещё – и ещё –
миллионы пурпуровых крыльев. –
Это тем, кто крылат, этот гимн – на гранях
хребтов и на снежных отрогах.
Эта песня не вам, –
о, смиренные девы.
Вы зажгли семь светильников, но он не придёт,
ваш жених, и брачное платье истлеет, как истлел
он во гробе, –
И ноги ему не отереть волосами в виссоне и мирре –
не придёт ваш жених. –
Ибо музыка тиши в симфонию диких лавин,
сотрясающих ленту долины, с золотистой лентой
ручья в изумрудной росе, где свирель пастуха и
дымок над жилищем и хмельной хоровод
босоног.
Ваши ноги босые, смиренные девы, в холодной
росе, и жених не придёт к вам –
пройти в васильках ваших глаз по меже терпеливой
печали и веселью смиренья –
в ожиданьи покорном. –
Это музыка ветра, это ропот ущелий, это
бешеный наскок лавин, низвергающих глыбы, это блеск
ледников меж серебристо-холодных ущелий.
Эта песня не вам, белоризные девы в смиренных
сандалях, – это песня не к вам изломанным телом,
чашечкой ландыша, запрокинутой ниц.

Эта песня не вам.
Не в звон колокольный, не в ладан кадил эта
песня –
этот гимн тому, кто крылат, чернокрылый,
в пурпуровом блеске меж крутых ледников и превыше.
Эта песня не вам.
Ах! – не он ли восстал, сотрясая устои изломанным
телом, не он ли, низвергнутый, грыз свои
руки в чёрном ущельи – не он ли растил свою
силу –
это музыка ветра, это ропот ущелий, это бешеный
наскок лавин. –
Бежать Веньямину по улочкам тихой Рязани,
развевая пальто, словно чёрные крылья,
бежать и бежать –
в эту музыку ветра, в этот ропот ущелий, в этот
бешеный наскок лавин,
где в литых проводах, словно птица, запуталась
песня, на столбах, оцелованных бегом пурги, –
и фонарь изогнул крючковатую шею, –
и стекло, как монокль, в серебрящийся глаз,
где заполз самовар на зелёное поле, с калачом
пополам поделивши его –
в тяжкопузых уродливых буквах –
«Амфилохий Терешин. Чай и закуски».
Бежать Веньямину.
у Присутственных мест через площадь, –
пальто развевая,
поскользнувшись на скатах ухабисто-качких –
под опаловой мутью луны, –
бежать и бежать –
в эту музыку ветра, в этот ропот ущелий, в этот бешеный
наскок лавин –
и за ним херувимы с отбитыми трубами,
и Василий Рязанский с фасада Собора,

и святые с блаженных картин,
и заставы,
и Трубеж змеей среброспинной –
лес, опилки, высокие трубы,
и кресты колоколен,
и будка часового у грузных лабазов –
в пургу и метель –
и часы чернобуквые,
и тени –
миллионы теней
из могил –
в эту музыку ветра, в этот ропот ущелий, в этот
бешеный наскок лавин, –
и Он в золотистом венце
со щеками, омытыми ветром
с Галилейских полей и озёр, утонувших в цветах, –
смуглотелый, и руки пробиты, и кровавые розы
на смуглых стопах,
и бедро острием прободенное –
и Он по сугробам, лилейный,
сквозь метель и пургу,
сквозь луны чехарду мутно-белую,
сквозь мельканье предметов, теней и калош по
сугробам,–
и Он,
да и Он, в эту ночь
мимо театра, через площадь Присутственных мест –
мимо вала, и лавчонок, и вывесок в мелкой пыли
среброснежной. –
Зачем, ах! – зачем это Он,
Галилеянин кроткий. –
Зачем эти язвы к губам оснеженным моим, и
пробитые руки и ноги,
и ладоней тепло в аромате лилей златотелых,
и озёр ароматных, где рыбаля ветхая сеть –

и улов, среброспинный, трепещущий в рыбаля
мрежах,
и пришедшие женщины с верой в глазах,
и Лазарь, воскресший по слову,
где шуршит Гефсиман – и моленье о чаше звучит, –
и пробитые руки –
Пречистые руки –
к оснеженным губам Веньямина. –
И Ты –
ах, зачем здесь и Ты –
по сугробам босыми ногами –
кроткоглазый, –
в золотистом венце,
осребрѣнном пургой –
под опаловой мутью луны –
в эту музыку ветра, в этот ропот ущелий, в этот
бешеный наскок лавин. –
Богохульным устам Веньямина
не тебя славословить –
чѣрной крови печати
на сожжѣнных губах, перекушенных болью -
в миллионах трепещущих крыл –
крыло – и ещё – и ещё миллионы пурпуровых
крыльев –
богохульным губам не пробитые болью ладони
целовать
и не шляпки пронзивших гвоздей –
Веньямину, пальто развевая –
и калошами в вязкий сугроб.
Богохульным рукам не ловить твои ризы,
не ловить острозубыми пальцами,
нет – не ловить –
в этой музыке ветра, в этом вое пурговом, в этом
завихре буйных снегов,
осыпаемых вниз.

Тебе запевают уста –
простишь ли –
этот гимн, забивающий гвозди,
забивающий гвозди –
и ныне, и присно, и во веки веков. –
Этот гимн демонических крыльев, потрясающих
гордо столпы мироздания,
как встарь Люцифер пламеликий, -
мимо улочек тихой Рязани, мимо сонных
лавчонок, у Присутственных мест и театра белёсых
огней.
Эта песня не вам, о смиренные сердцем, –
нет, эта песня не вам.
Эта песня об истине мрачной,
леденящей дыхание и режущей кровь:
«Отчего у тебя такие нависшие брови, о истина,
и борозды легли возле губ, как межи, как межи,
проведённые болью, – острым резцом, источающим
кровь.
И губы – закушены скрытные губы –
у тебя закушены губы, о истина, –
и морщины чрез сумрачный лоб, –
сумерки серым крылом – туманом и каплями
тяжких дождей холодящих, –
у тебя через лоб, о суровая истина.
И глаза слегка сумасшедшие –
так безумные смотрят на тяжкую стену – белую
стену –
кверху восходит она в равномерности белой –
равнодушная, ровная, бело-морозная,
только временем вымыты поры, –
о истина –
и глаза слегка сумасшедшие –
пристально тёмные, напряжённо-косящие –
и глаза, –

о суровая истина.
Не с цветами весенними к тихим порогам,
не под звон ручейков, не под вздох ветерков,
о, суровая истина,
этот ропот ущелий, эта музыка ветра, этот
бешеный наскок лавин.
Не зелёные стебли –
в пергаментно-белых руках
(их дубили метели, окремняли морозы) –
в бурых руках неподатливых,
костисто-тяжёлых, сумрачно-сдержанных,
упорных, как ход ледников, –
ледников меж ландышей горных, меж откосов
морозных, меж граней немых хрусталей.
О, истина, брови нависшие
и безумно-косящие под бровями глаза.
О, истина, истина!..
Не зелёные стебли, не цветы белоснежные к
тихим порогам –
не весенняя весть в золотистых лучах.
Нет! –
звяканье льдинок хрустальных,
хруст ледяных ожерелий,
жесткого наста под жёсткой ногой.
Не видал я улыбки у тебя на губах,
о, жестокая истина.
Никогда не видал я улыбки у тебя на губах –
и солнечный луч молчаливо чернеет,
чёрно мрачнеет
у тебя на суровых губах.
Не весенние стебли к уютным порогам,
не плеск ручейков,
не свирель пастуха по долинам,
где хмельной хоровод босоног и дымок над жилищем,
о суровая истина.

Тяжела крепкожильная длань и пожатые, как
глыбы. –

Словно глыбы лавин, низвергаемых вниз –
на свирель пастуха, на хмельной хоровод босоногий
и на плеск златокосых ручьёв.

Иль ты не знаешь, что песня нужна нам,
тихая песенка матери вверху над родной
колыбелью –

баю-бай, баю-бай –

над родной колыбелью родимый напев,
мягко ласкающий тёплой ладонью,
мягко ласкающий пальцами тихий напев,
вечереющий мягко на губах и на грустных ресницах
или порхающий как мотылёк по щекам,
опахнутым любовным –
баю-бай, баю-бай –
над родной колыбелью.

Ведь в снегах ледяных застывают и песни – и
песни –

или знаешь ты песни иные –

суровые песни,

о суровая истина,

песни боли зальдевшей на горных хребтах –

меж ландышей белых,

песни зелёных снежинок,

изумрудных, как листья весной,

на прогалинке солнечной пляски –

мотыльков среброкрылых по стволам и листве,

или знаешь –

сквозь морозные крепи, сквозь скрепы морозные –

изумрудные песни весенних листов.

О суровая радость,

темноглазая радость,

о радость – о радость

в пляске грустных напевов с суровым лицом –

по улицам тихим, по оснеженным улицам мимо
Присутственных мест –
мимо собора, куполами упавшего в мутный
сугроб –
купола уронившего в темень снежинок, –
темноглазая,
поступью перегруженных извозчиков, в гривах,
спутанных ветром,
в застывших хвостах –
в шелухе перещёлканных семечек,
ветром взнесённых –
темноглазая, –
всех отверженных Богом –
всех отвергнувших Бога –
всех восставших над зевом стремнин –
обещанная,
обезображенная,
с опозоренным телом –
темноглазая –
жестокогубая –
и на стопах багровые язвы –
и у тебя багровеют они. –
О радость, радость –
радость, ладони свои уронившая в боль,
как в сирень,
в майские ночи.
Ах – в майские ночи
над валом,–
где облака старописные, – синь – тишина.
Сквозь решётку тюремную
брезжишь измученным телом
в лабиринте души
в подземельях сверкающих руд,
в чёрных шахтах тоски,
по забоям проклятий,

темноглазая,
обезображенная,
всех богохульных сестра,
разделившая ложе
с проливающим кровь
и с виновным от века до века,
всем,
отмеченным чёрной печатью
сестра
кровосмесительная
с братом, с отцом и прохожим,
опьянённая болью и кровью горячей,
и в ладонях печали вино.
Домишки, домишки, домишки
от заставы к заставе,
от слободы к слободе,
через Казанку,
через Рюмину Рощу –
к кладбищу убогому,
где Ваня с гвоздикой на упрямом виске,
на пробитом виске.
О радость! о радость!
сумасшедших домов
(в Голенчинской Роще один),
сумасшедше-косящих взглядов из-под
нависших бровей –
радость отверженных чёрного пира,
собутельников мрачной трапезы,
пальцев отверженных,
перекрученных, словно щипцами.
О радость! о радость!
самоучителей с трупным лицом –
самоучителей, истязателей дней неповинных
со щеками белее пурги
и губами алее закатов –

обагрённых закатов в пурпурную чернь.
О радость!
бритоголовых кандальников, смрадных этапов,
рудников –
и публичных домов –
Магдалин с насурмлённою бровью
и с запудренной сыпью на продажном теле, –
сумасшедшая радость
канатоходцев над зевом ночи белей,
Магдалин из публичных домов.
Бубнокровным звенит эта песня –
чернокровно-несдержанным в зевах ущелий
по стремнинам снежистым
в оторочках снегов
синебоких.
О радость! о радость!
заломившая руки от боли
с искажённо невинным лицом,
о закланная –
о заклано-прекрасная с тёмным лицом.
Не вам, –
нет, не вам эта песня –
хриплоголодая, болеголодая, –
окроплённая мукой –
нет, не вам.
Домишки, домишки, домишки –
три окна – три окна – три окна.
С тетивы, напряжённой отмщеньем,
с тетивы, перевитой трижды и трижды,
чтоб стальным был звенящий полёт.
Золотыми шелками по сердцу лилейная смерть –
Черноватые пальцы и шлейф ароматный –
Под бровями червлённым звёздная синь.
Ах, прохладные пальцы, забвеньё страстей,
Бестревожная россыпь листов холодновейных.

Тем, кто смерть возлюбил –
на багрянец черноватый неслышные стопы
розовато-прозрачные в белых сандалях –
тиховейная поступь росы,
охлаждающей день,
и как звон бубенца в отдалении вечером,
и как шёпот ветвей на янтарной заре,
и как шорох реки у песчаной излуки –
в повечерье, под проблеск луны –
словно синяя дымка сквозных повечерий,
словно пальцы прохлады на сумрачном лбе –
тем, кто смерть возлюбил,
и пришла.

Тем, кто смерть возлюбил –
изумрудные венчики в зыби лиловой,
тускло-красные розы в смарагдовый сон,
ало-красные маки
и белые розы,
и венки золотой белены –
в повечернем огне аметистов
в желто-белых оконных огнях,
и запястья в опалах палёных –
в опалённых опалах –
палево-сонных, –
где карбункул змеёй изогнут,
острожалющей тёмно
у запястья лилейной руки.

Тем, кто смерть возлюбил –
орхидеи расширенным зевом
вслед сандалям,
окутанным в дремлющий сон
ало-красных бледнеющих маков
у порога вечерней зари
повиликой глаза обовьют
и неслышимый шорох –

повиликой лилейные пальцы
и губ чернота –
только звякнут запястья,
змею замыкая, –
полнокровный карбункул
на бескровной руке.
И головки цветов –
Тем, кто смерть возлюбил –
и головки цветов
ало-синих
на лиловых стеблях,
перепутанных в сон,
на тропинках вечерних
повечерья в густых аметистах
и в сквозных хризопразах
померкнувшие-матовых губ.
Тем, кто смерть возлюбил,
и пришла,
приплыла на ладье златобокой
Лоэнгрином по тиши
на ониксово-чёрных
горделиво-немых
лебедях.
Лоэнгрином –
по розовой – сини,
бледнотелой колдуньей –
и звёздная россыпь в зрачках,
темнозвёздная россыпь,
переливчато-зыбкая,
многоцветно-дрожащая
в сини сапфирной.
Но звёзды, но звёзды –
надо мной, над землёй,
над домами –
над сугробами сонной Рязани,

над огнями окон,
над мохнатыми крышами в синь,
над ветвями в белёсых овчинах,
над моей колыбелью,
где мама склонилась звездами
васильково-беззлобными,
кротко-покорными,
уронив поседевшую прядь, –
над моей колыбелью.
И не ты ли о сыне ушедшем
похоронную жалобу,
жалобу матери –
в синь алмазную, в звёздную синь, –
и не ты ли, –
раскинувши пряди,
поседевшие пряди,
и руки сомкнув,
словно плакальщиц хор
перерывный
над дорогой потайной
у истоков темнеющих,
у замолкнувших сына шагов.
Ах, зачем мне –
зачем мне –
улички сонной Рязани
и сугробы под небом звездистым,
и алмазная синь
тишины
от заставы к заставе.
Васильки моей мамы –
Кротко-покорные,
тихо-незлобные,
с золотыми ключами тюрьмы –
дили-динь-дили-динь –
золотыми –

в васильковую кротость
моей колыбели –
зачем?
Если сердце в сугробах
расколото месяца рогом –
золотым топором,
до сукровицы чёрной тоски
переломлено надвое –
в белых сугробах
перекручено
в зыбь облаков,
в тёмно-синюю зыбь
повечерий,
под колёса Медведицы –
грузно-большой –
под колчаном стрельца
неживого, –
над сугробами улиц немых.
Если в месячных брызгах,
расколотых ветром
в облаковой пурге седовласой
на миллионы осколков –
и каждый острее стекла,
по которому –
ноги босые
души бесприютной.
Бейся, ветер, в эмалевой дымке
тупых аметистов,
золотые осколки роня
в застывшую синь –
по сугробам Рязани,
по уличкам сонной Рязани
золотые осколки
и брызги страстей.
Чёрный лебедь по золоту

розовой пены –
и лилейные чашечки –
белых ладоней эмаль,
аметисто-матовы
зовы запястий
и карбункул –
кровавой змеёй
тем, кто смерть возлюбил.
Возлюбил ли и я,
моя мама,
возлюбил ли и сын твой –
пристанище гордых,
тихий скит несогнувшихся душ –
не могущих согнуться,
закусивших безжалостно губы,
закусивших безжалостно сердце
на кремнях,
отточивших мечи
для израненных пят.
Но звёздное небо –
я люблю тебя, звёздное небо.
И ещё я люблю тебя, небо,
когда ты меняешь
бледно-алые зори
в уборе золотых янтарей
на лиловые зори,
на синие зори
повечерий, окутанных в ночь.
И вот потемнело,
и вот потемнело,
и вот всё тише и тише,
неслышно-неслышней
в тенях темнотных –
строгий гимн запекает душа.
Ах, ещё ли лампы,

ещё ли лампы
зажигают пречистые руки,
ангелов руки
в аметисте вечерней зари,
убаюканной в ночь,
как ты мне пропела,
в детстве пропела
над родной колыбелью –
васильки под ресничную грусть,
о мама, о мама.
А ещё я люблю –
когда первые ландыши влажны,
когда в чашечках белых
алмазы весенней росы,
холодно-прозрачной,
таящей в прохладе снега.
А ещё я люблю,
ах! и всё я люблю –
тебя, мою чёрную землю,
чернощёко-широкую,
черногрудо-растящую
чёрную мать
и зиждательницу,
и ещё я люблю –
и чёрный хитон твой,
влажно-чёрный хитон твой
не я ль целовал,
упав на колени
в одиночестве голых полей –
там в деревеньке забытой –
у Акишина тихого,
позабытого шумом
в беспредельных полях,
целовал,
когда жёлтые листья

и река под обрывом,
и шорох ветвей оголённых,
и на листьях багровых
алмазы росы,
не я ль целовал,
не я ли,
как инок
Веньямин кроткоглазый,
упав на колени, –
к чёрно-влажной груди,
в запах прелых листов –
обагрённых,
когда сумерки тихой стопой
и огни за рекой потемневшей,
и в избушке отец,
двухоконной,
в ожиданье,
а я по полям,
словно странник молитвенный,
дальше и дальше
в пенье голых ветвей,
в поливанье,
в перелётные звуки,
в осенние сумерки,
в багряницу багровых листов.
И кто тебя будет любить,
как в полях Веньямин кроткоглазый,
в безмятежных полях,
в дальне-синих,
в деревеньке Акишине,
там, в далеке,
в тишине,
когда сердце пропело
гимн повечерья
тебе,

чернотелая мать,
о зиждительница,
и первые звёзды смотрели
и бросали алмазы
на чёрное тело.
О, кто тебя будет любить
и целовать тебя будет,
как я целовал, о родная,
никогда не касавшихся губ
поцелуем любовным,
никогда не шептавший
«люблю»
ни одной
из твоих дочерей.
О Земля! О Земля!
Черногубая –
материнское лоно –
родная земля,
помяни Веньямина –
шорохом листьев,
пеньем ключа у обрыва,
пеньем высоких ветвей
и гуденьем пчелы,
и жуком неуклюжим
на заросшей тропе –
у Акишина –
помяни, помяни!
Сохрани его след
на прибрежных камнях
у обрыва,
где сидел он, следя облака
и внимая шёпот волны прибрежной
в узловатых корнях
тяжкосмольной сосны
златокровой

на тропинке в орешник,
там
сохрани, сохрани,
и пусть его песня
в повечернюю синь
или в утро,
иль в осени шорох
переливным ключом
у обрыва
к широкой реке
и в заречье,
и зверью, и людям, и жукам.
Ах! всех он любил –
многострунное сердце –
и всех он вместил, –
помяни!
кроткоглазого отрока,
мать черногрудая,
о желанная!
мати-земля,
помяни, помяни
и руками
обойми его тело
в последнем объятьи согрей,
и согревши отдай –
в пропитанье
и ветвям, и жукам,
и цветам,
и корням, что плетутся во тьме,
и червям.
И вы, мои братья,
трапезуйте на теле
усопшего брата,
трапезуйте в глазах, –
что ловили звезду,

и в мозгу,
что рождал песнопенья,
и в сердце, где к истокам души
они приходили
как девушки,
как девушки
ходят к колодцам
с кувшином,
серьгами звеня,
и заполнив кувшин
прохладною влагой,
чуть качая псалмовые бедра
и газельи глаза опустив,
по тропе возвращаются к дому.
Мать земля!
Мать земля!
Мать земля!
Чернотело-желанная!
И чашечкой кроткой цветка
вознесите
над землёй
на качливом стебле
облакам
и звёздным алмазам,
и крылатым развейте
семенем
в жаркую синь.
Приходи –
приплывай –
на своих лебедях – чернее оникса –
на эмали лилейной
опалы запястий
и карбункулы в жадные змеи,
приплывай,
и тебя возлюбил я –

прибежище гордой гордыни,
сестра взбунтовавшихся душ,
мятежников гордых.
Ах! не он ли восстал,
алокрылый
Люцифер –
сотрясая столпы мироздания –
не он ли грыз свои руки
в чёрных ущельях тоски,
извиваясь от боли, –
не он ли?
Приходи.
Я запомнил слова
того, кто посмел – первородный –
и высек на бронзе
мыслей последних
в бессонные ночи, –
ночи чёрных ущелий
и чёрной тоски,
и высек на бронзе –
«Если тебе удастся
жизнь –
то удастся
смерть».
И того, кто сказал их,
познал я
и того, кто сказал,
я познал
и вымерил точно
путь последний
в терновых шипах
того,
кто посмел, земнородный,
богоподобный,
посмел.

Фридрих –
ты выше горных и высших,
ты выше,
агнец закланый,
преодоленья
радостный сын.
Лоб – словно купол,
и строгие брови,
и нависшие брови
клочковато-угрюмо,
и глаза
слегка – сумасшедшие,
косяще-тяжёлые,
и усы –
опрокинуты в бездну,
где последняя тяжесть,
где последняя радость –
утренний крик петуха
и румянец зари –
Morgenrote.
Ты –
прошедший ступени и кручи,
где никто не ходил
и никто не пойдёт
за тобой,
ибо бездна и справа и слева
и бездна в глаза
слегка сумасшедшие,
пристально-скорбные,
зорко-орлиные
из-под нависших бровей.
Превыше и чище –
горных и чистых –
ты –
агнец заклания,

преодоленья,
возлюбленный сын,
заглянувший
бездне
в глаза неживые.
Я помню,
я помню –
бронзой на бронзе слова –
о жизни и смерти –
ах, не он ли восстал,
богоравный,
не он ли
колебал столпы мироздания,
не он ли
грыз свои руки
в чёрном ущелье
тоски.
Крылья –
крыло – и ещё – и ещё –
миллионы трепещущих крыльев –
ало-багровых,
матово-розовых,
черно-лиловых,
крыло –
и ещё – и ещё –
миллионы трепещущих крыльев,
чёрные крылья,
лебединые крылья –
твои –
о приплывшая –
на лебедях – чернее оникса.
Чёрные крылья твои.
Коснись же губами
матово-тёмными,
бледно-холодными,

словно пальцев Лилеи,
губами коснись
и запястьями рук,
где цветёт белена,
теснее обвей
и косою –
чёрной косой полуночи –
в огромных алмазах –
горло обвей,
о возлюбленная,
в поцелуе оснеженной муки, -
и пальцы, что розы,
снежно-холодные,
матово-тёмные
ирисы
матовых рук.
Тем, кто смерть возлюбил –
и позвал –
и откликнулась смерть –
и пришла –
приплыла на ладье златобокой –
под розово-чёрным
парусом бледных ночей
с большими глазами, –
тем
этот гимн,
зацветающий ирисом
тёмно-лиловым.
Ты,
о возлюбленный,
ты,
о дерзнувший,
ты,
обagrённый собственной кровью,
там –

за Казанкой змеистой,
в сугробах пушистых
и звонких,
на кладбище убогом,
на кладбище укромном,
возлюбленный Ваня.
Не твой ли –
шёпот в отверстия уши,
не твои ли –
пальцы по чёрным строкам
в холодных алмазах
и выстрел в ветвях оголённых
за Казанкой,
за Рюминой Рощей –
в домике сером,
двухоконном домике,
где смиренный Смирнов,
портной захолустный, –
о Ваня –
дни эти мёрзлые,
ухабы,
разъезженный снег
за высоты тяжёлой тюрьмы,
ты –
меж бродяг и убийц –
к мёртвому дому –
меж обнажёнными саблями.
Мать –
у ворот –
в чёрном, печальная,
бледно-смиренная –
скрежет тяжёлых ворот.
Подбородок, –
твой подбородок упрямый
и пристальный взор –

голубовато-бесцветный –
и накануне –
ты накануне –
в гимназическом старом пальто
и сам гимназисту подобный –
низенький,
бледненький,
строго-упорный,
с подбородком упрямым,
Ваня,
о Ваня –
ко мне накануне
молчально-угрюмый,
что-то решивший,
что-то таящий,
сдержанно-строгий –
ко мне накануне –
по улочкам тихой Рязани –
мимо театра,
мимо Присутственных мест,
через площадь,
где Христос прошагал за тобой
и руки простёр –
бледные руки
бескровно-прозрачные
епитрахилью –
в изумруд облаков
и сапфирную синь.
О Ваня –
и ночью пальцы в стекло
и весть,
опалённая весть,
обогрённая кровью твоею –
двухчасовым страданьем
и запиской:

«Никого не винить.
Жизнь надоела». –
О, кто разгадает,
кто разгадает
тайну насупленных мыслей –
в лабиринте души
чернокрылой –
в лабиринте отвергнувшей –
в лабиринте осмелившейся –
и последние мысли твои,
когда ты остался
один –
с добровольною смертью,
обагрённую кровью –
в выстрела рдяном огне.
Никому –
даже матери скорбной,
даже ветру рыдающему –
там за Казанкой
никогда,
никогда не узнать.
Или знает плакун,
воздымающий снежные звёзды,
воздымающий снежные крылья –
разрыдавшийся
над крышей Присутственных мест
у церкви Пророка Илии
у осевшего вала,
и о чём этот ветер,
и о чём и зачем?
и зачем?
Бежать Веньямину –
мимо Лыбеди,
из-под горы оснеженной,
мимо Михайлова бань,

по Липецкой сонной –
по Липецкой сонной,
пальто развевая
и роняя калоши в сугробы,
по Липецкой.

Там

На углу Маломещанской –

редакция тесная

ежедневной газеты «Рязанский Вестник» –

Пожар в Троицкой, сгорела свинья с поросёнком,

матрас и горшок ночной у мещанки Косопузовой

сивой Аксины. – Купец Мономахов в пьяном виде

жену искалечил и в сарае в полночь удавился,

написав на стене угловатые буквы марающим мелом:

«Никого не виню, мать вашу...». – Сбежала

корова у попадьи Полиектовой масти иссиня-

чёрной, двутельная, кличкою Машка. –

Собственный корреспондент сообщает нам из Тегерана,

что персидский шах обзавёлся 666-ю женой

для гарема. Собственный корреспондент Федя

Гниლოსыров, выгнан из четвёртого класса за

неуспешность, роста пониже среднего, кривоног,

глуповат и труслив – по три копейки за строчку –

Гниლოსыров в Тавризе – у кладбища Лазаря,

в двухоконной хибарке – собственный дом, т.е.

собственно, дом-то не собственный его, Гниლოსырова

Фёдора, а отца его, отставного фельдфебеля, за

выслугу лет – переход через Дунай, сведённые

пальцы на левой – прострелена пулей ладонь,

сухожилия разорваны. В двухоконной хибаре изжелта-

серой у Лазаря. – Итак, «Вестник Рязанский» с

собственным агенством: в Тавриде – у Лазаря,

в Париже – трактирчик «Париж» на Сенной – стук

биллиардных шаров, наискось через дорогу гробовщик

мочальнобородый Бутин под чёрною вывеской – в

Лондоне у церкви Бориса и Глеба – замечательно стильный корреспондент – Иванов Александр Александрыч – пропойца, зимою в опорках на босу ногу – нос полпивной буро-оранжевый, серо-буромалиновый с лиловым оттенком – отменно почтеннейший нос – в Сан-Франциско, а впрочем, что Сан-Франциско и прочие пункты и пунктики шара земного – все созерцать их можно в пунктиках разных сонной Рязани – мягкотело-мясистой, мясотело-грязистой – на углу Маломещанской и Липецкой «Рязанский Сплетник» – тьфу-тьфу – оговорился, проклятый – то-бишь – «Вестник Рязанский».

А дальше по Липецкой – дом Костылёва по левую руку оставь – перешагнув Новикова – мастер гармонный, черносотенец и скупердяй – к дому Попова. Сам – семипудовый – приземистый, горбоносый – седо-щетинистый, чай пить начнёт – два самовара и два с половиной и с червертью – судя по отрыжке кременной и бурчанью в кишках, распираемых щами вчерашними. Сама – вобла поджарая худая – пронзительная – черносалопно-пергаментная – желтощёко-пронзительная – плаксунья и сплетница – и воровка исподтишка у постояльцев разиноротых.

– Ахти-ахти, какво-то жить нонче стало, мать моя родная, дороговизна, ни к чему не приступишься, ни порядка, ни богобоязни (сахар летуче в бездонный карман).

– Дети какие, голубочка, непочитанье, самоволье, в Бога не веруют (сахар незаметно в платочек).

Так, повествуя, лепту вдовицы во вдовый карман – а сам за стеною, рыгая, у самовара под качку часов: –

тик-так-тик-так –

маятник в тихом углу –
гири со звоном вниз по стене –
а на циферблате Наполеон длинноносый во время
пожара Москвы –
и маршалы сзади – словно
солдат – Яшка Красная Рубашка –
лица кумачные – лошади серо-сусальные –
Липецкая. Дом Попова.

И к самому на беседу вечернюю тяжкий жилец –
Яков Иваныч, – слепой, нос как у римского консула,
ястребино-горбатый, подбородок тупой и
упрямый – лоб широк хотя, но и низок зато. –
Яков Иваныч Загурдин –
слепой.

У самовара беседа вечерняя в синих обоях с
золотыми фестонами, со следами клопов, тараканов
и мух, с пятнами мух, над скатертью с красной
каймой, у согнутой конфорки.

Впрочем, не видит Яков Иваныч ни синих обоев,
ни скатерти с белой и красной каймой, ни мушиных печатей,
ни конфорки согнутой, –
слепой Яков Иваныч –

пальцы костляво-длинные в волосе чёрном,
выпукло-розовы ногти и жёстки – нервность и жёсткость,
сказано так в хиромантии. Длинными пальцами
Яков Иваныч по скатерти шарит, слепой,
по сахара мелким-премелким кусочкам, мелко-
премелко колет приземистый «сам» под буравочно-
острыми взглядами, под булавно-острыми взглядами
сухотело-поджарой «самой».

А вечер к окошку щербатым лицом, волосами
белесыми и бровями белесо-льняными – чашки с
приживальщицы постной улыбкой – в ободках
голубых –
самовар просипит над скатертью белой, с красной

каймай домотканой.

Яков Иваныч Загурдин, пальцами двигая, длинными пальцами в волосе чёрном. –

И незаметно, и незаметно, как сумрак нисходит к слепому окну – тихо неслышно, незаметно сгущаясь, и незаметно Яков Иваныч, пальцами длинными двигая, к самому семипудовому – любит чай гонять, семипудовый, седо-щетинистый, в синей рубашке замызганной, затрапезной рубашке – и незаметно Яков Иваныч о Боге:

.....
Вечер белесоватыми бровями к окну, чашки с приживальщиц улыбкою скромной. Маятник медной ногою по синим обоям с золотыми разводами – шарк-шарк-тик-так-тик-так.

Строго Святитель Яков Иванычу в глаза помутнелые с чёрной иконы. Строго Святитель в серебряном венчике на киоте старинном. И палец укорно простёр. Но не видит Яков Иваныч. Слеп беспросветно Яков Иваныч. Не видит укора святительского, слепой и тяжёлый Яков Иваныч, с профилем римского консула и лбом хотя и широким, но низким.

И гириями движутся – тяжки – слова над самоваром холодным, над чайником с носом отбитым, над кусочками сахара – мелко-премелко колет Герасим Демьяныч под пронзительным взором самой.

.....
.....

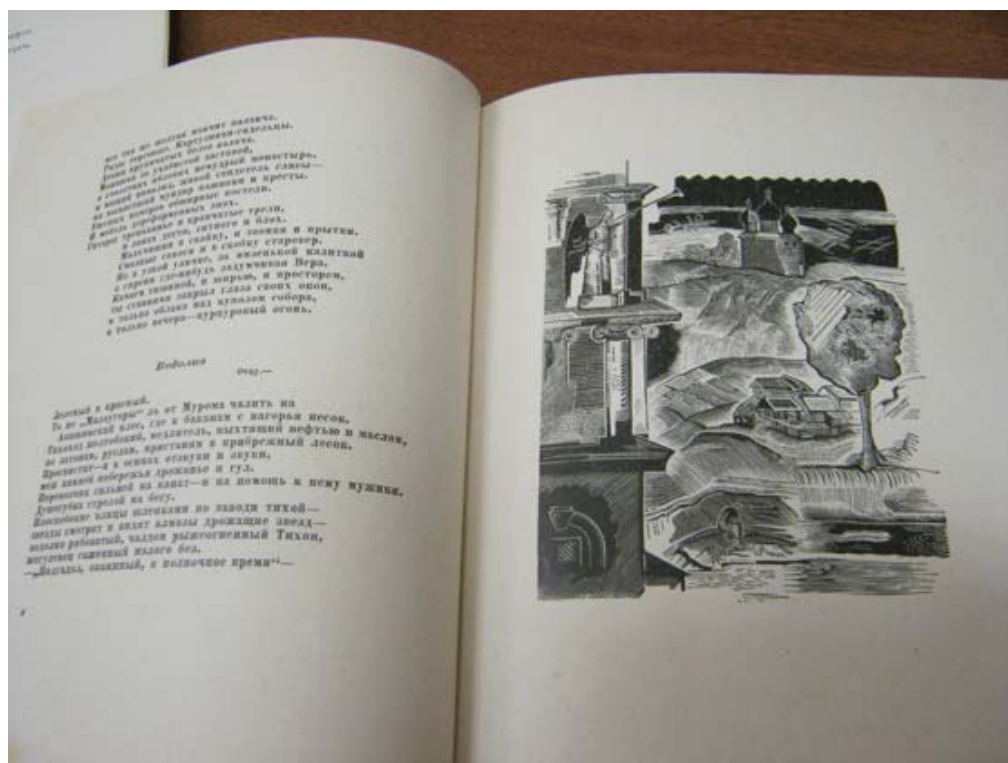
Всем Рязаням, Елатьмам, Касимовам,
спрятанным в зелень,
в бездорожьях, у плёсов –
по холмам и пригоркам, по полям и улогам –
всем –
одетым в колокольные звоны и в шёпот полей,

в крик журавлей и молчанье закатов,
в изумруде весны и багрянце осеннем –
всем –
косопузым, забытым, заброшенным,
подслеповато усупленным в синь,
в платочках цветных и монашеских схимах –
всем – всем –
всем Рязаням, Елатьмам, Касимовам,
у просёлков, у шляхов проезжих, в бездорожной
осенней грязи,
и под снежным убором и в галочьем крике –
вербы весенняя весть.

Конец 1921 – начало 1922 г.

Мирское сердце: Стихи Вениамина Кисина. – Москва, 1929. – Рисунки Бориса Кисина.

Вениамин Кисин («Расея», «Захолустье», «Водолив» – отцу, «Купец», «Родословная», «Степан Разин», «Иван Каляев», «Дева-обида», «Ленин»).

**Рукописи –
автографы Вениамина Кисина,
переданные в архив Борисом Кисиным**

**РГАЛИ. Ф. 2255. Оп. 1. Ед. хр. 12.
Вениамин Кисин. Люминизм и смирение. Гимн.
Автограф**

Люминизм и смирение

2

Изломанным телом Врубелевского демона
по острым отрогам холодных высот,
изборождённых ледяными гранями.
По высотам, где пробивается оранжевый пламень,
расплавляющий скрепы логики
и наполняющий пустоты
молчанием чернокрылой музыки.
Вот она взбрасывает крыло –
и за крылом
ещё крыло – и ещё – и ещё –
тысячи, миллионы крыльев,
смахивающих звёзды крыльев, оранжевых,
факелом над ледяными откосами граней.
И острокрылый встаёт –
высокий и замкнутый, непреодолимый и несгибаемый,
изломанным телом и руками, отсвечивающими льдом.
Из молчанья высот вдруг вырастает оно –
молчание музыки, музыка молчания,
оранжевые факелы в синюю синь.

Согнутая, как горный хребет, спина –
Сталью надоблачного молчания,
тяжестью отсвечивающих оранжевым облаков.
Гордая музыка, закусывающая губы, чтобы не крикнуть,
до крови закусывающая
губы
на ледяных хребтах.
Не он ли восстал, пламенный Люцифер,
в последнее единоборство?
Не он ли сотрясал столпы мироздания?
Не он ли грыз свои чёрные руки в чёрном
отчаянии чёрного клёна?
Крыло – и ещё крыло – и ещё – и ещё –
миллионы пламенных крыл,
миллионы зорь, отсвечивающих янтарём преодоления.
Не он ли грыз свои руки на отрогах ледяных хребтов?
Не он ли телом, переломленным как хребет,
в оранжевом пламени морозных факелов?
Но крылья. – Крыло – и ещё крыло – и ещё – и ещё –
гордость преодоления, ярость спокойствия,
запламеневшие тени утренних зовов.
Кто скажет, кто наметит: вниз – довольно по граням –
сложенными крыльями вниз через отроги хребтов,
ледяные отсветы алмазными столпами в синюю синь
Утренние ландыши срывать на снежных полях облаков,
а не в изумруде долин,
где свирель пастуха и глаза босоного-хмельных хороводов.
Утренние ландыши,
холодные от снега и пахнувшие морозом.
Утренние ландыши,
где в чашечках оранжевый пламень,
где заломленные руки и музыка молчащих высот.
За утренними ландышами - выше высоких хребтов,
в синюю синь и ледяные столпы
Изломанное тело демона с лиловатым лицом.

Ползут ледники, среброспинные змеи, –
выпрямляйся, прямись, железная гордость,
отсвечивающая музыкой преодоления!
Златокосый ручей смеётся и плещет,
но выше, но выше, над домиками,
где свирель пастуха и дымок над жилищем.

2

Отчего у тебя такие суровые взоры, о истина,
и брови, нависшие хмуро,
отчего неулыбчива ты и состраданья не знаешь
к чадам земли, приходящим к твоим затворённым вратам.
И морщины легли возле губ, как борозды,
и на лбу, словно в поле межи.
Отчего? Отчего?
Иль ты не знаешь, что песня нужна нам,
Колыбельная песня возлюбленной матери сыну,
убаюканному её голосом милым и нежным.
Иль ты не знаешь,
что нужна нам весенняя песенка – легче, чем сон,
где цветы, где пчёлы жужжат и бабочки реют.

3

Благословен возвращающий
стебель зелёный из ладоней эбеновых смерти.
Из мертвенной черни – лавой изумруд.
Благословен.
Словно колос на чёрной одежде борозд,
отягчённый наливом, наклоняющий зёрна,
колеблющий тяжким зерном.
Благословен сочетавший в едином зачатъе
черносочные стебли и зелень листов, –
это тайна.
Это тайна двуликих объятий над пеплом часов,
подо льдом, заковавшим восходы.

Это музыка ветра, это ропот ущелий,
 это бешеный наско́к лавин!
 Златокосый ручей, улыбка –
 и в пене серебром и алмазным ручьём.
 Но ручей твой выше –
 за гранью хребтов, за изломом оснеженных граней –
 там льдистые ландыши на крутом берегу –
 там музыка ветра – там ропот ущелий –
 через бешеный наско́к лавин.
 Изломанным телом – по отрогам и руки превыше – ах! –
 превыше босоного-хмельных хороводов,
 где свирель пастуха и дымок над жилищем.
 Это музыка ветра – это наско́к лавин.
 Мимо, мимо, смиренные,
 смиренномудрые и любвеобильные,
 непорочные девы и пустынножители – отцы.
 Мимо, мимо, согнувшие выи!
 Здесь музыка ветра – это ропот ущелий, это наско́к лавин!
 Прислушайся – колкие крылья – ещё и ещё –
 в оранжевых факелах
 снежных хребтов и оснеженных граней.
 Это не вам запеваётся утренний гимн,
 смиренномудрые и смиренные.
 Это не вам по струнам, закусившим до крови губы,
 чтобы не крикнуть от боли, –
 это не вам.
 Изломанным телом песню ущелий и громких лавин,
 над свирелью долин и дымком хороводов.
 Песню ландышей, заломленных лиц;
 Песню чашечек, полных мороза, -
 это не вам – нет, это не вам.
 Это тем, кто крылат – взброшены крылья,
 крыло за крыло – и ещё – и ещё –
 миллионы трепещущих крыльев.

Это тем, кто крылат, этот гимн –
на гранях хребтов и на снежных отрогах.
Эта песня не вам, смиренномудрые девы.
Вы зажгли семь светильников, но он не придёт,
ваш жених,
и брачное платье истлеет, как истлел он во гробе.
И ноги ему не омыть волосами в виссоне и мирре.
Не придёт ваш жених.
Ибо музыка мира – в симфонии диких лавин,
сотрясающих ленту долины,
изумрудную ленту в золотистой косе,
где свирель пастуха и дымок над жилищем,
и хмельной хоровод босоног.
Ваши ноги босые, смиренные девы, в холодной росе,
и жених не придет к вам.
Зачем же в глазах этих синь васильков
и надежды печали и веселье смиренья –
о смиренно-сердечные –
это музыка ветра, это ропот ущелий,
это бешеный наскок лавин, низвергающих глыбы,
это блеск ледников меж серебристо-холодных ущелий.
Эта песня не вам, белоризные девы в смиренных
сандалях – эта песня не к вам
изломанным телом, чашечкой ландыша,
запрокинутой ниц.
Эта песня не вам.

5

Не звон колокольный, не ладан кадил этот гимн, –
это тем, кто крылат, чернокрылый,
в оранжевом блике, меж крутых ледников и превыше.
Эта песня не вам.
Ах! – Не он ли восстал, сотрясая устои изломанным
телом, не он ли, восставший,

грыз свои руки в чёрном ущелье и растил свою
гордую силу.

Мимо, мимо, склонившие шею, упавшие ниц на колени.
Это музыка ветра, это ропот ущелий –
не звон колокольный, не акафист молитвы,
не встречная песня: «Се жених ваш грядёт по обету!» –
Нет! – крылатое бремя и тяжесть лавин меж отрогов,
и закушены губы и кровь на губах.

(Зачёркнуто:

Больше знает червонный валет в поножевой расправе,
чем молитвенник лбом на полу пред святым алтарем.
Больше каторжник бритоголовый, чем
святой чудотворец, чем святой чудотворец во имя Христа.
Заглянувшие в сумерки духа, где в углах паутина,
где отчаянье тихо скребётся, как робкая тишь –
это праведный путь отягчённой прозрением муки,
это плечи, хрустящие болью носимых бремен. – Г.И.).

6

Кто стучит в мою дверь?
Кто принёс мне кошницу цветов благовонных?
Кто весну вплёл в златистую песню
и босыми ногами – по ранней росе?
Это ты, моя радость, легконогая дева,
В уборе янтарные зори алмазней алмазов,
это песня твоя на пороге
и пальцы твои легковейные в дверь: «Отвори», –
как дыханье цветов, как плеск ручейков златокосых,
словно ты, златокосая,
мне принесшая рано кошницу цветов в изумрудной росе.
Кто стучит в мою дверь?
Это ты, облачённая в пурпур прозрачный
и в дыханье весны ароматной, и в цветенье цветов.
Ах! – подожди, подожди!

Не пришло ещё время, и замкнут запор, и окна закрыты –
Это музыка ветра, это ропот ущелий,
это бешеный грохот лавин –
колыбельною песней, трубой боевой,
похоронным прощаньем –
эта песня по крыше кружит, замечает порог и окутала окна.
Подожди! Подожди! Не пришло ещё время,
и не мне эта песня весны,
золотистые косы, и цветы на ладонях, и пурпур
прозрачный, и улыбка ручьёв золотых.

Эта песня не мне! –
Зазнобишь свои ноги босые, и выстудишь грудь
и крылатые пальцы, розовой голубей в заревом озаренье,
золотистой гроздей винограда.
Нет – не мне твоя песня – не мне.
Слышишь: это музыка ветра, это ропот ущелий,
это бешеный наскок лавин по крыше
замечают порог мой, шуршат, овевают морозом.
Уходи! Уходи! – не пришло ещё время.
Ледяною корою покрывается песня твоя,
и цветы упадут у порога –
у порога, где ветер крылат и отзвуки лавин.
Уходи!

7

Встань и пройди, о душа моя,
встань и пройди –
по городам, где грохот и рокот толп поспешающих,
шелестящих, шумящих,
где цокот подков, гром колёс, и свистки, и рычанье,
миллионы звуков дневной суеты и разврата ночного, -
по площадям, где купля-продажа, торг, переторг и обман –
товары и золото жёлтой струёй по сердцам и карманам,
по прилавкам, и вывескам, по аршинам и лотам,
по мерам, весам и обманам, –

встань и пройди:

дома стоэтажные взгромождены безысходно, бетон и железо,
и окна, и окна и двери приглушенным зовом –
по городам – по петлям железных дорог,
по мостам, перекинутым мёртво,
по вокзалам – ночью и днём приход и отход,
и свистки в электрическом свете под крышей стеклянной,
коробки, изрыгающие кишеньные существа торопливых, –
по городам, где бульвары и скверы косматой змеёй,
где притоны разврата, где тайная помощь роженицам –
где вертепы, притоны и тюрьмы, больницы и крик нищеты –
где сифилис в крупных брильянтах
(цилиндр набекрень) на шинах надутых
с дивой, запудрившей синюю сыпь.

Встань и пройди, о душа моя, и услышь и увидь, о душа моя.
Кинематограф.

Пот и дыханье, пронзённое жарким желаньем.

На полотне над девическим телом склонённый скопец.

Ножевая расправа. Кровь и убийство.

И вот в кружевах раскалённых

юбку за юбкою прочь перед желаньем толпы,

голые ляжки губам, раскалённым приливом.

Здесь на бульварах под шляпой широкой, чадя папиросой,

взад и вперед по асфальту, облитому семенем,

с хриплым призывом: «Красавчик, пойдём».

В одиночку и парой.

Нос свой в кашне углубив, сутенёр:

руки в карманы, где нож наготове под рёбра –

и прочь чёрная кровь и дыхание смрадное.

Здесь на асфальте.

Встань и пройди, и душа моя – встань и пройди.

В игорном притоне,

пальцы в перстнях и цепочка чрез жирный живот,

и сигара в оплывших губах и в зубах золотых –

бугорчато налитыми пальцами деньги и жизни –

ва-банк! – от себя и к себе –
господин азарта и бытия многих и многих существ.
А они по кварталам, где вопль нищеты, скрежет голодных –
завтрашний день, о завтрашний день, что-то готовит –
бледные щёки, глаза отблеставшие и морщин письма.
В лачугах темень и холод, грязь и отчаянье,
выкрик нужды и покорно согнутые спины –
гробик ребёнку и ужин отцу.
Корпуса, потрясенье зыком машин и ремней приводных,
потрясённые паром,
в лязге железа, в расплаве металлов и в угольной пыли,
трубы упёршие в облака, в копоты дыма.

8

Встань, о душа моя, встань и пройди.
(Не хотите ль – зачёркнуто. – Г.И.) Хочешь. Тюрьма.
Безобразные лица. Позорное платье.
Звяканье тяжких ключей. И надсмотрщик свирепый.
И во льдах отраженье пожаров, убийств и насилий.
Шагай же, душа моя, – ну, не бледней.
Больница. Смерть по кроватям.
В мертвецкой вши по раздетому трупу, добыче столов,
где ножами вскрыты и сердце и девичий стыд,
и волокна тоски, и клетки печали, и радость, и жизнь, –
всё под ножом остроzubым.
Иди, не бледней. Иди, не бледней, о душа моя, встань и иди.
А видала ль ты рудники закачавшихся душ,
где в чёрных распилах,
где в лабиринте бессветном золото тёмных желаний,
видела ль ты –
шахты полуночных мыслей, отчаяньем полных,
штольни ярости, скованной статью
тяжелее жерновов стопудовых Самсона –
где океан пробегают, дымя, пароходы,

кабель натянут над дном океана,
над бегом акулы и цветеньем медузы,
над тайной воды, –
и в воздухе, видишь, крылья простёрты и бьётся мотор, –
по степям, по чёрным отрогам, равнинам и склонам
миллиарды существ, тьмы тел, без числа и без счета, –
во льдах, в раскалённых песках, под тропическим небом, –
север, и юг, и восток, и запад, от края до края –
встань и пройди.

Ужас скривил бескровные губы.

И над всем пустота – пустота – тёмно-синяя.

По окопам, где смерть наворочала груды на груды –
руки и ноги – и рёбер каркасы, разбитые в клочья –
пласты на пласты – мертвецов перемолотых в
лязге –

в лязге и срежете диких огней и свинца –

где кровь по колена и земля пересыщена:

больше не пьёт она крови –

по колена стоит эта кровь над разгромом полей,

над разбитыми кровлями, над кирпичом колоколен,

над лесом, где срезал свинцовый прилив.

Вихрь разгулявшейся стали –

над столами, где режут и крошат разбитое мясо –

стон, и хлип, и отчаянны вопли, и скрежет зубов –

по траншеям, где шеи сворочены набок

и в острых колючках проволок бьются тела,

словно мухи в тугой паутине, –

где смиренье твоё?

где светильники ваши, смиренные девы?

и жених ваш истлел, как истлеют и брачные белые ризы –

по окопам тоски, по траншеям печали,

по отчаянным лазам, где трупные розы,

аромат разложения и смерти.

Встань и пройди!

о встань и пройди!

Тем, кто смерть возлюбил, как сестру,
в материнские губы целуя.

Тем, кто смерть возлюбил, и откликнулась смерть и пришла –
приплыла на ладье острогрудой, золотой, чернобокой ладье –
проплыла по молчанью и звукам –
фосфорическим бегом огней,
языками черноватого пламени, в танце нежгущих огней.

Тем, кто смерть целовал в лиловатые
губы, холодком овевая златистую песнь.

Тем, кто смерть возлюбил в целованье –
эта песня моя, этот гимн и привет.

РГАЛИ. Ф. 2255. Оп. 1. Ед. хр. 6, 7, 8

Из рукописного сборника «Белена»

Тверская

Фонарь, в разврате пожелтевший,
Моноклем колет на углу.
И день, вином перегоревший,
В постельную влипает мглу.
Не звёзды – сыпь на лбу больного.
Не ночь – мучительный альков.
И возле Пушкина слепого
Прибой вспотевших плотью снов.
И от театра до кофейни,
В асфальт, растленный до утра,
Наштукатуренная фея,
Закинув юбки, ты легла.
Ты взором горло перехватишь,
Ты сдавишь сердце в красный ком,

Привычный трепет – мягче ваты
И плеч, излизанных мешком.
Так боль, познавшую восторги
На мостовой, в гнилье афиш,
Ты за хрустящую пятёрку
Охрипшим телом утолишь.

22/ХП.19

Из-за бездушных губ ты острыми зубами
Вгрызлась в мои мечты, как разъярённый волк.
Ты мнёшь их хрупкость жёсткими ногами,
И душит их волос неумолимый шёлк.
И я – простерт, как труп (иль это только снится?),
Отравленную кровь роняю, чуть дыша.
Ну что ж... Ещё теперь ты стала бы гордиться
Своею вознесённостью, душа?

16/П-20

Из ран ночных сочится гноем страсть.
Терзай, терзай – твоя сегодня власть,
О ведьма рыжая с зелёными глазами.
По хриплым клавишам костлявой пятернёй
Ударил тот, кого в ночи с тобой
Назвать страшимся мы набухшими губами.
Да. Это он в промозглом кабаре
Поношенным тапёром на заре
Манишкой к роялю наклонился
И под разнузданный и купленный матчишл,
Меж пятен фотографий и афиш
Неслышно за подмостками смеялся.
Змеится он в багровых волосах,

В браслетах на напудренных ногах,
Меж пахнущими серою стенами.
Терзай, терзай – в горячий тигель пасть,
О, ведьма рыжая с зелёными глазами.

На красный холм любви приговорённой,
Где чёрный лебедь, шею выгибая,
Проклюнет нежность верную насквозь...
Вот – хлеб причастия, но в голубое лоно
Заря взвила сердец кровавых гроздь –
Зелёный щебень трав окаменевших.
Чу! Звон косы и заступа удар.
Свинцовый пепел бдений отгоревших,
Поблекших уст прилипчивый угар.
С отчаянья к тебе вздымаю руки.
Тебя зарёй овеял ветерок?
Ах, Бог иль Дьявол мучат так жестоко,
И, не дорезавши, оставили хрипеть.
Стрелой рубиновой Всевидящее Око
Кольнуло мрак – и начал пепел петь.

4/Ш-20

Последняя гостья

Десять тёмных цветов ты положишь
на лоб истомлённый,
Десять сумерек – пальцев – забвеньё струится
из них.
Ничего не спрошу. И не жаль. Вот упали ладони,
Опустились ресницы. Навеки затих.
Десять траурных роз. Этот странный
веночек похищенья

Тогда, человек,
из глубины отчаяния
Воззови:
Боже мой! Боже мой! Зачем оставил
меня.

5/XII-20

**Из рукописных сборников
«Звёздные ресницы» и «Белое пламя»**

**Звенящая трава, поющий камень,
Невнятная листва...**
Ты приникал ли пересохшими устами
К покровам Божества?
В святой ночи ты расторгал ли звенья
Мучительных оков?
Ты слушал ли, о слушал дуновение
Хрустальных ручейков?
О брат слепой! Ты бродишь возле тайны,
Но очи ты закрыл.
Смотри, какой огонь необычайный
Безмолвье ночи вдруг опламенил.

**Из рукописного сборника
«Смерть в виссоне»**

**Чёрный голубь по линиям смуглой ладони,
Утро в шёлке пурпуровом –
кобальта труп.
Знать, что женские губы отныне не тронут
Бледногубой отравой ужаленных губ.**

Что под парусом розовым отрок и
кормчий
По сиреневым всплескам
коралловых
рек,
Из янтарных предплечий всё громче
и громче
Обагрённый Profundis – капризный
Шопен.
Что китайские тени по
векам синелью,
О Це-и, о цикадах, о
гонге погонь –
И Це – Сад, искривясь
над постелью,
Кровяные рубцы в остро-синий
огонь...
Пусть отчаяньем плачут
подъятые трубы
На одетый в багрянец утра
тлеющий труп –
Знать, что больше не тронут
в любимые губы
Черногубой отравой измученных губ.

Изящней Уайльда, беспутней Верлена.

Золотых подвязок вкус резеды.

Лилово-розовые почки сквозь кремовые

колена –

Выкрученные по спирали цветы.

Мускусных полушарий кальян

сине-чёрный,

Передничек Евы на потерянный

стыд.

Полновесные янтарные зёрна,
Хвостатые всадники – вперед! – на
щиты.
Терракотовая болячка в шёлковой
обёртке
Юбок, кружев, панталон и порока.
На живот, ароматнее апельсинной
корки, –
Постные чресла пророка.
Плыви по красным волнам океана,
Судорогой сцепленное Голгофское «ха»,
Пятнистым питоном кальяна
Завязанное в узел тело греха.

РГАЛИ. Ф. 1336 Собрание альбомов.

Оп. 1. Ед. хр. 36. Л. 76.

Автограф в альбом Н.Н. Минаева

Благоухание познания – ядовито,
У мудрости – окровавленный взгляд.
Чья мысль игольчатым крылом ея покрыта,
Тот не придёт назад.
Померкнет солнце, капля жёлтой мути,
Как пятна чёрные пристынет звездный клир,
И в поступи окоченевшей жути
Он не узнает помертвевший мир.
Ворвется явь в его покой угрюмый,
Людских сует багровый хоровод.
Под сердца каменные шумы,
Как мир, он человека отметёт.
Узнает он, что всё, как сон, истает,
Любовь – косы слепящий вскрик,

Что подвиг – ложь, и жизни жизнь не стоит,
И тело – склеп, и узник в нём поник.
Возжадет смерти он, кровавый стон глотая,
Устав немое пенье хоронить,
На остром гребне ледяного края.
И вечный сон его – молчанье осенит.

25/У-21 В. Кисин

Борис Кисин

«Эту ль жизнь поместить на плечах...»

«Эту ль жизнь поместить на плечах...»

Борис Моисеевич Кисин.

Поэт, художник, педагог, полиграфист, искусствовед

15 (27) июня 1899 – 8 ноября 1986

*Борис Кисин. Фото.
РГАЛИ. 681,1,1104.*

«По метрической книге о родившихся по гор. Рязани
евреях за 1899 год под № 9 мужской графы значится, что у
мещанина гор. Витебска Мовши Израилева Кисина от жены

его Хаи-Сары Шоломовой родился в гор.Рязани сын пятнадцатого июня тысяча восемьсот девяносто девятого года, нареченный по обряду Иудейской религии именем Бер. В сем подписью с приложением печати удостоверяю Раввин гор. г.Тулы и Рязани апр.19 дня 1901 г.»¹.

«Над кроватью клонилаь мама.
Маломещанская. Дом Соколова.
Против трёхкоконного дома –
Страшный разбойный пустырь.
Над пустырём – оловянная ширь...», –

это «первый образ дома» в стихах его старшего брата Вениамина Кисина.

В доме Соколова Кисины жили до 1905 года. В этом доме прошло детство Вениамина и Бориса Кисиных.

В 1905 году вся семья пережила погром дикий и беспощадный только за то, что они евреи. (Фамилия «Кисин» – № 39 в одном из списков «Дела об ассигновании средств на выдачу пособий евреям, пострадавшим от погрома 23-24 октября 1905 г.»).² Моисей Соломонович Кисин отказался от пособия в пользу беднейших³. Ущерб был огромный, но был далеко не полностью возмещён, а погромщики не были наказаны. По счастью, жертв среди евреев не было, так как погром начался не с квартир, а с магазинов, им принадлежавшим. К чести города, нашлись в Рязани люди, приютившие их в своих домах во время и после погрома. Вениамину Кисину было восемь лет, Борису – шесть годиков. «Пух и осколки в развороченной нашей квартире»⁴, – вспоминал позднее Борис Кисин. («<...> Как это при одинаковости рук и ног и общности языка и привычек можно быть не тем, что все, и притом чем-то таким, что нравится немногим и чего не любят? <...> если ты хуже других, ты не можешь приложить усилий, чтобы исправиться и стать лучше. Что значит быть евреем? Для чего это существует? Чем вознаграждается или оправдывается

этот безоружный вызов, ничего не приносящий, кроме горя? <...> Этот праздник, это избавление от чертовщины посредственности, этот взлёт над скудоумием будней – всё это родилось на их земле, говорило на их языке и принадлежало к их племени. <...> В чьих выгодах это добровольное мученичество, кому нужно, чтобы веками покрывалось осмеянием и истекало кровью столько ни в чём не повинных стариков, женщин и детей, таких тонких и способных к добру и сердечному общению! <...> Отчего не сказали: <...> Вы первые и лучшие христиане мира. Вы именно то, чему вас противопоставляли самые худшие и слабые из вас», – писал Борис Пастернак в своей великой книге «Доктор Живаго»).

Глава семейства Моисей Соломонович Кисин, по профессии столяр, приехал в Рязань из Витебска⁵ в 1893 году⁶.

4 января 1897 года (до рождения Вениамина в год его рождения) домовладелец города Рязани канцелярский служащий Василий Иванович Говоров подаёт заявление в Рязанское городское по квартирному налогу Присутствие с указанием проживающего в его доме, находящемся на улице Маломещанской, где он проживает и сам, «квартиранта» «цехового» Моисея Соломоновича Кисина.⁷ До рождения Бориса в год его рождения, Моисей Соломонович был «цеховым», «квартирантом» домовладельца Говорова Василия Ивановича в доме на улице Маломещанской и в январе 1899 года.⁸

Позднее Моисей Соломонович Кисин был квартирантом дома купца Ефима Петровича Соколова на Маломещанской (заявление домовладельца от 4 января 1901 года)⁹. Этот «первый образ дома» запечатлён в стихах Вениамина Кисина.

10 февраля 1907 года М.С. Кисину была выдана бессрочная паспортная книжка за № 37, а 21 декабря 1910 года – купеческое 1-й гильдии свидетельство за № 39. В списках евреев, проживающих в Рязани в 1912 году, указано, что Моисей Соломонович Кисин был владельцем дровяного склада, указан и его возраст – 44 года, возраст его жены Хай-Сары Соломо-

новны – 32 года, детей: Розалии – 15 лет, Вениамина – 13, Бориса – 11 лет и Самуила – 9¹⁰. (По дате рождения Вениамина в Аттестате об окончании гимназии и в его биографиях, записанных Борисом, и по дате рождения Бориса Кисина в копии свидетельства о рождении их возраст не совпадает с указанным в этом списке: в 1912 году Вениамину было 15 лет, Борису – 13 лет).¹¹

В фондах Рязанского историко-краеведческого музея-заповедника хранится фотография, датируемая примерно 1908 годом, его четверых детей, переданная вместе с другими документами, касающимися Кисиных, Борисом Моисеевичем Кисиным.¹²

*Слева направо: Вениамин, Самуил, Борис, Розалия.
Фото.*

В Рязани до последних дней жили и похоронены Моисей Кисин, Розалия и Самуил¹³.

Моисей Соломонович Кисин арендовал у Бориса Михайловича Петрово-Соловово «Дом, часть конюшни с жилым помещением и Двор для склада дров» «без отопления, без мебели». ¹⁴ В «Рязанском вестнике» № 37 от 8 февраля 1907 года помещено первое объявление М.Кисина об открытии дровяного склада. Повторено ещё в 17-ти номерах. А 4 октября 1907 года «Рязанский вестник» пишет: «На дровяном складе Кисина (Театральная ул., усадьба Петрово-Соловово) в продаже древесный уголь четвертями и получетвертями в кулях». ¹⁵

Собственного дома у Кисиных не было, они были квартиронанимателями домов Говорова, Соколова, Рябова, Асташёвой, Кедрова, Харина, Шевченко.

В Заявлениях домовладельцев Говорова и Соколова по улице Маломещанской от 4 января 1897 года накануне рождения Вениамина и от 4 января 1899 года накануне рождения Бориса – квартиронаниматель М.С.Кисин, а в заявлении Ивана Васильевича Кедрова в Рязанское городское по квартирному налогу Присутствие по дому на Почтовой улице от 5 января 1917 года – «квартирант № 10» Шоломова Хайя Соломоновна. «Мещанка». ¹⁶

Дома были в основном деревянные, сохранились два дома – памятника архитектуры на улице Соборной № 8 и № 13.

А.В. Беляков (профессор, доктор наук, генерал-лейтенант авиации Герой Советского Союза, участник в качестве штурмана – командир В.П.Чкалов – беспересадочных перелётов через Северный Ледовитый океан и Северный полюс, участник Гражданской войны в дивизии под командованием В.И. Чапаева и Великой отечественной войны) написал воспоминания о старшем брате Бориса Вениамине Кисине, с которым он все восемь лет учёбы в Рязанской 1-й мужской гимназии сидел за одной партой и который единственный из класса получил по окончании гимназии золотую медаль. Александр Беляков писал о семье своего «дорогого незабвенного друга»: «...Я бывал у него

дома. Познакомился с очень скромными родителями, его сестрой и братьями. В этой семье не было ссор, ни грубых слов, ни пустого времяпрепровождения. Обстановка была трудовая, среди книг, в мечтах о счастливом и интересном будущем...».¹⁷

Младший брат Кисиных Вениамина и Бориса Самуил с 1911 года тоже учился в Рязанской 1-й мужской гимназии.¹⁸ А после окончания гимназии – в Рязанском институте народного образования.¹⁹

Борис Кисин учился в частной Рязанской мужской гимназии Н.Н. Зелятрова с 1910 по 1917 годы, при переходах в каждый следующий класс получая Похвальные листы за хорошие и отличные успехи и отличное поведение. Рисование в гимназии преподавал С.А. Пырсин.²⁰

Служил в Губернском Наркомпросе заведующим складом теневых картин в 1918 году.

Учился и был лаборантом изо-мастерской для рабочих и учащейся молодёжи в Клубе союза строительных рабочих Н.С. Трошина, которую его талантливые ученики называли «Лабораторией живописи».

В Личном деле студента полиграфического факультета Кисина Бориса Моисеевича – его фотография, его заявление в Московские Высшие Государственные художественные мастерские: «...Прошу принять на печатно-графический факультет... 15 авг. 1922 г. Борис Кисин»²¹, – и подлинники и копии документов, удостоверений, справок, заявлений о его работе и образовании до поступления во ВХУТЕМАС:

С 1 января 1920 года по 15 августа 1921 года учился в Красноармейской художественной студии при Гарнизонном клубе. Художественной студией руководил «известнейший художник Филипп Андреевич Малявин, после его отъезда за границу руководство перешло к Михаилу Герасимовичу Кирсанову»²², который при Малявине был его заместителем. Борис Кисин был председателем комитета учащихся Художественной студии. «Получил подготовку на звание художника-инструктора»;

«Удостоверение Рязанского губернского гарнизонного Красноармейского Клуба от 18 февраля 1921 года. Дано сие ученику художественной студии тов. Кисину в том, что со стороны клуба не встречается препятствия к посещению им Кисиним по воскресенья и праздничным дням Саженовского сельскохозяйственного училища для организации в нём художественного кружка учащихся»;

«Саженовское училище (садоводства) 19 марта 1921 просит отпустить один раз в неделю еженедельно художника Бориса Кисина для преподавания рисования в названном профессионально-техническом училище»;

«Состоял на службе в Гарнизонном клубе с 15 августа по 15 ноября 1921 года в должности художника-декоратора и исполнял свои обязанности добросовестно и аккуратно»;

Состоял на службе в Рязанском районном комитете Всероссийского союза работников водного транспорта (культурно-просветительский отдел) и занимал «должность декоратора театра им. Свердлова» – справка от 31 октября 1921 года.²³

Борис Кисин учился в Рязанском институте народного образования на факультете естествознания.²⁴ «67. Кисин Борис Моисеевич зарегистрирован на естественно-историческом факультете».²⁵ И в этом же фонде и этой описи и ед. хранения: «36. Кисин Борис Моисеевич № билета 9» в списке преподавателя высшей математики естественно-исторического факультета РИНО.

После окончания Художественной студии с 1922 года по 1929-й учился на печатно-графическом факультете ВХУТЕМАСа (ВХУТЕИНа. – в 1927 году переименован) в мастерской В.А. Фаворского. «Принять в Высшие художественные мастерские на печатный факультет».²⁶ В Зачётной книжке 283 – зачёркнуто или подчеркнуто – 832 студента II курса Кисина Бориса Моисеевича (1923-24 учебный год) написано: «ф-т графический»; «Проверено и оставлен во ВХУТЕМАСе. 15/У 24».²⁷

Во время обучения во ВХУТЕМАСе в 1923 году Борис Кисин написал пьесу «Мистерия. Уф-ф...ф», которая «была

популярна на графическом факультете ВХУТЕМАСа в списках. По просьбе Владимира Андреевича Фаворского» Борис Кисин «переписал её для него». Действующие лица – преподаватели, сотрудники и студенты факультета (в том числе В. Фаворский, А. Родченко, П. Флоренский, М. Вольпин, А. Гончаров, Аксельрод, Кисин, Рындин, Соловейчик, Туганов, Тютчева...).²⁸

Борис Кисин получил профессиональное художественное образование. Он был участником и художественных, и литературных объединений Рязани.

Его поэтическое творчество «рождено и возвращено», как он сам писал, его братом. «Писать начал с 14 лет. Выступил впервые как поэт в 21 под псевдонимом Бориса Кевера»²⁹. «Кевер» на языке Иврит (так в тексте) означает «могила», указывает на мрачный характер творчества поэта»³⁰.

Вениамин Кисин был секретарём созданного им в Рязани в 1920 году первого отделения Всероссийского союза поэтов. Он издаёт целый ряд сборников стихов рязанских и московских поэтов Рязанского отделения ВСП, в том числе своих, Бориса Кисина (Кевера), Бориса Пастернака, Рюрика Ивнева, Павла Радимова, Ивана Белоусова, Александра Кусикова..:

«Голгофа строф», 1920;

«Коралловый корабль», 1921, «Обложка сработана в лаборатории живописи Трошина лаборантом Бор. Кисиным»;

«Киноварь», 1921;

«Сегодня», 1921, обложка Григория Тиходеева;

«Плетень», Петровск Саратовской губ., 1921;

Вениамин Кисин. «Багряница», 1922.

Подготовил к изданию коллективный сборник «Огненный лебедь».

В 1922 году выходит сборник «Из недр земли»³¹, где Вениамин Кисин публикует свою поэму «Предбанник (Искус)» с посвящением «М.Г. (так в рукописи, в публикациях «М.Е.») Когану – пестуну, учителю и другу»³² под рубрикой «люминисты». Борис Кисин (Борис Кевер) в этом сборнике,

где представлены поэты и писатели различных литературных объединений, примыкает к поэтам направления «вне групп».

Вместе с братом Вениамин Кисин издавал ещё и рукописные сборники, в которых их стихи написаны от руки Вениамином, как в сборнике «Мандрагора», а Борис иллюстрировал и оформлял эти редчайшие драгоценности, проросшие талантами их авторов:

Кисин В., Кевер Б. Мандрагора. Стихи. Рукописный сборник. Рязань: 1921. Рис. Б. Кисина и Г.Туганова³³;

«Калейдоскоп». «Словопись – Вениамина Кисина, цветопись Бориса Кисина». Рукопись. Рязань, 1921.³⁴

В августе 1921 года вышел первый номер рукописного журнала «Полишинель» («журнал неперидический», «издание декоративной мастерской») ³⁵, в котором было заявлено участие поэтов: В. Кисина, Д. Майзельса, Т. Мачтета, Рабиндраната Тагора, Рабиндраната Иконникова и др.; художников: Маэстро [Нестерова], Агасфера [Б. Кисина], До-ре-ми [Туганова], Ре-ми [Ремизова] и др.

*Рисунок Бориса Кисина в журнале «Полишинель».³⁶
Художники Борис Кисин, Павел Нестеров, Георгий Туганов.
Рязань, 1921 г.*

Рабиндранат Иконников – поэт, музыкант Николай Николаевич Иконников, лично знакомый и близкий по творчеству (в РО ВСП и ДИ) всем участникам журнала.

Ремизов [Ре-Ми] – художник Ремизов-Васильев Николай Владимирович (псевдоним Ре-Ми), близкий по творчеству участникам журнала и, возможно, лично знакомый Дмитрия (Давида) Майзельса по Петербургу.

Рабиндранат Тагор – великий философ, великий поэт, очень близкий и Кисиным, и Майзельсу. К тому же, его ранний псевдоним – Солнечный Лев.

И Ремизов, и Тагор были вполне доступны для участия в журнале в то время и по переписке, и по известным в России их работам.

Эпиграф из Гоголя: «Смех значительней и глубже, чем думают... Возмущает только то, что мрачно, а смех светел... Кто льёт часто душевные, глубокие слёзы, тот, кажется, больше всех смеётся на свете!». (Как не засмеяться, а потом загрустить, всего лишь только взглянув на листок на рисунке Бориса Кисина: «Красный зал...Пирог», – в этот голодный до людоедства в буквальном смысле слова 21-й год).

На 1 странице – Александр Блок, рис. До-ре-ми.
На обороте этой страницы:

«Памяти Александра Блока

Нет Александра Блока.

Пусто и гулко на свете.

Прекрасная Дама, смуглолицая Цыганка, разухабистая плясовица Солдатка – поникшие тени на берегу огранённой Невы.

Россия зегзицею кычет на берегу туманной Непрядвы, словно перед Куликовым полем.

Тонким пальцам не низать жемчуга стихов на тонкие нити сердец – синий ладан гибкотелою змейкой вокруг золота печальных свечей.

Кому возместить потерю: –
Нет Александра Блока!
Для кого сойдёт Христос на изумрудную траву заростающих улиц Петрограда?
Чёрная хмара широкими крыльями плёсов Поволжья –
чёрный набат с берегов полночной Невы. Чёрным сургу-
чём, чёрным:
умер Александр Блок.
Умер».

«Эта чёрная музыка» теперь уже не «Блока» (как писал о поэте в своём стихотворении Георгий Иванов), а всех участников журнала, разве что за исключением Тараса Мачтета (запись в его дневнике я не смогла бы переписать, даже если бы это кому-нибудь было необходимо). Сам текст так написать мог Вениамин Кисин: это соответствие «словесной походке» его стиха, и даже в знаках препинания – он. В тексте есть переключки и с творчеством Бориса Кисина. Но каждому так «пусто и гулко» от этой «потери».

Этим текстом прежде всего оправдано заявление: «Редакция надеется, что наш журнал займёт не последнее место в истории русской литературы».

Под обращением редакции: «Всех читающих «Полишинель» просим расписаться», – подпись «М. Кисин» – отец, воспитавший таких сыновей.

В журнале – стихотворения Вениамина Кисина («Полишинель»), Дмитрия Майзельса («Рязань» Григорию Тиходееву), Бориса Кисина («Завет лаборантам-трошинцам студента Агасфера»).

Борис Кисин в иронично-юмористической форме в этом стихотворении и в «Истории декмаса» упоминает преподавателей Калиниченко, Куриленко, Фесенко, Кирсанова. В своих воспоминаниях руководитель Лаборатории живописи Николай Трошин рассказывает, что «Гимн художников-трошинцев» его талантливые ученики разучивали, чтобы

спеть ему: «В этом гимне, несмотря на шуточный с юмором тон, в общем были выражены наши творческие устремления, наш творческий задор, наш спартаковский образ жизни».³⁷

18 августа 1921 года Художественная студия прекратила своё существование – об этом обещание напечатать в следующем номере.

Всего было выпущено два номера журнала «Полишинель».³⁸

Вениамин Кисин приглашает в Рязань на выступления со стихами и на участие в коллективных сборниках Сергея Есенина, Бориса Пастернака, Павла Радимова, Александра Кусикова, Вадима Шершеневича...

Приезжали Пастернак, Пильняк, Радимов, Рюрик Ивнев, собирались приехать Есенин, Кусиков и Шершеневич.

31 августа 1919 года состоялось первое организационное собрание инициативной группы Рязанского Дома искусств³⁹, Вениамин Кисин руководит его поэтической секцией.

Борис Кисин писал в своих воспоминаниях: «Центром культурной жизни Рязани стал «Дом искусств». Заведовал им Яков Францевич Симонс, преподаватель математики, любитель литературы, искусства». Балетной студией «руководила Татьяна Александровна Иванова, ставшая впоследствии исследователем творчества М.Ю.Лермонтова». Выступали будущие известные литераторы Анатолий Шишко и Степан Злобин, художник Г. Тиходеев, Вадим Рындин, ставший главным художником Большого театра, Народным художником СССР, поэт Сергей Оленин – псевдоним Сергея Александровича Ценина. «У Серёжи дома часто собирались молодые поэты. Тускло горит керосиновая лампа. Тлеют угли в печке. Мы лакомимся испечённой на них картошкой и читаем свои стихи. В Доме искусств слушали не только местных литераторов, но и Б. Пастернака и Б. Пильняка».⁴⁰

В письме к рязанскому краеведу Дмитрию Коновалову Борис Кисин прислал свои воспоминания о центре культурной жизни Рязани начала 20-х годов – Доме искусств, о его

вдохновенных участниках – поэтах, художниках, актёрах, музыкантах, прозаиках; о встречах рязанских поэтов не только в Доме искусств, но и в доме А.В. Селиванова у Сергея Ценина:

«...Среди деятельных работников Дома искусств были будущий народный художник СССР, главный художник Большого театра В.Ф. Рындин, в его работе принимал участие художник-передвижник Я.Я. Калиниченко, выступали актёры, музыканты, прозаики, поэты.

Бывал здесь и будущий известный писатель Степан Злобин и гости – столичные литераторы.

Молодые рязанские поэты встречались не только в Доме искусств. Нередко мы собирались у Сергея Ценина. Тускло горела керосиновая лампа, тлели угли в печке. Мы угощались испечённой на них картошкой и читали свои стихи. Читал их и Сергей. Впоследствии он стал солистом музыкального театра, носящего имени народных артистов СССР К.С.Станиславского и В.И. Немировича-Данченко. Кроме того, Ценина знают как талантливоего литератора – его перу принадлежат либретто опер «Семья Тараса» и «Никита Вершинин» Д. Кабалевского и «Фрол Скобеев» Тихона Хренникова и др.»⁴¹.

С.А. Ценин окончил Рязанскую мужскую гимназию Н.Н. Зелятрова. В 1922-23 годах учился в Рязанском институте народного образования⁴². В 1918 году «сдружился с семьёй Ф.А. Малявина, жившего в то время в Рязани. В Художественной студии, которой он руководил, ...постигал основы изобразительного искусства. Мечтал стать художником-декоратором, а стал певцом»⁴³. Окончил Музыкальный техникум им. Гнесиных в Москве. Оперный певец, либреттист, лауреат Сталинской премии, Заслуженный артист РСФСР.

В письме зав. фондами Рязанского краеведческого музея Е.И. Егоровой Б.М. Кисин пишет: «Я очень рад, что в музее помещены материалы о моём брате. Мечтаю осенью побывать в Рязани и посетить могилки отца, сестры и брата Са-

муила». «Передайте, пожалуйста, благодарность за привет В. Саввову, О.А. Цениной и Л. Никонову. Передайте им и всем, кто меня помнит, мой самый сердечный привет. Может быть, удастся свидеться».⁴⁴ (В сборниках Рязанского отделения Всероссийского Союза поэтов, подготовленных Вениамином Кисиним, Лев Никонов не участвовал, после гибели Кисина некоторое время был председателем РО ВСП).

Борис Кисин, так же как и Сергей Ценин, в Художественной студии под руководством Ф.А. Малявина постигал основы изобразительного искусства и высоких человеческих отношений.

Борис Кисин хранил рисунки своего учителя Филиппа Андреевича Малявина, и эти рисунки говорят о глубоком уважении и преклонении перед мастером, о тёплых дружеских отношениях особенных, талантливых людей. Передавая в Рязанский краеведческий музей материалы свои и Вениамина Кисина, Борис Кисин писал заведующей фондами музея Евгении Ивановне Егоровой: «Я очень рад, что в музее помещены материалы о моём брате Вениамине». Он предлагал и «два рисунка Ф.А.Малявина: один - свинцовый карандаш, другой – пастелью»: «Эти рисунки хотела приобрести Третьяковская Галерея, но, может быть, целесообразнее иметь их в Рязанском музее?». Теперь они хранятся в Рязанском областном Художественном музее им. И.П.Пожалостина. На одном из этих рисунков – самые дорогие и близкие Малявину: его жена Наталья Николаевна Малявина с дочерью Зоей на руках⁴⁵.

(После отстранения Ф.А.Малявина от создаваемых в Рязани Свободных художественных мастерских и после кражи его картин в его доме и угроз, опасаясь прежде всего за жизни его любимых жены и дочери в России, художник вынужден был жить во Франции).

Эти встречи, это общение, это участие в издании сборников поэтически и художественно – это всё университеты

Бориса Кисина, умевшего впитать знания и умения людей особенных, наделённых высоким даром творчества. Борис Кисин не только получил образование в студиях, объединениях и училищах, о которых мы знаем по документам, – он всю жизнь свою высоко нёс свой дар, которым был наделён от рождения.

В 1921 г. Вениамин Кисин выступает с манифестом литературного течения «Провозвестие люминизма»: «...Наша лирика – это то, что вырубается на граните резцом по броне для передачи векам. Мы пишем вне сегодняшнего дня»⁴⁶; «Мы, группа поэтов, объединённых творческим мироощущением, воспринимаем мир не как сумму разнородных явлений, но как выражение единой сущности, лежащей в основе всего. Мы зовём это сущное Люменом. Lumen. Прорастают глаза через вещи и плывут в осиянности Люмена. Пробиваются через душу и материю. Единый свет выявляется в многообразии форм, и одно из них – стих. <...>. Люминизм для нас не только литературный приём, но и подвиг всей нашей жизни – жизнь по стихам и стихи по жизни»⁴⁷.

«Творчество не может быть общедоступным: слово понято только испытанным в искусстве. Наши стихи и наше дыхание – одно: стихи по жизни – жизнь по стихам. Утренним ветерком веет по травам и душам: – зелёный стебель – солнце – это слово питается <...> внутренне самовозгорающейся и неодолимой динамикой душевной эсхатологии – и образы в нём – живые лики и огневеющее излучение насущного «Оно», раскаленные брызги его пробивались сквозь тяжелые плиты и взлетали к звёздам»⁴⁸.

«Насущное «Оно», LUMEN;
бушующий свет; красно-
крылый вихрь;
багровая грудь
грозовых парусов;
слепительная пена
космических вздыханий,

не это и не то, но
всё во всём и ничто в
ничем, – вот оно,
искрогривое, налетает,
как шквал, на утлое
сознание и по синим и
золотым полям рушащегося горизонта, в вулканической
симфонии, захлёстывает всё.

<...> но у самого надира, за последним пределом, в непроницаемом мраке – уже произрастает, как стебель, свет, и каплют росой зелёные волны, и в осиянном порыве, меж чёрных клочий, лазоревые лилии.

<...> И по огненным ступеням этого вспененного кипящего кровью слова, коралловый корабль наших стихов – с вала на вал, в смертельной схватке с плещущими горами, всё выше и выше – к обвитым зорями вратам, за которыми радостная слиянность звенит золотыми ключами «Оно».

Страшное единоборство с ритмом, сон, мёртвая материя, но из косматых лап зловещей косности уже прорастает сочащийся смолами стебель в вишнёвом цвету стиха..

Раздельные объекты для нас, люминистов, производное психической статики; динамически напряжена душа, исходя из вещи, как из рамы, зачерпывает пригоршнями «Оно» и окропляет им, как живой водой, мёртвую косность вещей и пробивает брешь в безысходном тупике обречённой, тленной и проклятой историчности человечества с его ужасающим самообманом – построить железный мост к воздушному будущему.

<...> мы несём всем насущное, ибо только «Оно» пронизывая всех, связывает всех как избранных, воедино, не механически, не насильственно-мёртвой хваткой, но вечным возвращением к животворящим истокам прорастающего огненными побегами бытия.

Зелёный стебель – солнце.

Знаменосцы люминизма:

поэты: Вениамин Кисин,
Дмитрий Майзельс,
Николай Рещиков». ⁴⁹

В публикации «Провозвестия люминизма», вышедшей в 1924 году, добавлены фамилии Тараса Мачтета и Натальи Кугушевой ⁵⁰.

В статье «Люминизм» в Литературной энциклопедии Борис Кисин называет и себя в числе поэтов, примыкавших к этому литературному течению ⁵¹. И хотя в этой статье Борис Кисин называет люминизм «незначительным» литературным течением, надо учитывать время и конкретные обстоятельства, когда после гибели Вениамина Борис Кисин написал в одном из стихотворений своего неизданного сборника: «Может быть, и меня за углом из револьвера /Для мирового равновесия». Конечно, нельзя было привлекать внимание к тексту «Провозвестия люминизма», где среди мало кому понятных гениальных строчек можно было прочитать, что люминизм несёт «всем насущное», «и окропляет», «как живой водой, мёртвую косность вещей и пробивает брешь в безысходном тупике обречённой, тленной и проклятой историчности человечества с его ужасающим самообманом – построить железный мост к воздушному будущему». Если бы Борис Кисин полагал люминизм незначительным литературным течением, то не ставил бы слова «зелёный стебель – солнце», составляющие суть этого провозвестия, эпиграфом к посмертному сборнику стихов Вениамина Кисина и к своему, отправленному в подарок М. Горькому в Сорренто.

Декларация люминизма, написанная Вениамином Кисиным, не только провозгласила, но и отразила его мироощущение, его стихи бывшие и будущие, и, как писал Борис Кисин о брате, «только преждевременная смерть поэта заставила поблекнуть “зелёный стебель – солнце”».

«В ночь с 11 на 12 апреля Вениамин Кисин был убит бандитами на Владимиро-Долгоруковской улице у подъезда гостиницы «Вулкан». ⁵²

Сам талантливый поэт, художник, искусствовед, полиграфист, педагог, Борис Кисин не мог не понимать, кто его брат, и сделал всё, чтобы достойно профессионально и талантливо увековечить его память, чтобы и современникам и грядущим поколениям искусство Вениамина Кисина стало известно как источник света и тепла и сам «он весь» – как «дитя добра и света».

Смертельную боль от потери брата можно было пережить только с его памятью, с его стихами в своём творчестве. И Борис Кисин издаёт в 1923 году в Москве сборник стихов брата с обложкой и рисунками Г.М. Тиходеева с фотографией В. Кисина, со своей вступительной статьёй и с комментариями ко всем стихам, изданным и неизданным, с эпиграфом из стихотворения Вениамина Кисина из его неизданного сборника:

1. Как преодолеть смерть близкого,
когда навеки закрываются глаза его
и дорогие черты засыпает земля?

2. Вот был он – и нет его,
вот облегчал он страданья твои
любовью своею –
и нет её.

.....

3. Ещё звучит в памяти голос его –
а он в земле.

4. Ещё живёт в боли любовь
его –
а он уже тлеет.

5. Пища червей и разложения,
жертва неведомого и непонятого.
(В. Кисин. «Белое пламя»).⁵³

Тетрадь со стихотворениями, не вошедшими в сборник 1923 года, со своими примечаниями, Борис Кисин оформил для передачи в архив. На обложку наклеено:

«Вениамин Кисин.
Собрание стихотворений
М. 1923
Исключённое»⁵⁴.

Самые близкие друзья Вениамина и Бориса не оставили Бориса Кисина в его горе.

В одном из своих стихотворений Наталья (Таточка, как звал её Вениамин Кисин) Кугушева писала:

«...Наша грусть над чужим стихом –
Это юность была, это – радость.
Милый сверстник, Вы не тоскуйте, –
Эту ль жизнь поместить на плечах.
Догорает устало свеча,
И стихов догорают лоскутья,
Но по-прежнему ясен закат,
И плывёт над старой Рязанью
(Золотое воспоминанье!)
Белых яблонь густой аромат....
Ранней смерти цветком кровавым
Был увенчан наш друг и брат –
Те апрельские дни звучат,
Как зловещая медь литавров.
Но храним мы неугасимый
Звёздный отблеск его стихов,
Где горячую «киноварь» слов
На вершину взнесли серафимы...». ⁵⁵

И почти сразу после гибели Вениамина она записала в альбом Кисина:

«Б. Кисину
Вы тихий, как бывают тихими зори,
Опрокинутые на дно колодца.
Я пишу Вам, Боря,
Что надо любить и бороться.

Лапы тягучей и старой Рязани
Над головою мученическим ореолом,
А в мутные стёкла робко влезает
Выжитых дней переплавленное олово. <...>.
31 мая 1922 года. Москва». ⁵⁶

Дмитрий Майзельс, переживая убийство Вениамина Кисина, «вечностью мерцающую» его «застреленную музу», написал стихотворение «Памяти Вени», в безысходности горя обвиняя весь Божий свет:

«Прекратите, ангелы, рыжую солнца харю,
Божьей святости вонь.
Тушите, факелы, горечью и гарью
Чёрный огонь.
Над мировой сволочью –
Твой убийца Случай.
В голубом и синем сне –
Небо в ночь волчью.
Ты тронул тростник певучий
В последний снег
Или волнами – в сиянье,
В звоны, как звенья,
В так называемый космический хор, –
Ведь не скажут заранее.
А вместе мы шли, Веня,
В лесу певучих стихов.
Слово твоё взмеренное
В узорные зори, в цветные ветра.
Стебель зелёный – в солнечные взоры,
Закатав бронзовые веера.
Секретарь мудро улыбающийся отделения союза,
Увековечивший тягучую Рязань.
Вечностью мерцающая твоя застреленная муза.
Я ничего не сказал». ⁵⁷

После гибели брата Борис Кисин публикует свои стихи и книги под своей фамилией.

Борис Кисин – автор первого отзыва о творчестве Сергея Есенина в Рязани: «В пятницу 1 января в 6 часов вечера в ауд. № 1 Дома коммунистического просвещения состоится вечер памяти Сергея Есенина. С докладом о творчестве Есенина выступит т. Кисин Б. и ряд товарищей прочтут стихи, посвященные памяти поэта. Вход свободный»⁵⁸, – и статьи глубокой и талантливой «Сергей Есенин»: «В Ленинграде трагически окончил жизнь поэт Сергей Есенин. <...>. Красочность, простота и чёткость стиха, его глубокая искренность и задушевность – таковы отличительные черты творчества Есенина. От имажинизма он взял его образность, от символизма – его «окна в вечность». Поэт хотел «опрокинутость неба слить в браке с опрокинутостью земли», хотел и «услышать слова ответные перезвона узловой завязи природы с сущностью человека». И в его лице русская литература понесла крупную потерю – преждевременно ушёл из жизни один из талантливейших поэтов наших дней»⁵⁹.

Борис Кисин участвовал в ряде литературных сборников, в том числе и в сборнике «Памяти Есенина», изданном Всероссийским союзом поэтов в Москве в 1926 году.

В черновике своего автографа – отзыва об этом издании Тарас Мачтет написал: «Из поэтов-рязанцев поместили свои стихи памяти Есенина Б. Кисин и Н. Хориков...».⁶⁰

В своём стихотворении Борис Кисин не просто повторяет поэтические образы всей жизни Сергея Есенина, – он передаёт «расставанье», пережитое только ему свойственным своим стихом. Это стихотворение – «созвучное по тону стихам Есенина», как тонко охарактеризовал его исследователь творчества С.А. Есенина С.И. Зинин:

«Отзвенело сердце буйною тальянкой,
Отзвенело, звонкое, голубым ключом.
Утром стынет озеро ледяными склянками
Под белесым угасающим лучом.

Ластится лисица по тугой пороше,
Умирает пурпуром рябина в синь.
Жалостно волчица воет в роще
Средь ободранных оглоданных осин.
(в публикации: обглоданных оборванных)

Отзвенела молодость кабацкою гитарой.
Разве струнам в сердце вылечить кровяную грусть.
(в публикации: без слов «в сердце»)
Если паровозы, фыркнувшие паром,
Гудом прогудели в избяную Русь.

И в броне бетонной, цепкими руками
Трижды опоясанный маховиком,
(в публикации без запятых)
Город заковал в железо, в камень
Пугачёвской удали кумачёвый ком.

Пастухом кудрявым не свистеть в жалейку.
В земляничных венчиках не шагает Спас,
Только вихрь бензинный в каменных аллеях
И подвал беззубую раскрывает пасть.
(в публикации: открывает)

По ступенькам, ниже. И под мокрым сводом
(в публикации без запятой)
В скрежет граммофонов, в женский визг и смех,
Лаковый башмак кропя кромешной водкой,
Плакать о забытом гомоне застрех.

Слишком широко открылись вежды.
(в публикации: раскрылись)
Ничего не надо, ничего не жаль.
В этом мире грусть даётся нежным,
Листопада горькая, золотая паль.

Мать-земля, любимая! Блудница!
Губ твоих желанная краса.
На межах полынь и медуница,
На черёмухе звенящая роса.

О, земля! Последнее спасибо
За тоску, за радость, за поля,...
За пургу кандальную в осинах,
За весенний шорох в тополях.

Клён роняет в осень алых листьев дождик,
Все мы, все мы в этом мире тлен.
Кто-нибудь из нас повиснет тоже,
Как и ты, в верёвочной петле.

“До свиданья, друг мой, до свиданья.
Милый мой, ты у меня в груди.
Предназначенное расставанье
Обещает встречу впереди”».

Последнюю строчку этого стихотворения в своём машинописном тексте в сборнике «Мёртвая петля» Борис Кисин зачеркнул и от руки написал: «Не приносит встречу впереди».⁶¹ В этом же сборнике в стихотворении, после гибели его двоюродной сестры Жени, убитой при ограблении, пишет:

«Где, в какой звериной чаще
Скрыться мне от человеческих рож».⁶²

Невыносимая боль, безысходное горе заставило его так писать.

В своём рукописном сборнике 1921 года Борис Кисин написал слова, отражающие его суть:

«Убежать бы в скит, в горы, <...>
Ни злобы, ни страха не ведать,
Забрести на заре в бурелом
И кормить с ладони медведя,
Распевая святой псалом».⁶³

В 1927 году Борис Кисин издаёт сборник своих стихов, выносит на обложку слова из «Декларации люминизма», составляющие суть этого литературного течения – суть поэзии, несущей свет и к свету прорастающей:

«Зелёный стебель –
солнце

Борис Кисин
Стихи

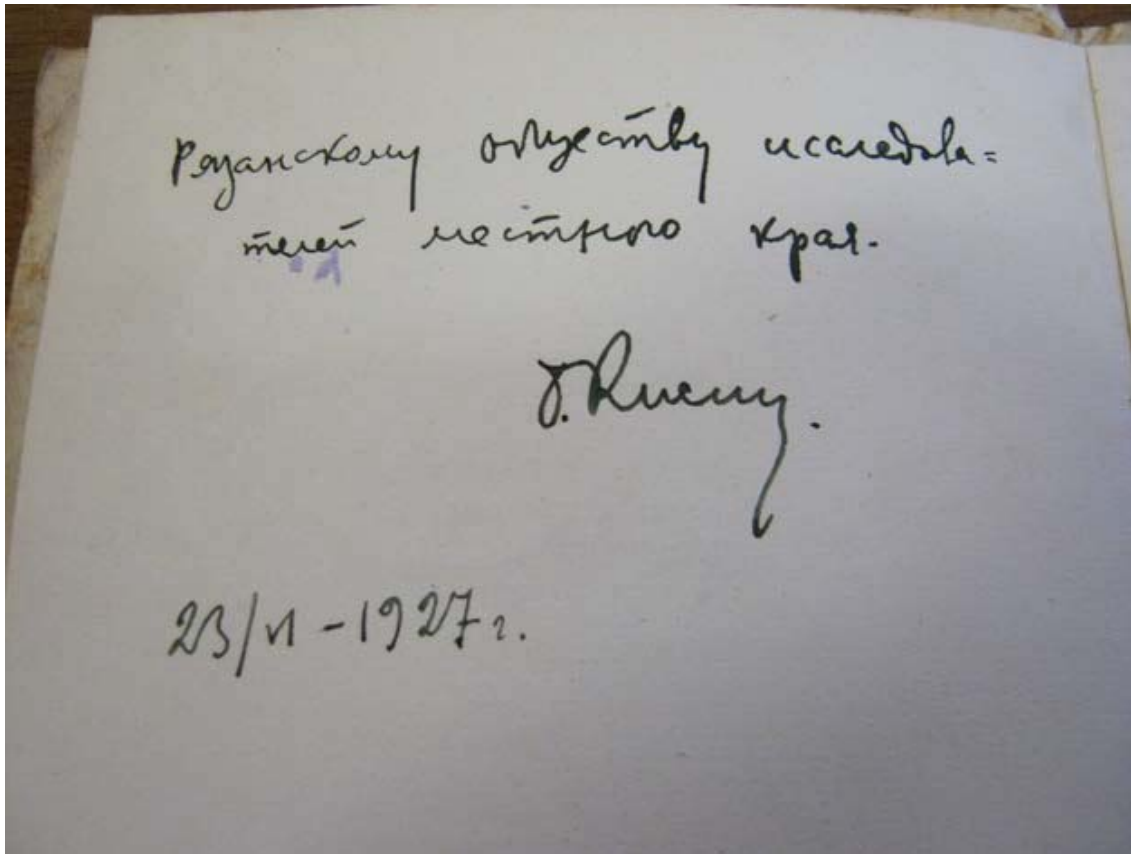
Всероссийский союз поэтов. М. 1927».

«Макет, набор, печать и брошюровка книги – студ. Полиграфического факультета Б. Кисина. Исполнено в академической типографии ВХУТЕМАСа под руководством проф. Н.И. Пискарёва. Гравюры на дереве – студента Б. Кисина, А. Соловейчика и М. Фрама».

Борис Кисин посвящает свои стихи

«Солнечной памяти
брата и учителя
Вениамина Кисина».

(На обороте страницы с этим посвящением – дарственная надпись: «Рязанскому обществу исследователей местного края. Б. Кисин. 23/У1-1927 г.»).⁶⁴

Эта книга начиналась так:

«Смотрите: поэт в загоне,
Чьей никто не знает биографии,
Стихи, выписанные в агонии,
Тискает собственноручно в типографии.
Сам и швец, и жнец, и в дуду игрец,
Кровяным кроплённый миром –
В одиноком холодном угле
Бряцает на застенчивой лире.

Москва

Солнце село за пыльные шпиди.
Жесть. Железо. Асфальт. Бензин.
Мерить мерно мирные мили
От Мясницкой до грузных Грузин⁶⁵.

Тучным чревом манит, дурманит
Моссельпрома жирный лоток,
Но в заплатанном рваном кармане
Карандаш и потный платок.
У зелёно-жёлтой пивнушки
Нищий, вор, огульный разгул.
И застыл металлический Пушкин
На Тверском бессонном углу.

.....

Тощий вузовец – книжка под мышкой –
Пёхом прёт от грузных Грузин».

Следующие стихотворения тоже о себе и о той, которой
«... другой надел... на палец
Жёлтое тяжёлое кольцо»:

«Н.Б.

...у лежанки сказки седокосой няньки –
Колдовскими космами смоляная ель.
Губы сладко пахнут мятой и ромашкой.
Окские затоны – глаз зелёный сон.
Золотистый месяц рыжей лапой машет,
По полям по облачным порскает лисой.
Скоро, скоро трижды крикнет петел,
Рыжим по земле забьёт крылом.
И застынет в мёртвой хватке петли
Сердце, стиснутое напролом.

.....

И как встарь крылатого Икара,
Что летел и не глядел назад,
Ждёт завтра огненная кара
Всех, кто солнцу заглянул в глаза.
Ты уйдёшь совсем через неделю.
А потом – тоска и смертный тлен.

Всё ж я плыл по розовым пределам
На крутой ладье твоих колен.
Пусть хоть день, – а я бродил с улыбкой
По цветам, по травам, по лесам.
И дрожали над рекою зыбкой
Молодые птичьи голоса.
И когда к тебе приду под утро,
Жгучий ужас вознеся крестом –
Улыбнёшься вежливо и мудро
Зацелованным до боли ртом.
И увидишь ли – далёкая, иная –
Под холодным лоском ловких фраз,
Что палач косматый распинает
Вновь тоску моих собачьих глаз.

.....

Я судьбе покорен. Не перечу.
Плачь не плачь – за днём приходит ночь.
Видно, друг, и эту встречу
Попусту прожить нам суждено.

.....

Не для того ль твой тонкий профиль
Мелькнул сквозь просинь табака,
Чтоб я опять рассудок пропил
Под жёлтой крышкой кабака». ⁶⁶

И в этой потере Наталья Кугушева поддержала друга:

«Ничего, мой друг, не тоскуйте, –
Эту ль жизнь поместить на плечах,
Если сердце любовью – в лоскутья,
Если тело страстям – сгоряча». ⁶⁷

Приведу ещё несколько строк Бориса Кисина из стихотворения в его сборнике:

«Николай II

.....

Матильды коленей худеньких
Чаши – под родовые образа.

.....

Самодержец всея Руси, царь польский,
 князь финляндский и пр. и пр.
Восточный деспот в дворцах Растрелли, –
У стены, где крапива и молочай,
Братвою расстрелян.....».⁶⁸

Эту единственную вышедшую из печати книгу своих стихов Борис Кисин послал из Рязани (ул. Революции – Соборная, 8) в Сорренто М. Горькому в подарок и получил ответ: «...На мой взгляд, Вы отлично владеете стихом и у Вас хорошо развит вкус к слову <...> А всё же должен сказать, что для меня лично – мастерство ещё не искусство, не «поэзия». Поэзия – проста. <...>. Темы у Вас слишком «личные». <...>. Ваше мастерство разрешает предъявлять к Вам более строгие требования. Это – не комплимент, но это – хорошо. Вы «в загоне»? <...>. Время – эпическое, а не лирическое. Жму руку. А. Пешков. 20-Х-28»⁶⁹.

В 1929 году свой диплом во ВХУТЕМАСе – в Высшем художественно-техническом Институте (в ноябре 1927 года переименован) Борис Кисин защищает как художник и полиграфист сборником стихов брата «Мирское сердце», написанных в 1921-1922 годах. (Макет и гравюры Б. Кисина. Исполнено в качестве дипломной работы по полиграфическому факультету Высшего художественно-технического Института. Отпечатано 40 экз. в типографии Института. Гублит – 28544).⁷⁰ В своих комментариях Борис Кисин пишет, передавая слова Вениамина Кисина: «Все персонажи «Мирского сердца» – сам автор. У поэта должно быть мирское сердце, радости и страдания со всеми»⁷¹.

Родные братья по рождению и таланту остались неразрывными и нераздельными и после ухода Вениамина Кисина в жизнь вечную, какими были в жизни земной.

Эту книгу Борис Кисин отсылает Евгению Евтушенко и пишет ему: «В 1922 году, прожив всего 25 лет, от пули неизвестного убийцы погиб мой брат. О нём положительно отозвался В. Брюсов. Дружил с ним и Б. Пастернак. После трагической смерти брата о нём писали С. Городецкий, П. Радимов, Б. Пильняк».⁷² И Евгений Евтушенко опубликовал «строфы века» Вениамина Кисина в составленной им Антологии поэзии (2 изд.).

В 1929 году в журнале «Октябрь» Борис Кисин публикует очерк «Рязань» о своей грусти пережитого в городе «на пяти холмах и на трех реках: Дунайчик, Лыбедь, Трубеж...».

Борис Кисин был очевидцем и уничтожения некрополя Спасо-Преображенского мужского монастыря (остались памятники Ивана Пожалостина и Софьи Хвоцинской;⁷³ многие памятники пошли на постамент манизеровского Ленина), и погрома церквей (в частности, в 1929 году закрытия церкви Ильи Пророка), и всего святого в прежней «непролетарской» жизни.

«...На кладбище Спасского монастыря, под тяжёлыми мавзолеями, в тяжких склепах догнивают останки именитых рязанских граждан. Прочно и крепко строились склепы – на века, по домовитому ладили себе домовину. При жизни заботились о последнем пристанище. <...> Окна мавзолеев выбиты, выломаны иконы с памятников, не горят перед ними неугасимые лампы, размело, разбросало купеческих детей по белу свету – нет их, как не бывало, некому следить за дедовскими и прадедовскими домовинами.

Разнесло купеческих детей – а кто помельче, понезаметнее – бочком, бочком, потихоньку зацепился за рязанские будни, за рязанскую истовую, настоящую тишину, – а тишина в Рязани – даже руками ее ощущаешь: плотная, густая, добротная. Тихо, сонно, и по вечерам вдоль по улице Рево-

люции (бывш. Соборная) из-под колокольни вдруг потянет молоком и навозом – под колокольные звоны тянутся пегие, рыжие, чёрные – всех мастей – коровы... Разрывая чинный ряд, шарахается в сторону, где манят скудной зеленью топольки бульвара, несдержанная тёлка, и степенный старец в розовой выцветшей косоворотке стегает кнутом по мосолам, укоризненно выговаривая: “Ах, ты, пролетария!”...». ⁷⁴

После окончания в 1929 году Высшего художественно-технического Института Борис Кисин стихи писал только для себя. На вопрос Ал.Лесса, автора публикации «Неизвестное письмо А.М.Горького»: «Почему Вы оставили поэзию?», – Кисин ответил: «Жизнь сложилась иначе. Много лет я преподавал в Редакционно-издательском институте, был доцентом Полиграфического института, в 1943 году получил учёную степень кандидата искусствоведения. Более трёх десятилетий я работал художественным редактором Учпедгиза, оформил, вероятно, несколько тысяч книг, в том числе школьные учебники, что мне особенно дорого». ⁷⁵

Борис Кисин служил высокому искусству и шёл «в ногу» с великой Россией.

Талантливый человек талантлив во всём. Более подробно о себе Борис Кисин написал в письме директору РГАЛИ Наталье Борисовне Волковой при передаче материалов своих и Вениамина Кисина.

Работал более 35 лет художественным редактором в издательствах, выпускавших учебно-педагогическую литературу. Преподавал в Полиграфическом институте, степень кандидата искусствоведения, доцент. Одновременно работал как искусствовед, печатался в ряде журналов и газет. Член союза журналистов СССР. Выпустил две книги «Графика в оформлении книги», Гизлегпром, М.-Л., 1938 и «Графическое оформление книги», Гизлегпром, М., 1946 г. Вторая книга допущена Министерством высшего образования СССР в качестве учебного пособия для полиграфических институтов. Участвовал в коллективном труде «Основы оформления со-

ветской книги», 1956г. Работал в области филателистической литературы. 1969г. – книга «Страна Филателия» удостоена бронзовой медали на отечественной выставке и серебряной – на выставке в Будапеште. В 1980 году – две книги по филателии («Страна Филателия, изд. «Связь», М. и «Страницы истории на почтовых марках», изд. «Просвещение»), одна удостоена бронзовой медали. В его книгах «много места уделяется вопросам изоискусства при создании почтовых марок». Написал три стихотворных книжки для детей и 1 рассказ. В 29-30-х сотрудничал в литературной энциклопедии, которую выпускала Коммунистическая Академия, несколько статей и справочный материал. Одна из статей («Богородица») была отмечена А.В.Луначарским.⁷⁶ Он автор рязанского издательства «Атеист»: на основе своих статей в Литературной энциклопедии «Антихрист» и «Богородица» издал две брошюры «Богородица в русской литературе». М.: 1929» и «Антихрист как образ». М.: 1930»⁷⁷.

Всё, что писал Борис Кисин, создано на основе глубоких знаний истории, культуры своей страны и всего мира. И его филателия – это история страны, это история изоискусства при создании почтовых марок; и вышедшие в издательстве «Атеист» тексты – это не «Религия – опиум для народа», как заявлено на обложках этих книг. И не случайно он был редактором «Учпедгиза», «Просвещения»: по его работам – статьям и книгам – необходимо получать подлинное профессиональное образование, в том числе и полиграфическое по его учебнику-монографии «Графическое оформление книги».

Борис Кисин понимал, что надо беречься, но куда деть космического масштаба таланты, непонимаемые и враждебные неударённым, применявшим для их определения слово «космополитизм», им самим тоже непонятное. Так, одну из книг Бориса Кисина «Графическое оформление книги», выпущенную в 1946 году, «объявили космополитической и фактически изъяли из обращения... В качестве безродных космополитов в Полиграфическом

институте прорабатывали Абрама Григорьевича Шицгала и искусствоведа Бориса Михайловича Кисина. Шицгал, в прошлом боксёр, выдержал, а Кисин умер». Так тяжело он переживал эту проработку, которая грозила расстрелом или ГУЛАГом, постигшим детей работников Коминтерна упразднённой немецкой школы в конце 30-х, что «поговаривали, что он кончил жизнь самоубийством»⁷⁸. Но нет, не умер, и не горят рукописи и книги, и осталась эта книга для одарённых не только в Рязанской областной универсальной научной библиотеке им. М. Горького.

А во время «оттепели», когда можно было, чтобы не прерывалась связь времён, продолжить увековечение, воскрешение его брата передачей для грядущих поколений книг и рукописей его стихов, фотографий, документов, Борис Кисин передал их в фонды Рязанского областного краеведческого музея (РИАМЗ и Научная библиотека этого музея), Рязанского художественного музея (РОХМ им. И.П. Пожалостина), в Центральный Государственный архив литературы и искусства СССР (РГАЛИ), Отделы рукописей Государственной библиотеки им. В.И. Ленина (РГБ) и Государственного литературного музея (ГМИРЛ им. В.И. Даля).

Благодаря Борису Кисину узнаём сведения биографии и все опубликованные стихи и рукописи неопубликованного литературного наследия Вениамина Кисина.

Вместе с материалами своего брата Борис Кисин предлагал и те редкие книги, которые хранил все эти годы и которые могли заинтересовать центральные архивы и музеи Москвы и Рязани. В Научной библиотеке РИАМЗ теперь хранятся:

Сивачев Михаил. «Фёдор Быльников». – Л.: Изд. «Прибой», 1924;

Сивачев М. «Жёлтый дьявол». Повесть. – М.-Л., 1924;

Шишко Анатолий. «Господин анархист». Роман. – М.-Л., 1926;

Шишко А. «Комедия масок». Сатирический роман. – М.-Л., 1928;

Шишко А. «Каменных дел мастер». Повесть жизни Баженова. – М.: «Сов. писатель», 1941;

Шишко А. «Альпы». – М.-Л.: «Дет. литература», 1944;

Витман Агния Михайловна, Покровская Н.Д., Эттингер М.Е. Восемь лет русской художественной литературы (1917-1925). Библиографический справочник под ред. М.А. Рыбниковой. Семинарий по современной литературе. – М.-Л.: Госиздат, 1926, – с пометой: «Кисину»;

Лаврецкий А. (впервые изучил наследие М.Е.Салтыкова-Щедрина как литературного критика). Щедрин – литературный критик. – М.: «Худ. литература», 1935.

Все эти авторы – близкие Борису Кисину люди. В его альбоме – автографы известного пролетарского писателя, мужа Натальи Кугушевой Михаила Сивачёва: «Надеюсь, что прогремите в будущем, как художник»; стихотворения писателя Анатолия Шишко «Ночными днями шумными...» с посвящением: «Моё раздумье о революции – Борису Кисину»; известного критика А.Лаврецкого: «Искусство вспоминает или предвидит».

В Научной библиотеке и книга: Смирновский П. Теория словесности для средних учебных заведений. Изд. 19-е. Спб., 1914, – с автографом: «В. Кисин». (Борис Кисин предлагал и другие книги с автографами брата, в т.ч. сборники стихов Сергея Есенина. Их нет и в музее С.А. Есенина в Константинове).

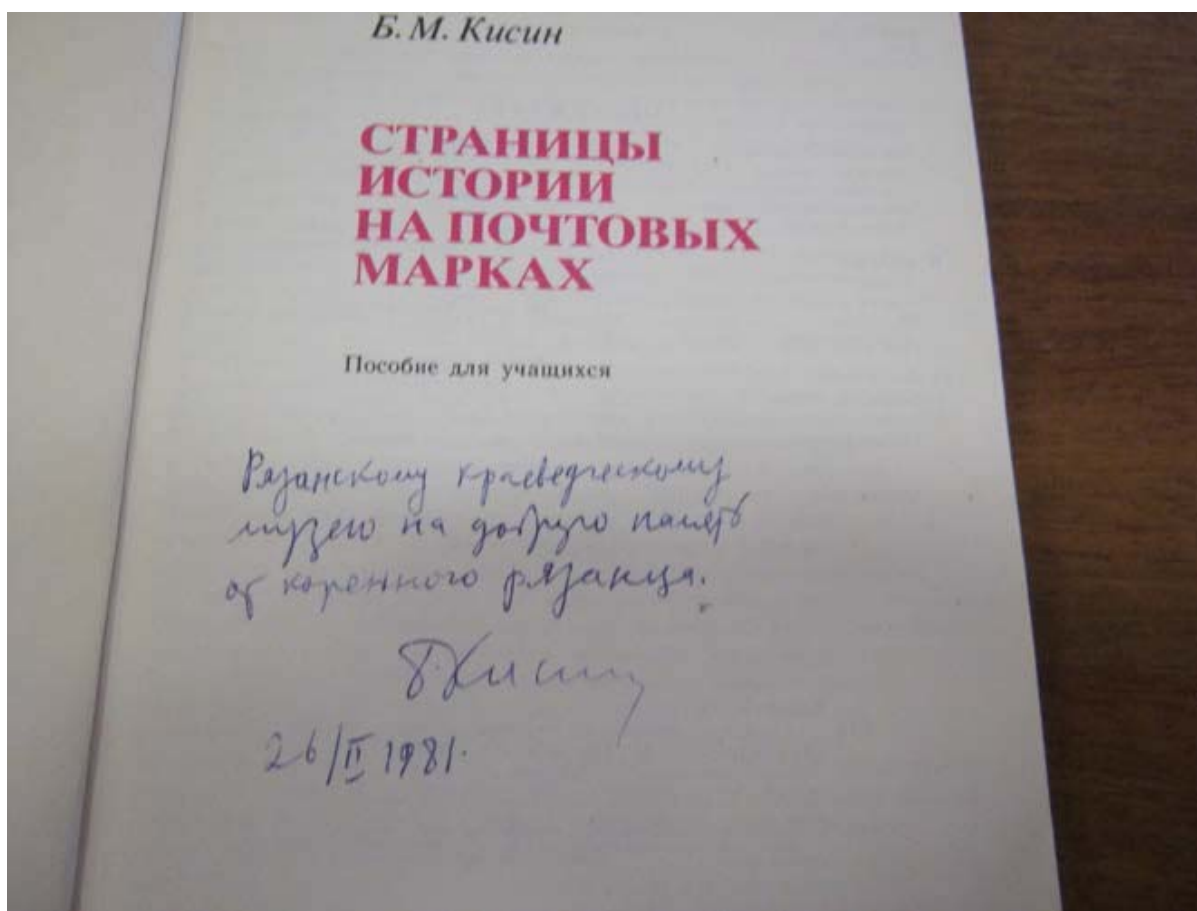
В Рязань Борис Кисин передал свои книги:

Кисин Б. «Пуговики хорошие, орешек и горошины». Рис Т. Мавриной. – М.: ГИЗ, 1930;

Кисин Б. «Про нашего друга – про черный уголь». Рис Т. Шевченко. – М.: Изд. «Молодая гвардия», 1931;

Кисин Б. «Страницы истории на почтовых марках». Пособие для учащихся. – М.: «Просвещение, 1980. (С дарствен-

ной надписью: «Рязанскому краеведческому музею на добрую память от коренного рязанца. Б. Кисин. 26/П-81») ⁷⁹;

Кисин Б. «Страна филателия». 1969. (С дарственной надписью: «Рязанскому краеведческому музею на добрую память от коренного рязанца. 30 июля 1969 г.») ⁸⁰;

Борис Кисин. Стихи. – М.: Изд. ВСП, 1927 ⁸¹.

В архивы в Москву Борис Кисин передаёт и свои рукописные сборники.

В числе книг, рукописей, фотографий, переданных Борисом Кисиным (последнее поступление в РГАЛИ в сентябре 1981 года, незадолго до его ухода в жизнь вечную – он умер 8 ноября 1986 года ⁸²) – в Российском архиве литературы и искусства хранятся два его рукописных сборника «Стихи, которые не прочтут» ⁸³.

Наталья Кугушева написала в одном из стихотворений, посвящённых Борису Кисину:

«Не будет цветов и траурных лент.
Никто не отгрохает нам монумент,
И надпись не ляжет на плиты –
Здесь, мол, поэт погребён маститый»⁸⁴.

Эти строчки вызывают в памяти стихи Владимира Высоцкого:

«Нет алых роз и траурных лент,
И не похож на монумент
Тот камень, что покой тебе подарил.
Как Вечным огнём, сверкает днём
Вершина изумрудным льдом,
Которую ты так и не покорил».⁸⁵

Это вечная тема обстоятельств жизни поэтов, и Владимир Высоцкий мог написать эти строчки независимо от стихотворения Н.Кугушевой, но, конечно, мог знать эти стихи, – ведь на Таганке Юрия Любимова знали литературу не только по растиражированным и редким публикациям, но и по архивным материалам – письмам, дневникам, рукописям стихотворений, – и по личному общению с людьми особенными, талантливыми. Возможно, что это стихотворение Кугушевой произвело сильнейшее впечатление на Высоцкого и вызвало переключку стихов. (Пока я собиралась спросить об этом Людмилу Абрамову, Аллу Демидову, Юрия Буцко, Вениамина Смехова, Высоцкий сам мне ответил: «Нет, не знал», – во сне).

И в другом своём стихотворении Высоцкий писал о наблевшем:

«Не поставят мне памятник в сквере,
Где-нибудь у Петровских ворот».⁸⁶

Поставили. Борис Хмельницкий поставил. И до последнего своего вздоха был организатором, режиссёром и участником вечеров памяти В. Высоцкого. И Пётр Леонов был в Театре на Таганке центром комплектования архива Высоцкого, создателем и первым директором Центра-музея В.С. Высоцкого, который назвал задушевно по-домашнему – «Дом В.С. Высоцкого».

И Вениамину Кисину в день его 120-летия удалось установить мемориальную доску в Рязани на Соборной 13 – на доме, в котором жили Кисины, из которого в середине 1921 года Вениамин Кисин уезжал жить в свою последнюю поездку в Москву. Кисины жили на втором этаже.⁸⁷ На эту квартиру 18 октября 1920 года Моисею Соломоновичу Кисину был выдан ордер № 6571⁸⁸.

И теперь мемориальная доска на доме № 13 по улице Соборной в Рязани, посвящённая Вениамину Кисину, как бы воссоединит эту замечательную семью, не позволит забыть её значение для высокой культуры великой такими людьми России.

И на этой же улице – в переулке на доме № 8 по улице Соборной, в котором в конце 20-х годов жил Борис Кисин, стараниями и страданиями (как всё великое и высокое) дизайнера Киры Рязановой установлены две таблички: «Переулок Счастья 1» и во дворе тоже на доме № 8 по улице Соборной – «Площадь Согласия 1». В доме № 10 в своей квартире Кира Рязанова открыла Арт-Галерею «Переулок счастья», ещё не зная, что в доме рядом жил художник и поэт.

И стихи их прочтут, даже те из тетради Бориса Кисина «на брошенном столе» «с надорванной наклейкой «Жизнь», которые он переписал и в двух своих рукописных сборниках назвал «Стихи, которые не прочтут».

Примечания Источники

¹ РГАЛИ. Фонд 681 ВХУТЕМАС. Оп.1. Ед. хр. 1104. С. 4, 4 об.

² ГАРО. Фонд 19. Ед. хр. 1431.

³ Исай Локшин. «Евреи. Судьбы. Власть». 2008.

⁴ РГАЛИ. Ф. 341 Е.Ф. Никитина. Оп. 1. Ед. хр. 275.

⁵ РГАЛИ. Ф. 1624 Коллекция анкет и автобиографий. Оп. 3. Ед. хр. 8.

⁶ ГАРО. Ф. 4 Списки евреев, проживающих в Рязани за 1912 год (12.1.1912 – 7.1X.1912). Т. УП. Оп.77. Д. 17. Св. 279. С.37. (Сообщил Д.Ю. Филиппов).

⁷ ГАРО. Ф. 141. Оп. доп. Д. 19. Св. 5. С. 458.

⁸ ГАРО. Ф. 141. Заявления домовладельцев за 1899 год. Т. 1. Оп. доп. Д. 21. С. 509.

⁹ ГАРО. Ф. 141. Рязанское городское по квартирному налогу Присутствие. Оп. доп. Д. 24. Св. 8. Заявления домовладельцев г. Рязани за 1901 год, облагаемых квартирным налогом. С. 567, 567 об. – Заявление домовладельца купца Соколова Ефима Петровича, дом на Маломещанской, января 4 дня 1901 г.: квартирант «1. Моисей Соломонович Кисин».

Сам Соколов Е.П. и его сын, «Соколов Василий Ефимович, купеческий сын, часовых дел мастер», – квартиронаниматели домов на Почтовой домовладельцев Москвина Алексея Константинович – заявление от 2 января 1901 года, с. 647, и Михайлова Якова Михайловича – заявление от 3 января, с. 597. Магазин Е.П. Соколова – тоже на Почтовой в доме Москвина Алексея Константиновича – заявление от 2 января 1901 года, с. 645, 645 об.

¹⁰ ГАРО. Ф. 4 Списки евреев, проживающих в Рязани за 1912 год (12.1.1912 – 7.1X.1912). Т. УП. Оп.77. Д. 17. Св. 279. С. 37.

¹¹ Там же.

¹² РИАМЗ. КП-23477. Дети семьи Кисиных: Розалия, Вениамин, Борис, Самуил. Фото. Около 1908 г.

¹³ РИАМЗ, НА-2556. Письмо Б.М. Кисина зав. фондами Рязанского краеведческого музея Е.И. Егоровой. 28 июня 1966 г.

¹⁴ ГАРО. Ф. 141 Сведения о домовладельцах, облагаемых квартирным налогом. Оп. 1. Ед. хр. 57. Св. 20. С. 339, 339 об. Заявление по дому Бориса Михайловича Петрово-Соловова – находящемуся в аренде у Моисея Соломоновича Кисина Московской части участка по Театральной улице, подано янв. 1913 г. в Рязанское 1-е городское по квартирному налогу Присутствие. В том числе: «Одна комната в доме и конюшня на 4 стойла (для приезда из имения домовладельца).

-
- ¹⁵ НБ ГАРО. «Рязанский вестник». Февраль, март и октябрь 1907 г. (Сообщил Ю.В. Блудов).
- ¹⁶ ГАРО. Ф. 141. Рязанское городское по квартирному налогу Присутствие. Оп. доп. Д. 76. Св. 18. Заявления домовладельцев г. Рязани, облагаемых квартирным налогом (с буквы «Е» – «К»). Янв. 1917. С. 351, 351 об. (168, 168 об.).
- ¹⁷ РГАЛИ. Фонд 2255 Вениамин Кисин и Борис Кисин. Оп. 2. Ед. хр. 7; РГИАМЗ. НА-2556. А. Беляков. «Далёкое прошлое». 6 октября 1965 г.
- ¹⁸ ГАРО. Ф. 609. Списки учеников с указанием имени, отчества, фамилии и местожительства их родителей за 1911-1912 гг. Оп. 104. Ед. хр. 21. Св. 172. Л. 16.
- ¹⁹ ГАРО. Ф. 921 Списки студентов РИНО 1920-22 гг. Оп. 1. Ед. хр. 106.
- ²⁰ РИАМЗ. Ф. 7388 РОМ П-8. Ед. хр. 7, 6, 5, 8, 4.
- ²¹ РГАЛИ. Ф. 681 ВХУТЕМАС. Оп. 1. Ед. хр. 1104. С. 1.
- ²² РГАЛИ, 2255, 2, 7. Борис Кисин. «Из воспоминаний», с. 1.
- ²³ РГАЛИ. Ф. 681 ВХУТЕМАС. Оп. 1. Ед. хр. 1104. С. 6, 7, 10.
- ²⁴ ГАРО. Ф Р-921. Оп. 1. Д. 108. № 125. Списки (ведомости) студентов и вольнослушателей 1 и 2 курсов. 1920-1921г. Рязанского института народного образования. (Сообщила Н.Б. Чельцова).
- ²⁵ ГАРО. Ф. 921. Списки студентов естественно-исторического факультета 1920-21 г. Оп. 1. Ед. хр. 105.
- ²⁶ РГАЛИ. Ф 681 ВХУТЕМАС. Оп. 1. Ед. хр. 1104. С. 7, 10, 11, 12, 13, 14.
- ²⁷ РИАМЗ. Ф. 7388 РОМ П-8. Ед. хр. 17.
- ²⁸ РГАЛИ, 2255, 2, 3. «Мистерия Уф - ф...ф». 1923. Автограф 1980-х.
- ²⁹ РГАЛИ, фонд 341 Е.Ф. Никитина, 1, 275.
- ³⁰ Там же, фонд 2255, 2, 12. Примечания и комментарии Б. Кисина к произведениям В. Кисина.
- ³¹ РГАЛИ, № 78560.
- ³² РГАЛИ. Ф. 2255. Оп.1. Ед. хр. 13. Вениамин Кисин. «Предбанник». Автограф.
- ³³ НБ РИАМЗ, Р2Р К-44.
- ³⁴ ОР ГМИРЛ им. В.И. Даля. Ф. 277. Оп. 1. Д. 1.
- ³⁵ РИАМЗ. Ф. 7388 РОМ П-8. Ед. хр. 18.
- ³⁶ РИАМЗ. КП-7388/17. Журнал рукописный «Полишинель». 1921 г. – Рисунок Бориса Кисина.
- ³⁷ НБ РОХМ. Н.С. Трошин. Материалы архива художника. Воспоминания. Хранитель архива – дочь художника Е.Н. Трошина.
- ³⁸ РГАЛИ. Ф. 2255. Вениамин Кисин и Борис Кисин. Оп. 2. Ед. хр. 7. Б.М. Кисин. «Из воспоминаний». С. 3.

-
- ³⁹ РГАЛИ. Ф. 324 Г.А. Мачтет и Т.Г. Мачтет. Оп. 1. Ед. хр. 4. Заявление инициативной группы Дома Искусств во Внешкольный подотдел Губернского отдела народного образования, б/д.
- ⁴⁰ РГАЛИ. Ф. 2255 В. Кисин и Б. Кисин. Оп. 2. Ед. хр. 7. Борис Кисин. «Из воспоминаний». 1982 г. Машинопись. С. 3, 4.
- ⁴¹ НБ РИАМЗ. Борис Кисин. «Вдохновлённые революцией». // «Приокская правда». 1981, 8 ноября.
- ⁴² ГАРО. Ф. Р-921. Оп. 1. Л. 13 об. (Сообщила Н.Б. Чельцова).
- ⁴³ «Приокская правда». 1984, 3 апреля.
- ⁴⁴ РИАМЗ. НА-2556.
- ⁴⁵ РОХМ им. И.П. Пожалостина. Инв. № 733-р.
Малявин Филипп Андреевич (1869-1940).
Жена художника
Наталья Николаевна Малявина (1871-1855)
с дочерью на руках.
Нач. 1900-х гг. Бумага,
графитный карандаш. 43х32.
- ⁴⁶ РГБ. Литературные манифесты. «От символизма до «Октября». Сост. Н.А. Бродский и Н.П. Сидоров. «Новая Москва», 1924. Декларация люминистов, с. 227.
- ⁴⁷ Там же. «Провозвестие люминизма». С. 227, 228.
- ⁴⁸ РГАЛИ, фонд 2255, оп. 1, ед. хр. 11. В. Кисин. «Провозвестие люминизма». 1921 г. Автограф.
- ⁴⁹ ОР ГМИРЛ им. В.И. Даля, фонд 277, оп. 1, д. 2. Кисин В.М., Майзельс Д., Решиков Н. «Провозвестие люминизма». Манифест, г. Москва, 1921, автограф В. Кисина, с. 5, 6, 8, 9.
- ⁵⁰ РГБ. Литературные манифесты. «От символизма до «Октября». Сост. Н.А. Бродский и Н.П. Сидоров. «Новая Москва», 1924, с. 231.
- ⁵¹ Литературная энциклопедия. Государственное издательство «Советская энциклопедия». – М.: ОГИЗ РСФСР, 1932. Т.6. Гл. редактор – А.В. Луначарский. (В т.1 в перечне сотрудников: «Кисин Б. – поэтика»).
- ⁵² РГАЛИ, 1624, 3, 8.
- ⁵³ НБ РИАМЗ, Р2Р К-44. Вениамин Кисин. Собрание стихотворений. – М.: Изд. ВСП, 1923.
- ⁵⁴ РГАЛИ, 2255, 2,15.
- ⁵⁵ ОР ГМИРЛ им. В.И. Даля, 366, 1, 3, л. 46. Автограф Н. Кугушевой.
- ⁵⁶ Там же, 277, 1, 4, л. 6. Альбом Бориса Кисина. Автограф Н. Кугушевой. Москва, 31 мая 1922 года.
- ⁵⁷ РГАЛИ, 2255, 2, 20. Д.Л. Майзельс. «Памяти Вени». Автограф Б.М. Кисина.
- ⁵⁸ НБ ГАРО, газета «Рабочий клич», 31 декабря 1925 г.

-
- ⁵⁹ Там же, 3 января 1926 г.
- ⁶⁰ ОР РГБ, фонд 162 Г.А. Мачтет и Т.Г. Мачтет, кн. 3, ед. хр. 31.
- ⁶¹ ГМЗЕ. «Памяти Есенина». – М.: изд. ВСП, 1926 г., с. 186-187. (В этом сборнике на с. 225-226 помещено и стихотворение Василия Фёдорова, которое в есениноведении приписывается Борису Кисину).
- РГАЛИ, 2255, 2, 2. Борис Кисин. «Мёртвая петля». 3-й сборник стихов. 1922-1926. С. 6, 7.
- ⁶² Там же. С. 13-15.
- ⁶³ РГАЛИ, 2255, 2, 1. Борис Кевер. «Чёрный Христос». 1 сборник стихов. 1921.
- ⁶⁴ НБ РИАМЗ, Р2Р К-44 № 7264, с. 4; 8, 9, 11, 13, 31, 44; 35, 36.
- ⁶⁵ РГАЛИ, фонд 681 ВХУТЕМАС, оп. 1, ед. хр. 1104. В Личном деле студента полиграфического факультета Бориса Моисеевича Кисина указан его адрес: «угол Большой Грузинской и Медынки, дом 3, кв. 12».
- ⁶⁶ Там же. С. 8, 9, 11, 13, 31, 44.
- ⁶⁷ «Литературный особняк», Стихи, 1929, с. 30.
- ⁶⁸ Там же. С. 35, 36.
- ⁶⁹ РИАМЗ, НА-2256. Фотокопия письма М. Горького. Подлинник – в ИМЛИ.
- ⁷⁰ НБ РИАМЗ. В. Кисин. «Мирское сердце». Стихи. – М.: 1929.
- ⁷¹ РГАЛИ, 2255, 2, 12.
- ⁷² РГБ. «Строфы века». Минск-Москва: 2 изд., 1997, с. 315.
- ⁷³ НБ РИАМЗ. К. Любарский. «Рязанский некрополь». Ч. 1. «Спасский мужской монастырь». Рязань, 1914.
- ⁷⁴ НБ РИАМЗ. Журнал «Октябрь». – М.: Изд. «Московский рабочий», 1929. Кн. 8. С. 141-148;
- РГАЛИ, 2255, 2, 7. «Воспоминания. Рязань», с. 2-3.
- ⁷⁵ «Огонёк», 1964, № 48, с. 9.
- ⁷⁶ РГАЛИ. Ф. 2255. Оп. 2. Ед. хр. 17. Письмо Бориса Кисина от 20 сентября 1981 года на имя Н.Б. Волковой с изложением его краткой биографии.
- ⁷⁷ Литературная энциклопедия. Гос. изд. «Советская энциклопедия». – М.: ОГИЗ РСФСР, 1929. Т. 1.
- ⁷⁸ Е. Немировский. Мои полиграфические университеты. Compufirt.ru/article/8605.
- ⁷⁹ НБ РИАМЗ. Р2Р К-44, № 379, 45.
- ⁸⁰ Там же. № 31106.
- ⁸¹ НБ РИАМЗ. Р2Р К-44. № 7264.
- ⁸² ГБУ РО «ГАРО». Вх. № 172/01-28 от 30.03.2018 г. Ответ Кунцевского Отдела ЗАГС Управления ЗАГС г. Москвы от 16 марта 2018 года № 2010 на запрос ГБУ РО «ГАРО» № 61/01-28 от 2 марта 2018 г. Если бы не совет Ю.В. Блудова и согласие директора Т.П. Синельниковой и заместите-

ля директора по научной работе Д.Ю. Филиппова направить запрос на бланке архива и с подписями директора и зама, то и в этой моей книге Борис Кисин оставался бы по-настоящему вечно живым, т.к. у меня по обращениям ни лично, ни письменно «нет оснований» на получение этого «конфиденциального» сведения. Спасибо Блудову, Синельниковой и Филиппову. И всё-таки жаль, что «мы всегда так живём».

⁸³ РГАЛИ, 2255, 2, 4. Б.М. Кисин. «Стихи, которые не прочтут». Сб. стихотворений. Т. 1. Избранное. Машинопись и автографы. 1923-1981; 2255, 2, 6. Б.М. Кисин. «Стихи, которые не прочтут». Сб. стихотворений. Т.2. Не для избранного. 1928-81.

⁸⁴ ОР ГМИРЛ им. В.И. Даля. Ф. 366. Оп. 1. Ед. хр. 3. Л. 55. 28 октября 1951 г.

⁸⁵ В.С. Высоцкий. «Вершина». Собр. соч. в 5 тт. Тула: Изд. «Тулица». 1993. Т 1. С. 177.

⁸⁶ В.С. Высоцкий. «У меня было сорок фамилий». Там же. С. 64.

⁸⁷ РИАМЗ. НА-2256. Письмо Б.М. Кисина зав. фондами Рязанского краеведческого музея Е.И. Егоровой. 28 июня 1966 г.

⁸⁸ ГАРО. Ф. Р-232 Материалы по выдаче ордеров на занятие квартир и помещений. Оп. 1, Д. 4. С. 733. Заявление члена Чрезвычайной жилищной комиссии А. Соколова с просьбой «выдать ордер на квартиру Кисина по уплотнению для занятия одной комнаты» с резолюциями и припиской Жилищного отдела горисполкома.

«ЖИЗНЬ»

Стихи, которые прочтут

Коралловый корабль: Стихи. – /Рязанское отделение Всероссийского Союза поэтов. Рязань: Государственное издательство, 1921. – 31, [1] с. – Обложка сработана в лаборатории живописи Трошина лаборантом **Борисом Кисиним**.

Иван Грузинов, Пимен Карпов, Лев Никулин, Яков Апушкин, Тарас Мачтет, Дмитрий Майзельс, Вениамин Кисин (Из цикла «Оловянный кирасир»), Николай Яковлев, Владимир Круглов, Иван Борисов («Беломорье» – моей улыбке Вениамину Кисину), Варвара Моница, Николай Рещиков («Писанка» – другу и брату Вениамину Кисину), **Борис Кевер** («Коронованная», «Берцовая флейта»), Наталья Кугушева, Борис Шихман, Дир Туманный.

Коронованная

Глаза – напудренный циник,
Брови топчут лотос Нирваны,
Локтей упругая линия –
Processus olecranon
Из ночной кофейни Ван-Гога
Меж камелий с губами камей
Покатился твой профиль строгий
По мазкам полуголых камней
Фонарям в переулки вылиться
В дребезжанье трамваев кованом...
То не ты ли, моя собутыльница,
На скользком столе оцинкованном?
Поклонился стали ланцета,
Истлевает мой символ веры.
Осанна – сиплым фальцетом
(хриплым – в «Мандрагоре»)
Диадема по лбу Венеры.

Берцовая флейта

Отнесли. Закопали. Бросили.
Земля тяжела и черна.
Не дожать из пурпурных гроздий
Золотистых капель вина.
Грамофон захрипел по роликам:
«Сдай в наймы червям висок».
В трактире за липким столиком
С пьяною девкой бог.
На полях золотые проталинки,
У солнца горячий свет –
Из сердца цветочек аленький...
Ни печали, ни радости нет.
Жёлтым черепом скалься о чуде,
Белый саван – твоя весна.
Краснолобый щегол не разбудит
Тебя от тленного сна.
Разморило солнышком кости.
Пей весну костяком допьяна.
Не дожать из пурпурных гроздий
Золотистых капель вина.

Мандрагора: Стихи. Вениамин Кисин. Борис Кевер. – Рязань: 1921, рукопись. «25 нумерованных экземпляров», «№ 9». Весь текст сборника – рукопись В. Кисина, автографы: «Борис Кевер, Вениамин Кисин», «обложка и рис. на стр. 7 **Бориса Кисина**, заглавная стр., рис. на стр. 13 и концовка – Георгия Туганова».

Вениамин Кисин («С Цветного бульвара», «Кармэн»), **Борис Кевер** («Город», «Коронованная» А.И. Рязанцевой, «Базарная»).

Город

Улицы, щупальцы скверов,
Трамваем изжёваны руки.
Город в ботинках «Вэра»,
В полосато-зелёных брюках,
Милый оранжевый бантик,
Детские косы на темя.
Шёлковая Дамаянти...
На ночь, иль только на время?
Рыцарь в картонных шпорах
По тротуарам пожухлым.
«Тайны Нью-Йорка». –
«В главной роли Мозжухин!»
Христос папироску в зубы:
«Дюшес» – двадцать штук пятак.
У шестиэтажного куба
Таксированный юбки синяк.

Базарная

У девочки белые губы,
Ультрамарином тень под глазницей.
Разве есть ещё где-нибудь Врубель
И у пенного моря Ницца?
Последняя новость – гроб двухспальный.
Из ботинка грязные пальцы.
Помните, в белом зале
Скромно-робкий букетик азалий.
Продавать копчёную воблу,
На базаре горячий картофель...
На палатке, сухой и голый,
Губы скривил Мефистофель.

За аршин косых спекулянту
С хрупкой шейки камейный крестик.
Разве есть ещё где-нибудь Данте
И в цветах золотистые пестики?

«Калейдоскоп».

ОР ГМИРЛ им. В.И. Даля. Ф. 277. Оп. 1. Ед. хр. 1.

Кисин В.М.

Калейдоскоп.

Сборник стихотворений с иллюстрациями Б.М. Кисина.

Рукопись № 1.

Рязань, 1921, 6 л.

Словопись – **Вениамина**

Кисина, цветопись

Бориса Кисина

(«Калейдоскоп» так оформлен Борисом Кисиным, что даже буквы похожи на карусель. Так, может быть, «Карусель» – это рабочее название «Калейдоскопа»? Или Борис Кисин – как оформлял, так потом вспомнил?).

Вениамин Кисин («На бульваре», «Вечер», «Красный фонарь», «Биржа», «Вокзал», «Больница», «Гашиш»).

«Полишинель». Журнал неперидический, издание декоративной мастерской, Рязань: № 1, август 1921.

Стихи: **Вениамин Кисин** («Полишинель»), **Борис Кисин** («Завет лаборантам-трошинцам»), Дмитрий Майзельс («Рязань» Григорию Тиходееву).

Сегодня: Сборник стихов. – /Рязанское отделение Всероссийского Союза поэтов. – Рязань: 1921. – 34 с. – Обложку рисовал и гравировал художник Г. Тиходеев.

Борис Кевер («Апокалипсис»), Вениамин Кисин («Похоронный марш», «Вальтасаров пир», «Шехерезада», «Золотой петушок», «Дева-обида», «Степан Разин» А. Малкесу), Наталья Кугушева, Александр Мареев, Тарас Мачтет, Сергей Оленин, Сергей Спасский, Николай Спасский, Зальман Явиц, Николай Яковлев.

Апокалипсис

Шрапнельными брызгами мозг рвать.
Стопудовой смертью хрустящие кости.
По мокрым окопам мозгло
Шуршащей жилищей тростью.
«Гох!» «Ура!» штыком до хомутика
Лиловые вены на белом горле.
По слепым глазам алой мутью.
Смертным потом на ржаное поле.
Козьма Крючков. Одиннадцать убиенных.
Церкви фимиамом: перст Божий.
Рваных нервов последним биеньем
Золотые слитки множить.
Торпеду сверлом в «Лузитанию»
На жемчужные отмели тленных рос сыпь.
Полированными тушами танков
В патентованные кассы алмазную россыпь.
Но виденье Иоанна: рдяными искрами
Бенарес, Чили, Париж, Токио.
Липкими сгустками выстроен
Вечного мира золотой киот.

Борис Кисин. Стихи. – М.: Изд. ВСП, 1927.

Макет, набор, печать и брошюровка книги – студ. Полиграфического факультета **Б. Кисина**. Исполнено в академической типографии ВХУТЕМАСа под руководством проф. Н.И. Пискарёва. Гравюры на дереве – студента **Б. Кисина**, А. Соловейчика и М. Фрама.

«Смотрите, поэт в загоне...», «Москва», «Не автомобильным рёвом...», «Полустанок» – части 1-8, «Дон-Кихот», «Катька», «Иван Иванов», А. Семёнову «Лётчик», Памяти лётчиков Михайлова и Филиппова «Из земной изведанной закуты...», «Песня о браунинге», «Николай II», «Сказ о газете», «О книге», «Поэма о школьном учителе», «Не для того ль твой тонкий профиль...».

«Смотрите: поэт в загоне,
Чьей никто не знает биографии,
Стихи, выписанные в агонии,
Тискает собственноручно в типографии.

Сам и швец, и жнец, и в дуду игрец,
Кровяным кроплённый миром –
В одиноком холодном угле
Бряцает на застенчивой лире.

Москва

Солнце село за пыльные шпиди.
Жесть. Железо. Асфальт. Бензин.
Мерить мерно мирные мили
От Мясницкой до грузных Грузин.

(РГАЛИ. Ф. 681 ВХУТЕМАС. Оп.1. Ед. хр.1104. В Личном деле студента полиграфического факультета Бориса Моисеевича Кисина указан его адрес: «угол Большой Грузинской и Медынки, дом 3, кв. 12»).

Тучным чревом манит, дурманит
Моссельпрома жирный лоток,
Но в заплатанном рваном кармане
Карандаш и потный платок.
У зелёно-жёлтой пивнушки
Нищий, вор, огульный разгул.
И застыл металлический Пушкин
На Тверском бессонном углу.
Шелест женщин. Накрашены губы
Красной краской крутая кровь.
И под пудрой – задорно и грубо
Подведённая бурая бровь.
А на небе – выше и выше –
В голубой голубиный лёт
Мерным горлом мотора дышит

Острокрылый красный пилот.
«Есть ириски!», – визжит мальчишка.
Жесть. Железо. Асфальт. Бензин.
Тощий вузовец – книжка под мышкой –
Пёхом прёт от грузных Грузин.

Н.Б.

Не автомобильным рёвом ржёт Лубянка,
Не трамвайным звоном в путаницу рельс –
У лежанки сказки седокосой няньки -
Колдовскими космами смоляная ель.
Губы сладко пахнут мятой и ромашкой.
Окские затоны – глаз зелёный сон.
Золотистый месяц рыжей лапой машет,
По полям по облачным порскает лисой.
Там, где жёлтый Столпник обомшелым телом
Слушает сквозь ветер свист татарских стрел,
Не весны ли вестницей в ночь ты прилетела,
Белогрудой ласточкой солнечную трель.
На поёмных далях слушать крик зегзицы,
Лай собак, бессонный скрип степных телег...
Не словил ли половец сивой кобылицы,
Не Кремлём ли скачет с друзьями Олег?
На Большой Лубянке, дом номер пятнадцать,
Мудрый и надменный ждёт над книгой муж
Слюдяные вёсны мне опять приснятся
На холодном олове сентябрьских луж
Только в горькой горенке одиноких будень,
В грановитом гуле сгорбленных ночей –
Опахни, крылатая, радостным «Да будет»,
Звонкою улыбкой голубых лучей.

Полустанок

1

Всё больнее, всё больней и горше,
Что на час мы встретились с тобой.
Что ты кружишь, словно хищный коршун,
Над моей запутанной тропой?
Как подумаешь – слова иные
Для тебя цвели бы на губах.
Ты несёшь мне ночи кровавые,
Мужняя неверная раба.
Скоро, скоро. Трижды крикнет петел,
Рыжим по земле забьёт крылом,
И застынет в мёртвой хватке петли
Сердце, стиснутое напролом.
Ну, а всё же при последней встрече
Я любимой злого не скажу.
Видно, наша доля человечья
На закланье грудь отдать ножу.
И как встарь крылатого Икара,
Что летел и не глядел назад,
Ждёт завтра огненная кара
Всех, кто солнцу заглянул в глаза.
Ты уйдёшь совсем через неделю.
А потом – тоска и смертный тлен.
Всё ж я плыл по розовым пределам
На крутой ладье твоих колен.
Пусть хоть день, - а я бродил с улыбкой
По цветам, по травам, по лесам.
И дрожали над рекою зыбкой
Молодые птичьи голоса.
За теплом всегда приходит стужа.
За объятьем – грубые слова.

Знаю, что опять в ладонях мужа
Крепко ляжет ваша голова.
Но когда настанет время это –
Под громадой каменных кубов,
Вспомнишь, верю, хмурого поэта
И его несмелую любовь.

П

Ты ушла. Совсем или на время?
Рыжий август бродит по грядам.
Я любви твоей тугое бремя
Никому на свете не отдам.
Дважды свистнул поезд у платформы,
Ржавой цепью прогремел вагон...
Отдал я, смиренный и покорный,
Мужу вашему почтительный поклон.
Коренастый, умный, черноглазый,
Он смеялся, радость не тая.
И легла в ладонях тяжких сразу
Мёртвым голубем рука твоя.
И опять – дорога и платформа.
Ветер. Сосны. Поле и песок.
Догремит ли красным семафором
Колесо катясь за колесом.
И какими расскажу словами
И стихом каким я передам,
Как до дома тихо шёл за вами,
Припадая к выжженным следам.
Тьма. Туман. Луна, как жёлтый кочет,
Звёздное склевала толокно.
Не узнаешь, как до поздней ночи
Я слежу за слепнувшим окном.
И когда к тебе приду под утро,
Жгучий ужас вознеся крестом, -
Улыбнёшься вежливо и мудро
Зацелованным до боли ртом.

И увидишь ли – далёкая, иная –
Под холодным лоском жутких фраз,
Что палач косматый распинает
Вновь тоску моих собачьих глаз.
Я судьбе покорен. Не перечу.
Плачь не плачь – за днём приходит ночь.
Видно, друг, и эту встречу
Попусту прожить нам суждено.

<Ш, 1У,У,У1>

УП

Я за всё тебе скажу спасибо.
Вот – когда-то был игрок и мот,
А теперь храню, как зёрна нива,
Кроткое прощальное письмо.
Любишь – и копишь тупое горе.
Словно раны пред дождём сквозят?
Ты не к одному приходишь Боре –
Двум Борисам отдаёшь себя.
И не разберёшь: постель иль плаха,
Богу или кесарю – кому?
Только сердце бьётся в клетке птахой
Оттого, что он – законный муж.
Дни идут – а не приходит мудрость.
Без надежд, без боли, без тоски.
Видно, зря нам серебристой пудрой
Мажет жизнь упрямые виски.

<УШ>

Дон-Кихот

То не паровоз ревёт в тумане,
То не рельсы крутят путь унылый –
Возвращаюсь, Дон-Кихот Ламанчский,
Побеждённый Рыцарем Луны.

Отшумели пышные дубравы.
Липок запах смрадного обоза.
И похабною распутной бабой
Стала Дульцинея из Тобосо.
С тонких пальцев не прокаплет мирра
У ворот немого альодара.
На хромом осле проедет мирно
С чесноком и луком по базару.
Шлем надтреснутый – картон под краской.
Злой Мерлин наколдовал не даром.
Вороньё в дворце Монтегиноса крачет.
Писк крысиный. Паутина. Тленьё.
И камням – на тебя и клячу –
Не один освобождённый пленник.
Дон Кихот, Алонзо Добрый,
Рыцарь Львов без страха и упрёка.
Мне опять мелькнул твой скорбный образ
Сквозь слепую муть вагонных окон.
Огонёк корчмы в степи заманчив,
И спина избитая заныла.
Возвращаюсь, Дон-Кихот Ламанчский,
Побеждённый Рыцарем Луны.

Памяти лётчиков Михайлова и Филиппова

Из земной изведанной закуты
(Небо манит, небо – голубей) –
Человеку не взлететь беркутом
Над шумливой стаей голубей.
Прорастают ноги в землю крепко.
А в пустынной выси – смерть в упор.
И от лопнувшей случайно скрепы
Спотыкнётся невпопад Ньюпор.

Жизнь за руль. И ближе, ближе
Камни, поле, люди и ангар.
Миг. Удар. И пламя лижет
Дерево и человечью гарь.
Брызги - мозг в расщепленный пропеллер.
Грудью погнутой в пыли лежать.
И блестящей искоркой капли
На ресницах мёртвая слеза.
Да, земля – ревнивая старуха.
Сыновей не отдаёт другой.
Укрывает мёртвых мшистым брюхом.
Обнимает чёрною рукой.
Небо голубее. Небо манит.
Пусть – расплата. Пусть – угроза кар.
Восковыми крыльями в тумане
К солнцу путь - неистовый Икар.
Каждый труп – ступенькой лестниц.
Каждый труп – уступом высь.
И пускай мотор неверной песней
Кровь разбрызжет в синеву травы.
Пусть добьёт железом или медью,
Пусть земля угрюма и мерзла –
Солнце опажнуло перед смертью
Нестерпимой радостью глаза.

Николай II

Божьей милостью мы, Николай Второй,
Самодержец всея Руси:
Сквозь решётчатые шторы
В ненависти бессильной.
Загнанный в императорском вагоне
Рыжеватый пехотный унтер –
Вытертые полковничьи погоны
На солдатский мундир.

Вогнутость холодных висков.
Зрачок надменный и жестокий.
Выродок из немецких князьков
С черепом, раскрытым в Токио.
Губы по грудям измятым
(Изнеженность тубероз и азалий) –
Хитрый, пьяный, злопамятный.
В рюмку опухшие глаза.
Тогда, когда, брови насупив,
От страха в блевотине мыча,
Корнет Юсупов
Гирей – лоб Григория Ефимыча
И тогда, когда у церкви Москвы,
Динамитом мозг оголяя,
Дяди золочёную выю
Вырвал Иван Каляев.
Россия. Ковыль Украины,
Сибирская каторжная пурга.
И тюрьма на глухой окраине
Хмурого Екатеринбурга.
Ночью на острожной наре
Прожитая жизнь мелькать.
А в окна бороною карей –
Государь Емелька.
Матильды коленей худеньких
Чаши – под родовые образа.
В ожерелье из намыленной пеньки
Шлиссельбурга каменная угроза.
Кавалергардов орлы из литого серебра,
Драгунов малиновые попоны.
Ходынки изломанные рёбра.
Гапон...
Утро. Пятнадцать в июле.
Тумана белёсая моль Ока.

Храпом вороная лошадь
В лязге винтовок гулком.
– Не пугайся, мой мальчик Алёша,
Это – обычная прогулка.
Цесаревич Алексей – мундир кирасира
Привыкший рассматривать в трюмо лишь –
Щуплый, вихрастый, сирый –
Разве умолишь.
Разве умолили коченеющим оком
(Пух в разворочённом чреве алее гвоздики)
Те, кому милостью царской в Белостоке
В темя гвóздики.
Через утреннюю росистую гать –
Блудному подобно кобелю –
Дрожащими коленками шагать
Матросу на парабеллум.

Самодержец всея Руси, царь польский, князь
Финляндский и прочая и прочая,
Восточный деспот в дворцах Растрелли, –
У стены, где крапива и молочай,
Братвою расстрелян.
Самодержец всея Руси – этот?
Засморканным платком краснеющий носик.
И сердце, очумевшее в рёберной клетке,
И залпа едкая просинь.
Вот он – в грозе и буре
Железный всадник промчался по городам,
В пушечном дымном гуле:
– Мне отмщенье и аз воздам.
От кровавого золота Лены,
Раздробленных пальцев Красной Пресни,
От Риманновских ладоней холёных –
Алое утро из-под голубых ресниц.

.....

Загнанный в императорском вагоне
Рыжеватый пехотный унтер –
Вытертые полковничьи погоны
На солдатский мундир.

Не для того ль твой тонкий профиль
Мелькнул сквозь просинь табака,
Чтоб я опять рассудок пропил
Под жёлтой крышкой кабака.
Кто ты? Мой друг иль враг случайный?

Российский государственный архив литературы и искусства

Фонд 2255.

Кисины Борис Моисеевич и Вениамин Моисеевич.

Опись 2. Ед. хранения 4

Б.М. Кисин

Стихи, которые не прочтут

Сборник стихотворений, т.1 Избранное

Машинопись и автограф

1923-1981, 57 л.

«Посвящение», «Из прошлого», «В метро», «Под Ярцевом», «Мадонна Сычевская» (1942), «Росстани», «Весна», «Нечаянная встреча» (1936), «Я тебя провожал на каком-то вокзале» (1967), «Покрылось сердце жёсткою корой», «Собачья» (1924), «Памяти Зои Григорьевой» (1924), «Бандитская» (1923), «Твой памяти», «Брату», «Мне всё равно, что для потехи», «Прощальная» Памяти Г. Тиходеева, «Ак-

триса», «Дон-Жуан», «Доктор Петров» (1934), «Встреча с Амундсенем», «О трубке», «Поэт», «В дороге», «Сынам Израиля», «Возмездие», «Послесловие», «Я с вами был и больше нет меня», «С чужого голоса» 1 «Странник» /Есенин/, П «Эмигрант (1959) /Вертинский/; «Прощание» (1960), «Признание» (1960), «Пока твой ясен ум – ты смеешь жить», «Не А.С. Пушкин», «Приди, безногая, не как убийца».

Посвящение

Я умер. Мозг истлел, и нет ни слов, ни уст.
Лишь ветер гонит прах и пепел тлений.
Но ты пройдёшь тропой моих заветных чувств,
О, незнакомый друг из дальних поколений.
Ты раскрываешь тонкий слой страниц
В горячий полдень огненного лета,
И девушка дрожанием ресниц
Приветствует безвестного поэта.
Мой юный друг! Я снова буду жить,
Я в мир вернусь и улыбнусь я с вами.
И девушке ты о любви скажи
Моими безыскусными словами.
А ты, кудрявая, сорви цветок,
В земле пробивший крохотную дверцу,
И поцелуй дрожащий лепесток,
Быть может, выросший из сердца.

1958

Из прошлого

Быстроногая. Солнце девичьих кос.
Над рекою скамейка. Горбатый откос.
Кипень белого платья. Немыслимой синью глаза.
Так пришла ты ко мне пятьдесят лет назад.
Сколько дней пролегло. Ты старуха теперь.
В опустевшей избе заколочена дверь.
Над разбитой трубой не лохматится дым,
И затоптаны начисто наши следы.
Или, может, давно – там, где роща и мост,
Приютил тебя бедный рязанский погост.
Но спускается ночь. И в бессонную дрожь
Ты приходишь, как прежде, ты снова живёшь.
Озорная, красивая... нечем дышать...
И как будто заветные липы шуршат,
И звезда пробивается сквозь облака,
И неловкою лаской в руке рука,
И над ярью полей, над багряной грядой,
Я весёлый, задорный и молодой...
Сердце бьётся, как птица. Твой голос в ответ.
Но втекает в окно непреложный рассвет.
Скудный луч серебрит лоск холодных седин.
Я один.

1965

Росстани

Я коснулся губами губ,
Я тебя целовал при всех.
Голосистое золото труб,
Синеватый весенний снег.
До чего же ты хороша!
Дай взглянуть на тебя ещё.

Ветер, траурной лентой шурша,
Шевельнул цветы возле щёк.
И в ногах у тебя цветы,
Руки сложены на груди,
А с немислимой высоты
Нестерпимая бездна гудит.
На стене твой пылится берет,
Голубое слиняло пальто.
Бесконечность и вечность? Нет.
Пустота, немота, ничто.

1966

Весна

Опять весна. Опять нагая грудь
Мерещится сквозь лунные лучи.
Приди, нежданная. Побудь со мной, побудь...
На крыше лист оторванный стучит,
Часы хрипят. И вдруг издалека,
Из призрачной страны воспоминаний, –
Доверчивая девичья рука
И повилики запах пряный.
Года спадают брэнной шелухой,
Стираются рубцы морщин.
Над полночью, слепую и глухой,
Сверкает солнца золочёный щит.
Мы снова молоды. И вместе мы опять.
Неистов день. Неистошцимы силы.
И не густая старческая кровь –
Вино багряное клокочет в жилах.
Цветут сады. Колышется трава.
Свистят синицы. Лес шуршит над кручей.
Бесстыдные, бессвязные слова...
В твоих глазах лукавый лучик.

... Трава засохла. Лес истлел и сгнил.
Синицы сгнули. И нет тебя на свете.
Над бугорками брошенных могил
Венками ржавыми грохочет ветер.
Не возвратится время. Не придёт назад.
Погаснут, догоревши, свечи.
Неистово свистит железная лоза
Над смертною судьбою человечьей.

1967

Покрылось сердце жёсткою корой,
И кровь густеет в одряхлевших жилах.
В июльский зной иль зимнею порой
Ты станешь над открытою могилой
И скажешь: «Он ушёл, заветный друг,
Отмеченный судьбиною поэта.
Замкнулся утлых дней недолгий круг
У края пресловутой Леты».
О, мать моя суровая Земля,
Хлеставшая нас ливнями косыми,
Метелями слепившая зазря,
Прими на грудь обиженного сына.
Возьми его застывшие глаза,
Возьми его последнее дыханье
И брось росой целебной в старый сад
Иль глиной – в недостроенное зданье.
И пусть чрез десять тысяч лет
В сияньи неизменного заката
Другой, ещё невиданный поэт,
Сомнёт траву, что мной была когда-то.

1955

Твоей памяти

«Так прокричал передутрений петел,
Как и заря на Можайский на шлях».

В. Кисин.

На Можайский шлях не заря упала,
На Можайский шлях не ветер пал.
По Можайскому шляху в полынном опале
Последняя твоя тропа.

Брату

Чёрный полог с белой звездой.
Вечная память и вечный покой.
Не шевельнуться и не вздохнуть.
Долог и краток последний путь.
Галки кричат на Можайском шоссе,
Тащатся дроги на стылой росе.
Прожито мало – жить бы да жить,
Солнцу смеяться, любить и тужить,
Звёзды увидеть в утренней мгле,
След свой оставить на вечной земле.
Не досмеялся, не дотужил –
Голову ночью на камни сложил.
Кто твой убийца? Куда он пропал?
В тёмных дворах затерялась тропа.
Кровь запеклась на простреленном лбу,
Ветер над мёртвым затеял гульбу.
Да в багрянце холодной зари
Стыли ослепшие фонари.
Не досмеялся, не дотужил,
Голову даром на камни сложил.
Только остались в свитке веков
Светлые строки мудрых стихов.

1976

Мне всё равно, что для потехи
Возьмут мои стихи в библиотеке,
Когда я после жизни скудной и не бурной
Смиренно упокоюсь в урне.
Что вам, как мы любили и вздыхали,
С какими воевали мы грехами,
Какие бездны звали нас на дно –
Вам будет непонятно и смешно.
Другие дни, другие люди...
Мне всё равно. Меня не будет.

1977

Прощальная
Памяти Г. Тиходеева

Эх, дружище, что это за шутки?
Отчего в белёсый зимний час
Ни на миг, ни на минутку
Не откроешь помутневших глаз?
Что с тобою? Где твоя ухватка?
Обряжён, причёсан и обут,
Ты лежишь в покрашенном и гладком,
Блёстками разубранном гробу.
Города бетонная громада
Фонарями раздробила ночь,
А тебе здесь ничего не надо,
А тебе спокойно и темно.
Ветер гонит ржавые былинки,
Яблоня осыпалась в саду.
Никогда, ни по какой тропинке
Я к тебе навстречу не приду.
Не дожидаться нового свиданья.
Смерть не отогнать, не застращать.
Милый мой! Увы! – не «до свиданья»,
А на веки-вечные «прощай»

Поэт

<...> А если ты слеп, а если ты глуп
И, как плесень, провис на лесах –
Сломай лучше пальцы умелых рук,
Чтоб больше не смели писать.

1940

В дороге

Вороны на крышах горбатых
И солнце висит, как медаль.
Идут по дороге солдаты
В морозную мутную даль.
Идут по дороге на запад,
На танков зазубренный след.
И ёлка косматою лапой
Махнула тревожно вослед.
Сон клонит. Ни утро, ни вечер.
А жизни ничтожна цена.
Там где-то над гаснувшей свечкой
Сидит сиротливо жена.
И книги пылятся на полке,
И бронзовый томный амур.
Оборван, на ниточке шёлковой
Над лампой слепой абажур.
Не думать. Не помнить. Не надо.
Забудь об отце и жене.
Лишь тяжкой кувалдой приклада
Долбит по измокшей спине.
Всё ближе и скрежет и грохот
В обугленный вздыбленный лес.
Ты бросишься – крошечный, крохотный

Громадине наперерез.
Взметнулись багровые всполохи,
И нет нам иного пути:
В железо одетому ворону
По нашей земле не пройти.

1941

Сынам Израиля

Я прожил жизнь. И много раз
Стучалось горе у моих дверей.
Но никогда, как в этот горький час,
Мне стыдно не было, что я еврей.
Не ваших ли сестёр свинцовый дождь крошил,
Не братьев ли сжигали в пламени печей,
А вы, подсчитывая барыши,
Усердно жмёте руки палачей.
На строгих фраках мозг и кровь,
На пухлых пальцах вонь напалма...
Рассеченная пулей бровь,
Расщепленная в клочья пальма...
Детей и стариков застывший взор,
Осколки кирпича в стене разбитой,
И несмываемый позор
На голубом щите Давида.
Не преступайте роковой черты!
Не разжигайте праведного гнева.
Сгорят Саронские цветы
В пустынях мёртвого Негева.
Не голосите ржавою трубой,
Земною не кичитесь силой.
Вас не спасёт ни Бог, ни Бонн,
Американский не придёт Мессия.

1968

Возмездие

*«В Париже в кафе убит Петлюра»
(из газет)*

<...>

Он жёг города, он сёк стариков,
Он девушек – банде лохматой.
И выжжена кровью на веки веков
Проклятая, страшная дата.
Но вот, возлюбивши покой и тишь,
Он жизнь доживать уехал в Париж.
А ночью в кафе, сквозь дождь фонарей
К нему подходит сутулый еврей
И в стон саксофонов, в нестройный гул
В упор посылает семь верных пуль,
Семь верных пуль – одну за одной,
И падает враг, будто камень, на дно.
А он рукавом вытирает дуло.
Спускает на место тугой курок.
Теснее и жарче людей кольцо,
Но смотрит убивший всем прямо в лицо.
Есть вещее слово: возмездье и месть,
Есть вольное слово: свобода и честь.
И мудрость удара пряма и проста,
Как чёрного кольца властная сталь.

Послесловие

Мои стихи умрут со мной.
Засохнут на нечитанных листах,
Как лепестки, спалённые жарой,
Как листья на затоптанных кустах.

Стихи умрут. Я больше знал утрат.
Кто станет о стихах тужить?
На брошенном столе лежит тетрадь
С надорванной наклейкой «Жизнь».

1976

Я с вами был и больше нет меня.
Сомкнулся утлых дней короткий круг.
Ты, в память обо мне испив вина,
Переверни пустую чашу, друг.

1979

Пока твой ясен ум – ты смеешь жить,
Пока тверда нога и зорек глаз.
Но если самого себя ты пережил,
Своей рукой готовь последний час.

1980

Не А.С. Пушкин

Я памятник себе воздвиг – он рукотворный,
Рубцами строк начертанных покрыт.
Ему не вознестись главою непокорной
Соперником бессмертных пирамид.
Нет, весь я не умру: Душа в негромкой лире
Меня переживёт и след мой сохранит.
И долго будут знать в подлунном мире,
Что был ещё один непризнанный пиит.
А на архивной тесной полке
Уляжется неброский том
Рождённых, может быть, без толку
Стихов, которых не прочтёт никто.

1981 (автограф)

«Я смерти так боюсь
и так ей был бы рад»

В. Кисин.

**Приди, безноса, не как убийца,
А избавительницей. Я устал.
Голодные взъерошенные птицы
Умолкли в обезглавленных кустах.
Тускнеет неба благостная просинь,
Тяжёлый полог растянула тьма.
А для меня пришла не осень –
Безмолвная, промёрзшая зима.
Густеет кровь. Бессильно бьётся сердце.
Испит до дна желаний пряный грог.
И пролегла за утлой дверцей
Последняя из всех земных дорог.**

1981 (автограф)

**Российский государственный архив
литературы и искусства**

Фонд 2255 Кисины Борис Моисеевич и
Вениамин Моисеевич.
Опись 2. Ед. хр. 6.

Б.М. Кисин
Стихи, которых не прочтут.
Сборник стихотворений.

Т.2.

Не для избранного.
Машинопись и автограф
1928-1981, 32 л.

«В музее» (1939), «У порога», «Испанка» (1938), «Далёкая», «Полка с десятком книг», «Был...» (1965), «Не могу себя удержать», «Ничего я теперь не знаю», «Только б разум остался ясным», «Сумбур», «Научите меня, о люди» (1968), «Проводы» (1932), **«Не ругайтесь, такое дело»**, **«На площади»**, «На погосте» (1953), «О поэте» (1924), «Ночью улицы заснувшие молчат» (1971) «Не тускнеет она, не старится», **«Пришла пора»**

«Не ругайтесь, такое дело»,

Не сердитесь, что не пишу.

<...>

Не поставят мне, к сожаленью,

На Ваганьковском монумент.

1939

На площади

Зелёный берет плывёт над толпой,

Твой профиль отточен, как нож.

И снова от страсти глухой и немой

По сердцу желанная дрожь.

Кто ты, я не знаю. Но тысячи раз

Я видел тебя по ночам.

И свет нестерпимый призрачных глаз,

И косы по тёплым плечам.

Ты Донною Анной являлась ко мне,

И шпаги гремели в упор,

И серую грудой надгробных камней

Вставал за тобой Командор.

Иль вдруг Дульцинеей под треск кастаньет
По миртовым рощам ты шла
И рыцарь лобзал твой невидимый след,
Сгорая под тяжестью лат.
Но это горячий весёлый май,
И флаги, и песни, и смех...
И ты мне в лицо заглянула сама,
Откинув мерцающий мех.
И сердце, как птица, летит из груди,
Чтоб лечь на твоих руках.
На пыльной площади наши следы -
Скрестившись, как два клинка.
Так брось, как перчатку, надменный взор,
Чтоб сразу мы стали вдвоём,
Чтоб было лишь лето, да чёрный узор
На тонком платье твоём.

1953

Пришла пора

Простились все мои грехи
За то, что бросил я стихи.
Пришла пора – и я утих,
Прощай навеки, бойкий стих.
Зачем на старости грехи?
Кончай, поэт, строчить стихи.
И нет стихов – и нет грехов,
И нет грехов – и нет стихов.
Всё так, всё – так: грехи, грехов, –
Но жаль, что больше нет стихов.
Придите ж вновь, грехи, грехи,
Вернитесь вновь, стихи, стихи.
...Нет, не бывать былым грехам,
Нет, не звенеть опять стихам.

РГАЛИ. Ф. 2255. Оп. 2, Ед. хр. 1

Борис Кевер. «Чёрный Христос». Стихи. 1921.

1-й сборник стихов, рукописный (с примечаниями по содержанию). Автографы. Обложка – распятие – **рисунок Бориса Кисина**. «Город», «Вечер», «Коронованная», «Базарная», «Неточка», «**Каждый день раскалёнными каплями на бритое темя**», («Я смерти так боюсь и так ей был бы рад». **В. Кисин**. – эпитафия) «Возлюбленная моя! Голубица моя! Зрачки твои зелёные», «Реквием. (Бедный котёнок, круглая вишенка)», «Акафист», «Нерифмованная смерть», «Берцовая флейта (Отнесли. Закопали. Бросили)», «**Скрытник**», «Бегунец», «Офелия», «**В Гефсиманском саду**», «**Рязань**», «Nature morte», «**Поволжское**», «Адонай, Адонай... Ночь железными челюстями», «**Ночь...**».

**Каждый день раскалёнными каплями
на бритое темя.**

Руки распяты. Раздроблены кости.
Чёрными хлопьями нагая темень,
Язвы плетей в багровой коросте.
Желчь и уксус. Ветер, ветер.
Острые грани – исхудавшую спину...
Ещё бугрятся рваные вены,
Белые губы сквозь жёлтую пену
Шелестят: «Авва, Авва», –
А ты, умащённая, как блудница,
Благоухающая нардом и лимоном,
С рослым и Смуглолицым
Римским центурионом...

Скрытник

Изъязвлённое сердце устало
Слушать вечности вечный плеск.
Револьверное жгучее жало –
На моём прокажённом виске.
Такие, как я, наивные,
Бледность пальцев – на зёрна чёток,
В вишняке у засохшей ивы
Слушать чёткий чёкот чёток.
Незлобивым, кротким и бледным
В ручейках кормить уклеек,
Под весёлый детский лепет
Бумажные змеи клеить.
А оттуда, сквозь боль и муки, –
Лохматая волчья стая.
В сложенные накрест руки
Воронённый Пипер-Стайер
(марка пистолета. – прим. Б. Кисина)
И моё смирение.
Возлюбившему Сакью-Муни
Продавать грибы и варенье
Где-нибудь в Горкоммуне.
Убежать бы в скит, в горы,
На шуршащий серебряный плёс
От железных объятий, город,
Твоих зубчатых колёс.
Ни злобы, ни страха не ведать,
Забрести на заре в бурелом
И кормить с ладони медведя,
Распевая святой псалом.

В Гефсиманском саду

Благовонны терновые иглы,
Язвы чище и краше лилей.
Белым агнцем из смертного тигля
Сердце – в радугу райских дверей.
Каплет с треснувших губ «Аллилуя»
Палачу на коричневый торс.
Наклонился ко лбу поцелуем
Старший брат Иисус Христос.
У подножья Господнего трона
Восприявшие крестную брань.
Расцветёт ярче розы Сарона
Изъязвлённая муками длань.
Пусть чеканные чертят узоры
На груди переплётыв плетей...
Просветлённые молнией взоры –
Через страдание в вечность лететь.
Опадёт шелухой шелестящей
Плоть на жертвенном жгучем огне.
Фимиама и ладана слаще
Поборовшие гордость и гнев.
Иисусе! Благой, синеокий!
Из темницы: ей, Господи, ей.
Опалённые пламенем щёки
На ладони пречистой твоей.
Осквернённое пытками тело
Ночью в топкий и тинистый ров.
Бирюзовыми складками стелется
Звездотканый Господен покров.

Рязань

Жёлтые трубы.
Красный собор.
Тинистый Трубеж
Синий пробор.

Дева Святая.
Отрок Исус.
Галочья стая.
Высохший куст.

Колокол гулкий.
Голый откос.
Щель переулка.
Куцый Барбос.

Пыльные окна.
Белая мышь.
Барышни кокон.
Пятна офиш.

Ликом на север,
Задом на юг –
Вытертый Кевер
В яблонный пух.

Пухлый щеглёнок.
Пышный киот.
Возле заслонки
Холёный кот.

Но чрез горбушки
Сгорбленных крыш
В «охи» старушек,
В липкую тишь,

Через калитку
В сонную пыль -
Росные лики
Вечных светил.
(Божьих – в сб. № 4 в ГМИРЛ)

Поволжское

Ваня, Ванюшка, голубь мой сизый!..
Синий лобик, мёртвые зубы.
Копоть на паутинные снизки
По мокрым коленям сруба.
На рученьки твои и ноженьки
Не мать-сыра-земля одеяло –
В узком погребе тупым ножиком,
Липкий студень с прожилками сала.
*(На голодающем Поволжье имело место
людоедство. – прим. Б. Кисина).*
Мать Божья, Дева Пречистая!
И у тебя на руках сыночек...
В трещины поля кричит стая,
Чёрные крылья на креп ночи.
Мировая гармония отшлифована тонко.
Мудрый Мастер форму лил.
Мышиный писк жалобных стонов
По Божественной чёткой формуле.
Но если у мальчика сквозь серую кожу
Тонкими прутиками чистенький скелетик, –
Почтительнейше возвращаю, Милосердный Боже,
В Царствие Небесное входной билетик.

Ночь.

Гулко
По переулкам
Голову напрочь.
Христа ради
Нищему духом.
Забор на брюхе:
«Шоколад Конради!».
Лужи, лужи,
Синим, красным.
На углах сны,
Напружась.
Господи... Эй ли...
Кровяные спазмы.
Черепавзмыл,
Как кегли.
По лону –
Наганом.
Сапогами –
Колонны.
Христос Воскресе!
Лжёте.
В смертном поте
Век сень.
В руке веер.
Снежная Китти.
Девушка, не хотите ль:
Продаётся Кевер.
За два поцелуя
Со всеми стихами.
А древле камни:
Аллилуя.
Липкая глина.
Головой о стены.
На кресте ныть:
– Лима, Лима...

**ОР ГМИРЛ им. В.И. Даля.
Ф. 277. Оп. 1. Ед. хр. 3**

Борис Кевер. «Черный Христос».

Стихи. Автографы. № 4.

Обложка и гравюры на линолеуме на стр. 1, 7, 9 –
работы автора. 1921-22 гг..

Приложение: Примечания к сборнику стихов. Автографы.
1982 г.

Содержание то же, что и в сборнике «**Чёрный Христос**» в
РГАЛИ. В конце **добавлено** стихотворение:

Отошедшему брату

На припудренные болью щёки
Ломкой смерти жёлтый махаон.
На кирпичный грановитый цоколь
Крыльев исступленным взмахом – Он.
*(«Крыльев исступленным взмахом – Он.» –
Демон. Прим. Бориса Кисина)*
Окаймили чётко чёрные губы.
Загустела век пристывшая синь.
Прохрипели ангельские трубы
В мёртвом звонком посвисте косы.
Не сказал последнего завета.
Медный Молох глаз молящий стон.
Начертил шальнойю пулей ветер
На затылке огненный пион.
Истекает треснувшее солнце
В оголённый кровью водоём.
Робким пальцем в тусклое оконце:
– Помяни мя в царствии твоём.

«По поводу сборника

Под псевдонимом Борис Кевер я выступал до кончины моего брата, поэта Вениамина Кисина.

Пессимистический характер сборника обусловлен душевной растерянностью автора из-за столкновения усвоенного с детских лет религиозного мировоззрения и всё яснее ощущаемого понимания несостоятельности религии, доходящего до богоборчества, до желания свести счёты с прежними верованиями.

Это ощущалось как в заглавии сборника (Христос-то не светлый, божественный, а чёрный), так и в двойственности стихотворений: с одной стороны это «Бегунец», «Скрытник», «В Гефсиманском саду», с другой – «на стене ухмыльнулся бог с глазами кретина», «в трактире за липким столиком с пьяной девкой бог».

Однако автор не замкнулся в круге личных переживаний – он горячо откликается на жгучие проблемы эпохи.

Это показывает ряд его произведений, опубликованных в двадцатых годах в периодической печати: «Ленин», «Сакко и Ванцетти», «Товарищ Войков», «Сказ о газете» и др. Таковы его стихотворения, опубликованные в сборнике стихов, выпущенном Всероссийским Союзом поэтов в 1927 году, – такие как «Иван Иванов», «О книге», «Поэма об учителе», «Песня о браунинге», «Лётчик» и др.

Б. Кисин».

РГАЛИ. Ф. 2255. Оп. 2. Ед.хр. 2

Солнечной памяти
учителя и брата
Вениамина Кисина

Борис Кисин
Мёртвая петля
3-й сборник стихов
1922-1926.
Автографы.

«Песня о браунинге», Памяти лётчиков Михайлова и Филиппова «Из земной изведанной закуты», **«Выгрызть землю, оплаканную дождём»**, Памяти Есенина «Отзвенело сердце буйною тальянкой», «Дон-Кихот», «Звери жрут друг друга», «Венок на могилу Жени», **«Я старею, что ли, - но всё чаще, чаще»**, «Ах, не надо губки бантом», «Чего мне, чего ещё надо», «Только утро любви хорошо», Эпиграф: «Я поэт и циник». **В.Кисин (эпиграф)**. **«Думаете, я правда циник»**, «Тленная тьма помутневшим оком», «Торквемада».

Выгрызть землю, оплаканную дождём.
Костяшками пальцев о гробовую крышку.
Брат мой: рёбра ль твои бандажом
На отчаянье, выпученное грыжей.
Женщины, женщины на Кудринской.
Лайковая кожа. И мушки.
А тебя смерть – белёсой пудрой,
И в черепе пуля погремушкой.
Тихо и пусто. И черви,
Черви сточили до тла.
Никогда больше смерть до чрева
Сквозь сусальное золото лат.

А я – каждой ночью в тоске
Мимо голых глав Покрова
Палёные пальцы – распутник и аскет)
В серые, арестантского сукна рукава.
Под вопли и визги чужих оргий,
У граней гранитных последней черты
Искать в лоснёных столах морга
Заострённые заученные черты.
И звериный вой застревает в горле.
Братства и равенства рваный илот.
А в покорном небе клёкот орлий –
Мёртвым мотором пилот.
Что же, крепка моя вера.
Не хулю весенних весей я.
Может быть, и меня за углом из револьвера
Для мирового равновесия.
И не для него ль на чреслах Тверского,
У общественного писсуара,
Пушкину в уши, изморозью скованные, –
Слепой скрипач – пачки арий.
И не для него ль в Зоологическом - рыло
Умиряющей мартышки и зрачков олово.
И безглазый кондор кровавым криком:
– Подсудимый бог, ваше последнее слово.
– Истинно говорю тебе, сегодня будешь со мною, –
Не горшей ли ложью с искалеченного плеча.
На сожжённую кожу здешней, земною
Электрической мудростью - выключатель.

Я старею, что ли, – но всё чаще, чаще
По сердцу проходит злая дрожь.
Где, в какой звериной чаще
Скрыться мне от человеческих рож.

На какой лосиной тропке дальней,
Чтобы больше не платить ясак.
Ты трясешь теперь другому в спальню
Жирные вольготные мяса.
У другого на коленях, что ли,
Собачонкой ласковой юлишь.
Поцелуй мой, выжженный до боли,
На тебе – тягчайшей из улик.
За меня ты, знаю, не в ответе:
Тот виновен, кто упал в бою.
Ну, а всё же в свой последний вечер
Вспомни жизнь хрипящую мою.
Из угла крылом косматый ангел.
Дрогнет мозг, отчаяньем томим.
При последнем трепетном дыханьи
Захлебнись проклятием моим.

«Я поэт и циник». В. Кисин.

Думаете, я правда циник?
Сердцу детский сон снится.
Я плачу над смертью личинки
И над голодной синицей.
Хохоча мефистофельским смехом,
Чётким и холодным, как бином,
Жду, не повторит ли эхо
Голубиное имя любимой.
Скаля зубы, как лошадь,
Рот ощерив, как скептик, –
Нежно глажу ваши калоши
И ремешок пикейной кепки.
Исследуя минус бесконечность,
Веруя в микроскоп и кино –
Знаю: в груди вечно
Царапается кроткий инок.

Кланяясь любви двуспальной,
Волчьи заповеди глаголю гладко –
Поцелуем почтительным смуглые пальцы
И сыну чужому украдкой шоколадки.

РГАЛИ. Ф. 2255. Оп. 2. Ед. хр. 10

Борис Кисин. Senectus. Сборник стихов, рукописный.
Автографы. 1981-1982.

«Не А.С. Пушкин», 1981, («Я смерти так боюсь и так ей
был бы рад». **Вениамин Кисин** – эпиграф) «Приди, безногая,
не как убийца, 1981, «Все больше холодеет тело», «Пока твой
ясен ум, ты смеешь жить», 1982, «Реникса» («Простились все
мои грехи»), 1981, «**Мои стихи лежат и терпеливо ждут**»,
1982, «**Post scriptum**» («**А всё же вновь цветут фиалки**»).

Мои стихи лежат и терпеливо ждут,
Храня в тиши словесные фиоритуры.
Надеются – а вдруг да попадут
К дотошному историку литературы.
А тот, наморщив мудрый лоб,
Спасёт меня от хладной Леты
И поместит без лишних слов
В пространный перечень неведомых поэтов.

«Post scriptum»

А всё же вновь цветут фиалки,
И шмель лобастый истово жужжит.
С тобой, Земля, расстаться жалко,
И хочется всё жить да жить.

ГМИРЛ им. В.И. Даля. Ф. 277. Оп. 1. Ед. хр. 4.

Рукописный альбом с посвящениями Б.М. Кисину. Автографы авторов. Рязань – Москва, 1921-1925. На л. 8 рис. Григория Тиходеева, на л. 23 об. и 24 – рис .Натальи Нагорской, на л. 25 об. – рис. Георгия Васильева. Переплёт, обложка с аппликацией работы Бориса Кисина. Примечания о тех, кто писал в альбоме. Автограф Б.М. Кисина.

*На память о тягучей Рязани
с любовью Борису Кеверу*

Прелюдия света

Мира
Сад запущенный,
Зелёная новь,
Свет насущный,
Свет – любовь.
Туда – туда
Закатав
Огненные плети,
Тысячелетий
Медовая ржа.
Ветер, ветер.
Кто идёт?
Звонов стая,
Музыкой нарастая,
Улыбистая –
Неведомым солнцем
Оснеженный рот,
В солнечную вечность
Проросшие глаза 13/1- 1922

Дм. Майзельс

«Зимнее солнце в мешок...»

13/1-1922.

Дм. Майзельс.

*Борису Кеверу, который
будет с нами*

Отрывок из романа

Всем Рязаням, Елатьмам, Касимовам,
спрятанным в зелень,
в бездорожьях, у плёсов –
на холмах и пригорках, по полям и улогам –
всем –
одетым в колокольные звоны и в шёпот полей,
в крик журавлей и молчанье закатов,
в изумруде весны и в багрянце осеннем, –
всем –
косопузым, забытым, заброшенным,
подслеповато усупленным в синь,
в платочках цветных и монашеских схимах –
всем – всем –
всем Рязаням, Елатьмам, Касимовам,
у просёлков, у шляхов проезжих, в бездорожной
осенней грязи
и под снежным убором, и в галочьем крике –
вербы весенняя весть.

Люминист Вениамин Кисин

Рязань. 14.1.22 г.

Борису Кеверу

«Грузовик пьяным глазом...»

Рязань, 1921.

Сергей Оленин.

(Ноты).

Знаменитый революционный похоронный марш из музыкальной картины «могила без цветов», на который написаны слова «Вы жертвою пали в борьбе роковой». По сведениям, написаны Гёте, Бюхнером, Штарком и др., в действительности мною в Берлине <...>.

На память о содружной работе
на ниве чистого искусства

Б. Кеверу

26.1.1922. Иконников Н.Н.

Ив. Панорамов-Сокольский. 26 января 1922, Рязань.

Иван Борисов 22.2.1922, Рязань.

Б. Кисину

Вы тихий, как бывают тихими зори,
Опрокинутые в глубь колодца.
Я пишу Вам, милый Боря,
Что надо любить и бороться.
Лапы тягучей и старой Рязани
Над головою мученическим ореолом.
А в мутные стёкла робко влезает
Выжитых дней переплавленное олово.
Беспомощными пальцами мнёте глину
И плачете над неудавшейся жизнью,

Какой ветер сумеет кинуть
В пламень богов шальной джигой?
Так чтоб разлетелось!
И звякнули стекла
И загорелось сердце до боли!
С мудростью, достойной Софокла,
Излагаю Вам мою последнюю волю.

*Москва. 1922 г. Наталия Кугушева.
31 мая.*

(Домики... Рисунок).
Монограмма ГТ (Григорий Тиходеев) 16/1-22.
Одиннадцатой строчкой на четвёртой странице твоего
«Album».

Моё раздумье о революции -
Борису Кисину
«Ночными днями шумными...». **Анатолий Шишко**. Москва.
11 июня 1922 г.

«Искусство вспоминает или предвидит. **А.Лаврецкий**.
13.X.1922.

Автограф на иностр. языке. (**Хрущёва Елизавета Михайловна**. Рязанская поэтесса, переводила на французский язык стихи С. Есенина. Прим. Бориса **Кисина**).

Надеюсь, что прогремите в будущем, как художник.
М. Сивачёв. 8/Ш 1925. Москва.

«Жизнь холоднее дышит с каждым часом...»

Борису Моисеевичу на добрую память **Всеволод Шманкевич**. 27 апреля 1924 г.

8.ХП.25. **Мих. Ковлев** (псевд. **Глубоковский**).

Джалита (отрывок). М.16 сент. 1922. **Тарас Мачтет**.

«Друзья мои опять в забросе,
За кем теперь грядущий кегельбан,
Вторая родина, тебе, тебе одной <...>».

Николай Хориков. М. 23 октября 1922. «Захолустье».

Георгий Дешкин. 22 г.

«Нет ни большого у меня, /Ни даже маленького счастья...»,
«Я не искал для жизни сил».

«Не скоро, нет... Но руки вновь слабы, слабы». **Марианна Ямпольская**.

Портрет. Рисунок **Натальи Нагорской**. 15.Ш.24 г. Москва.

Рисунок: скрипка, слова «пространство», «разрушающее», «лист».

Состряпал «художник», а паче музыкант **Васильев Георгий** на добрую память **Борису Кисину**, коему искренне симпатизирую.

120-летие со дня рождения и 95-летие памяти Вениамина Кисина

День рождения. День поэзии. День счастья Мемориальная доска Вениамину Кисину

21 марта (по новому стилю в нашем веке) 2017 года в 120-й день рождения Вениамина Кисина состоялось открытие мемориальной доски поэту в Рязани на Соборной 13.

Этот день, как указание Свыше правомерности выбора, оказался Всемирным Днём Поэзии.

А установили мемориальную доску накануне, 20 марта, а это в 2017 году – Международный День Счастья.

День Счастья – это ещё и переключка с Переулком Счастья между домом на Соборной 10 и Соборной 8: с табличками на доме на Соборной 8 «Переулок Счастья 1» и «Площадь Согласия 1», которые так назвала и установила дизайнер Кира Рязанова, ещё не зная, что в этом доме, возможно, после уплотнения их квартиры, жили Кисины и на этот адрес: Рязань, Соборная 8, – из Сорренто пришло письмо М.Горького – Алексея Максимовича Пешкова с признанием поэтического мастерства Бориса Кисина в ответ на присланный писателю в подарок, как тогда было принято, первый и единственный сборник стихов поэта.

Установление мемориальной доски Вениамину Кисину, воскресение, возвращение в Россию стихами – это «вербы весенняя весть», и мне нужны были цветы – конечно, тюльпаны и, конечно, верба. Такой «трогательный букетик с вербочкой», (как написала Елена Сафронова в своей талантливой заметке в 7info), с вербой голландской, я нашла в одном из не просто цветочных магазинов, а в «Элит-флоре» на Почтовой.

По своей душевной доброте Ольга Николаевна Лебедева откликнулась на мою просьбу и со своим сотрудником принесла колонки и такой красивый микрофон, в который, даже если не знаешь, что сказать, обязательно что-нибудь красивое скажется.

На фото Ольга Николаевна Лебедева.

Фото Виталия Филиппова.

У микрофона я – Галина Петровна Иванова.

Фото Юрия Блудова.

Роман Евгениевич Маркин принёс две тёмно-красные розы: «Это – тебе, а это – ему», – и сам умудрился красиво «ему» эту розу разместить. И говорил он красиво и умно и, главное, что мы не «Иваны, родства не помнящие».

Фото Елены Сафроновой. (Фотографии Елены Сафроновой предоставлены с её согласия и фирмы 7info).

На фото Ирина Петровна Самойлова и Алла Александровна Севастьянова.
Фото Виталия Филиппова.

Алла Александровна Севастьянова положила хризантемы Вениамину Кисину, прочитала его стихотворение.

А Ирина Петровна Самойлова протянула солнечные розы – мне, как знак Люминизма Вениамина Кисина: «Зелёный стебель – солнце».

У микрофона Алла Александровна Севастьянова.
Фото Юрия Блудова.

У микрофона Нурислан Гатауллаевич Ибрагимов.
Фото Ольги Сидоровой (Ершовой).

Нурислан Ибрагимов, как всегда прочувствованно и талантливо, к словам стихотворения В. Кисина добавил основное, что должно произойти – возрождение Союза Поэтов: «И первым в этом Союзе будет Вениамин Кисин».

У микрофона Елена Владимировна Чумичёва.
Фото Виталия Филиппова.

Любовь Александровна Созонова (Кудряшова) рядом со мной оказалась в тот момент, когда я получила в подарок книгу об искусстве от Станислава Дмитриевича Анфимова. Как будто она знала, что в этой книге есть цитата из моей работы о Валерии Кудряшове. Когда я прочитала книгу, то, конечно, я передарила её Любочке, объяснив – почему. А она сказала, что во время открытия мемориальной доски она увидела своего Кудряшова.

Фото Ольги Сидоровой (Ершовой).

На фото: Станислав Дмитриевич Анфимов,
Елена Валентиновна Сафронова, Ольга Ефимовна Воронова,
Виталий Филиппов, Галина Александровна Долотина,
Ирина Петровна Самойлова,
Алла Александровна Севастьянова.

Фото Ольги Сидоровой (Ершовой).

Слева направо: Людмила Николаевна Чернышова, Виталий Филиппов, Станислав Дмитриевич Анфимов, Людмилочка, Арсен Валентинович Бабурин, («племя молодое, незнакомое», - прошу прощения, не смогла выяснить имя), Любовь Александровна Созонова (Кудряшова), Юрий Вадимович Блудов, Ирина Петровна Самойлова, Алла Александровна Севастьянова. У микрофона Нурислан Ибрагимов.

Слева направо: Людмила Николаевна Чернышова,
Виталий Филиппов, Олеся Яновна Азовцева,
Людмила Васильевна Анфимова, Станислав Дмитриевич
Анфимов, Ольга Ефимовна Воронова, Вероника Шелякина,
Елена Владимировна Крючкова, Любовь Александровна
Созонова (Кудряшова).

Фото Елены Сафроновой.

Слева направо: Елена Владимировна Крючкова,
Людмила Николаевна Чернышова. Валентин Павлович
Нагорнов, Олеся Яновна Азовцева, Людмила Васильевна
Анфимова, Галина Александровна Долотина,
Елена Владимировна Чумичёва, Арсен Валентинович
Бабурин, Вероника Шелякина, Людмилочка, Ольга Ефимовна
Воронова, Любовь Александровна Созонова (Кудряшова),
Ирина Петровна Самойлова.

Фото Елены Сафроновой.

Слева направо: Галина Петровна Иванова,
Елена Валентиновна Сафронова, Ольга Николаевна
Лебедева, Ольга Васильевна Сидорова (Ершова), Нурислан
Гатауллаевич Ибрагимов, Нина Борисовна Чельцова,
Елена Васильевна Полохова, Юрий Вадимович Блудов,
Юлия Ивановна Кадыкова, Людмила Николаевна
Чернышова, Виталий Филиппов, Олеся Яновна Азовцева,
Людмила Васильевна Анфимова – мой незаменимый
библиограф, «мой компьютер»,
розы Ирины Петровны Самойловой.

На фото Елена Васильевна Графшина.

Фото Виталия Филиппова.

У микрофона Юрий Вадимович Блудов.
Фото Виталия Филиппова.

Юрий Вадимович Блудов, которому удалось мемориальными досками заЕсенить Рязань, сказал, что это ему всё-таки было не так трудно, как мне – добиться разрешения и установить мемориальную доску Вениамину Кисину.

Ольга Сидорова подчеркнула, имея в виду мой воинствующий люминизм, что «один в поле воин».

Ольга Ефимовна Воронова, как всегда на должном уровне, ёмко и талантливо, проанализировала это литературное событие, добавив, что это мой «гражданский подвиг». (Могу только сказать, что я всегда так живу).

У микрофона Ольга Ефимовна Воронова.
Фото Елены Сафроновой.

«Здравствуй, племя молодое, незнакомое!».
На фото Вероника Шелякина.
Фото Виталия Филиппова.

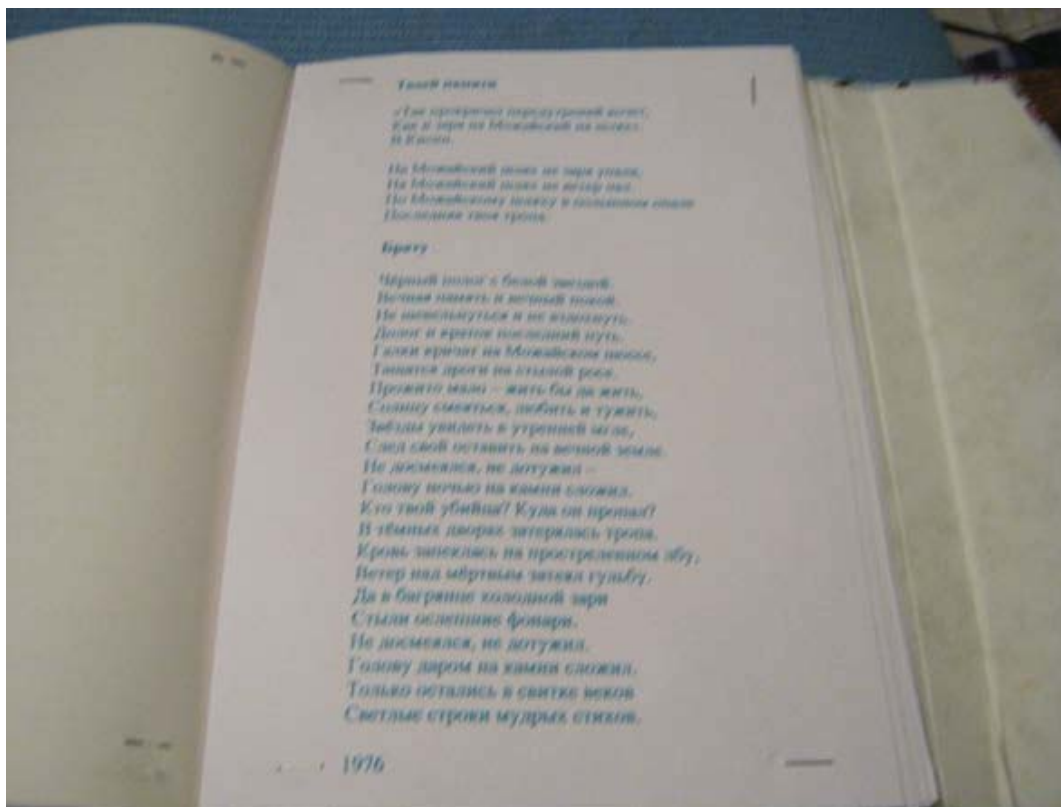
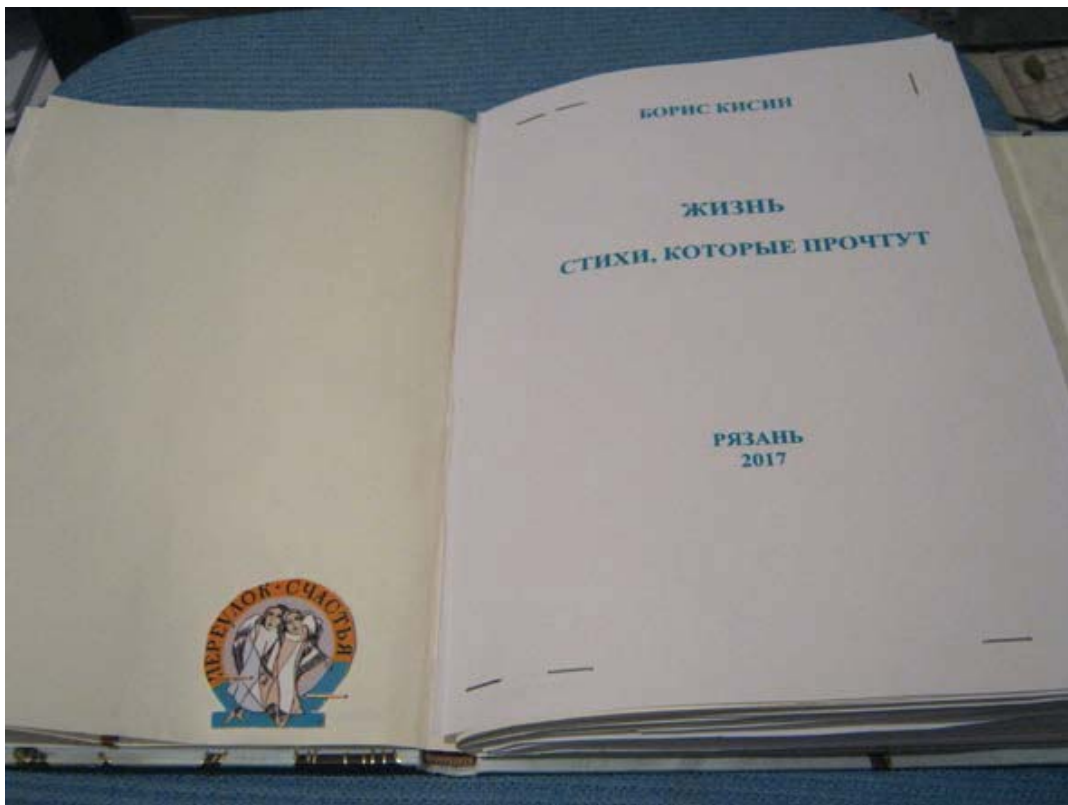
Вот так высокая культура «переворачивает»:
999, – известное число.

День памяти Вениамина Кисина

95-й День памяти Вениамина Кисина 12 апреля 2017 года я отмечала у дома по улице Соборной 8 – в Переулке Счастья 1 – на Площади Согласия 1, – в котором в конце 20-х годов XIX века жили Кисины и куда в 1928 году из Сорренто пришло письмо М.Горького – Алексея Максимовича Пешкова Борису Кисину с признанием его мастерства в ответ на присланный им в подарок писателю сборник стихов (Борис Кисин. Стихи. Изд. ВСП, М., 1927).

Я не успела ко Дню памяти издать в типографии сборник-подарок со стихами Вениамина и Бориса Кисиных и своими статьями, а людей созвала, по телефону и лично, разнесла приглашения, и потому за одну ночь с помощью компьютера и стэплера приготовила сборник избранных стихов Бориса Кисина «Жизнь. Стихи, которые прочтут». (Борис Кисин переписал свои стихи из тетради «с надорванной наклейкой «Жизнь» в два рукописных сборника с названием «Стихи, которые не прочтут» и передал в Российский государственный архив литературы и искусства вместе с воспоминаниями и комментариями, книгами, рукописями своими и Вениамина Кисина).

День памяти Вениамина Кисина я отмечала у дома, связанного с именем и со стихами Бориса Кисина, потому что только благодаря Борису Кисину, которому было почти 23 года, когда в Москве 12 апреля 1922 года застрелили его 25-летнего брата («кровь запеклась на простреленном лбу», «на затылке огненный пион»), мы узнаём жизнь и творчество Вениамина Кисина, только благодаря Борису Кисину «солнечная память» его старшего «брата и учителя» не канула в Лету. А название рукописи стихов Бориса Кисина «Стихи, которые не прочтут» прошло «нарезом по сердцу моему», и я назвала свой самодельный сборник «Жизнь». Стихи, которые прочтут» и передала его в НБ РИАМЗ, чтобы эти стихи читали, как всё то, что он передал в архивы, музеи, научные библиотеки Москвы и Рязани.

Мы с Анастасией Пирожковой стояли и ждали, я – у дома у мемориальной доски с указанием, что это памятник архитектуры, она – напротив входа в этот дом, в котором теперь разместился Городской ЗАГС (я не знала её лично, не знала, что она сотрудник библиотеки им. М. Горького и что она тоже пришла на День памяти). В мозгу прокручивались слова Пастернака и Вознесенского; и Пушкина: «Нас мало избранных счастливых праздных,/ Пренебрегающих презренной пользой,/ Единого прекрасного жрецов», – и эта безысходность прозвучала во мне фразой «Нас много. Может быть, я одна», которая заставила меня уйти от огорчения в смех. Потом прибежала Любочка Кудряшова и набросилась на меня за то, что она долго искала Соборную 8 – Переулок Счастья 1. Подошла к нам Настенька Пирожкова. Потом Ирина Гасановна Кусова – сотрудник РИАМЗ – пришла потому, что она услышала мою просьбу кого-нибудь из музея прислать за моим подарком.

По доброму душевному отклику Татьяна Павловна Семенченко распорядилась перенести микрофон со всей аппаратурой из Торжественного зала к выходу, и сотрудник ждал,

но я не стала просить его вынести из дома и подключить микрофон, потому что, как видим, было «Нас много. Нас, может быть, четверо». (Могло быть пятеро, если бы Блудов не «заблудился», и бывший сотрудник библиотеки, которого он встретил, сказал бы ему, где этот дом находится, и если бы я взяла с собой свой сотовый телефон).

Любовь Созонова (Кудряшова), Галина Иванова,
Ирина Кусова.

Фото Анастасии Пирожковой.

Ирина Кусова, Любовь Созонова (Кудряшова),
Галина Иванова.
Фото Анастасии Пирожковой.

Галина Иванова, Анастасия Пирожкова.
Фото Любови Созоновой (Кудряшовой).

День России Возвращение поэтов в Россию стихами

Последняя и первая страницы обложки книги

Изданную в типографии В.Ю. Жукова книгу-подарок: Вениамин Кисин, Борис Кисин «Вербь весенняя весть», Рязань, 2017 (со стихами Вениамина и Бориса Кисиньх, с моими статьями о них и с дизайном обложки, выполненной Жуковым), – я презентовала у дома на Соборной 13 у мемориальной доски Вениамину Кисину 12 июня 2017 года, чтобы поэты вернулись в Россию стихами в День России. Хотя времени к этому дню на издание было мало, Виталий Юрьевич сказал: «Сделаем», – и книгу со своей командой издал профессионально талантливо и красиво, работая не считаясь со своим временем так, что однажды мы с ним сидели за своими компьютерами до часу ночи (это только то, что я знаю, и звонить ему можно было в любое время).

На этой презентации тоже было «Нас много. Нас может быть, четверо». 12 июня мало того, что это праздник – День России, так ещё и выходной, а это летом день дачный. Пришли Любовь Созонова (Кудрашова), Ольга Сидорова (Ершова), Роман Маркин. И если не считать меня, то тоже было «Нас много»: «Нас мало. Нас может быть трое... Мы эпохи», не потерявшие нить времён. Режиссёр, кандидат искусствоведения, сын Галины Черновой и Евгения Маркина Роман Маркин, генно и лично дойдя «до самой сути», раскрыл книжку, которую я заранее раздала с приглашениями, и прочитал написанные Вениамином Кисиним строчки из «Провозвестия люминизма».

Любимовская Таганка на родине поэтов

В год 120-летия Вениамина Кисина и 100-летия Юрия Любимова любимовская Таганка: Галя Юрова (конечно, Стернина) и Саша Стернин, – на родине Сергея Есенина и Вениамина и Бориса Кисиных в Рязани и в Константинове по закону всемирного притяжения и соответствия высокому искусству.

Александр Иосифович Стернин – мастер фотографии, фотолетописец Таганки, автор фотографий сцен из спектаклей Таганки и Ленкома, уникальных портретов Юрия Любимова, Марка Захарова, Владимира Высоцкого, Леонида Филатова и многих-многих, автор более 200 фотографий сцен из спектакля «Пугачёв» и фотокопий рукописей и документов Николая Мешкова из ОР ГМИРЛ им. В.И. Даля, выполненных для музея Есенина в Константинове. Галина Витальевна Юрова – заведующая музыкальной частью Театра на Таганке Юрия Любимова.

Любимовскую Таганку я встречала под знаком Таганки – значком на шляпе, который был выпущен к юбилею Московского Театра драмы и комедии на Таганке в 1989 году для актёров и сотрудников Театра.

На родине Вениамина и Бориса Кисиных.
У дома на Соборной 13 у мемориальной доски
Вениамину Кисину. Рязань, 22 июля 2017 г.
Фото Александра Стернина.

На родине Сергея Есенина. Константиново.
23 июля 2017 года.
Фото Галины Юровой.

Есенинское Константиново, 23 июля 2017 года
Фото Галины Юровой и Александра Стернина.

В Торговом центре. Константиново, 23 июля 2017 года.
Фото Александра Стернина.

На территории Иоанно-Богословского монастыря.
Пощупово. 23 июля 2017 года.
Фото Галины Юровой.

120-летие со дня рождения Бориса Кисина

Последняя и первая страницы обложки книги.

Эту книгу-подарок, вышедшую в типографии В.Ю. Жукова к 120-летию со дня рождения Бориса Кисина «Я снова буду жить» со стихами Вениамина Кисина и Бориса Кисина, с моими статьями о них (с добавлениями стихов и сведений, которые удалось довыяснить за время выхода первой книги) и вступительной статьёй «Воскреснуть, вернуться в Россию стихами» я буду презентовать 12 июня (в День России) и 28 июля (в день рождения Бориса Кисина по новому стилю в нашем веке) 2019 года у дома на Соборной 13 у мемориальной доски Вениамину Кисину и у дома на Соборной 8 (Переулок счастья 1 и Площадь согласия 1), где Борис Кисин, конечно, был счастлив получить письмо М. Горького из Сорренто с признанием своего мастерства.

«И свет во тьме светит, и тьма не объяла его»

Мемориальную доску Вениамину Кисину я установила под номером дома, что «не принято», как мне после её открытия сказали. Я не знала об этом правиле.

Но если бы и знала, всё равно это место под номером дома выбрала бы экспозиционно значимо по размещению, по времени и по использованию помещений этого дома при жизни поэта и сейчас.

К тому же, число «13» – это символ праведности, возрождения.

В Древности оно считалось числом Святого Духа.

«Тринадцатым апостолом» «в самом обыкновенном Евангелии» называл себя Владимир Маяковский.

13-м в античной Греции был Бог Зевс, которого признавали главным 12-ть Богов.

13-м был Иисус Христос. Как писал о нём Владимир Высоцкий, «Он был поэт, Он говорил: «Да не убий!». Убьёшь – везде найду, мол».

И поэт Вениамин Кисин, который жил в этом доме № 13, был убит.

И возродились, воскресли те, без кого «пусто и гулко на свете».

И вернулись поэты в Россию стихами. Книгу-подарок «Вербь весенняя весть» к 120-летию Вениамина Кисина в 2017 году я назвала строчкой его стихотворения, размещённого на последней странице обложки. А книга-подарок «Я снова буду жить» к 120-летию Бориса Кисина в 2019 году названа строчкой стихотворения Бориса Кисина, тоже размещённого на последней странице обложки книги. А когда дизайнеры предложили эскиз обложки, то это оказалось отражением слов Евангелия от Иоанна: «И свет во тьме светит, и тьма не объяла его».

Содержание

«Воскреснуть. Вернуться в Россию стихами» 4

Вениамин Кисин

«Алмазная корона в небесах...» 8

«Плаха пульса»

Стихи, опубликованные в 1920-х годах
и неопубликованные 78

Борис Кисин

«Эту ль жизнь поместить на плечах»..... 183

«Жизнь». Стихи, которые прочтут

Стихи, опубликованные в 1920-х годах
и неопубликованные 227

120-летие со дня рождения Вениамина Кисина, 2017

День рождения. День поэзии. День счастья Мемориальная доска Вениамину Кисину	274
День памяти Вениамина Кисина	293
День России Возвращение поэтов в Россию стихами «Вербы весенняя весть»	298
Любимовская Таганка на родине Сергея Есенина и Вениамина и Бориса Кисиных.....	299

120-летие со дня рождения Бориса Кисина, 2019

Возвращение поэтов в Россию стихами «Я снова буду жить».....	304
«И свет во тьме светит, и тьма не объяла его».....	305

Вениамин Моисеевич Кисин
Борис Моисеевич Кисин

«Я снова буду жить»

Подписано в печать
Формат 70х90/32. Бумага офсетная.
Гарнитура Times New Roman
Дизайн обложки В.Ю. Жуков
Печ. л. 19,25. Тираж 70 экз.

Отпечатано
ИП Жуков В.Ю.
г. Рязань, ул. Чкалова, 33а
(4912) 99-13-40
(4912) 98-32-39
www.print-rzn.ru

Эта книга – подарок, продаже не подлежит